

ПОЗДНИЙ КУЗНЕЧИК

Василий Бетаки

Василий Бетаки

ПОЗДНИЙ КУЗНЕЧИК

Василий Бетаки

ПОЗДНИЙ КУЗНЕЧИК

Париж – Одесса 2013

ББК 84(4Укр)62Рус -53я44
Б 540
УДК 821.161.1,06(477) - 14(081)

Бетаки Василий Павлович
Поздний кузнечик
Париж — Одесса,: Издательство ВМВ. 2013. 464 стр

В оформлении использован фрагмент работы Микельанжело.
Фотографии из архива Е. Кассель, М.Кассель, Б. Великсона, В. Оникула.

Редакторы-составители Е. Кассель, А. Бирштейн

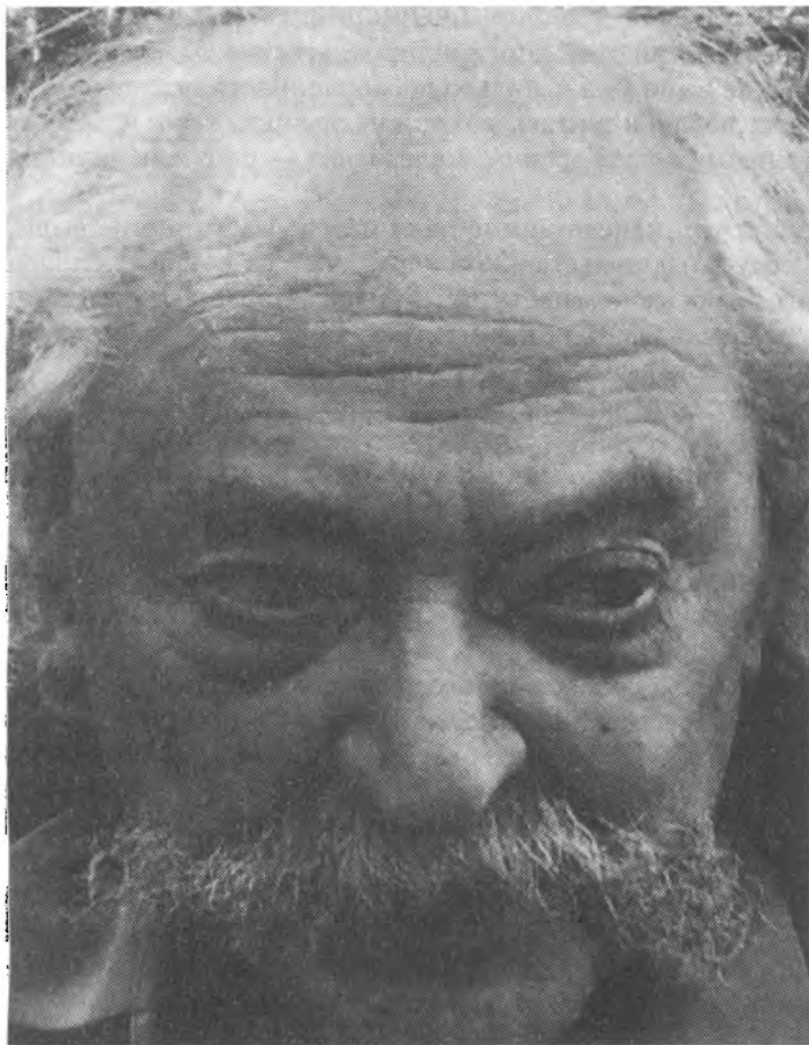
Технический редактор Б. Великсон

Верстальщик М. Кордонский

В книгу вошли стихи В. Бетаки, отобранные его читателями. Также в книгу вошли стихи, которые при жизни поэта не публиковались.

ISBN 978-966-413-439-9

© В. Бетаки, стихи разных лет
© Е. Кассель, предисловие

ПРЕДИСЛОВИЕ

В составлении этой книги приняли участие 29 человек, не считая меня. Я не выбирала, я только добавила. Часть стихов, потому что я очень их люблю и считаю, что они из главных, а они почему-то не попали никому в поле зрения, а несколько — по очень личным причинам.

Есть стихи, напечатанные один раз, в «Избранном», вышедшем в 2001 году в издательстве Захарова. Они мне казались слишком «нашими», чтоб их помещать в интернет... Теперь они помогают мне жить, и я решила, что незачем им оставаться за пределами этого очень личного, очень выбранного избранного.

Чуть-чуть статистики, как же без неё в книжке, составленной читателями. Пересечений гораздо меньше, чем я ожидала. Перечислю только те стихи, которые были выбраны по убывающей шесть, пять и четыре раза. Итак, «Калейдоскоп» — 6 раз; «Возвращение осени», «Снег в Париже» и «Тяжёлый юг» — 5 раз; «Стихи на 80 лет», «Стоп-кадры», «Только сад», «Ощущение повседневной тревоги», «Наступает на тени дворцов», «Канцона», «Сова над лодкой снизилась и взмыла» — 4 раза.

Один из «выборщиков», Володя Рубцов после того, как я ему сообщила, что пересечений совсем немного, на следующий день позвонил мне на работу, чтоб сказать, что он понял почему, что так и должно быть,— каждый находит своё.

Ещё несколько человек говорили, что не знают, как выбирать, что хочется из стихов, опубликованных в ЖЖ, взять всё подряд...

Когда-то человек, которого Васька считал учителем, Павел Григорьевич Антокольский, сказал ему: «Вася, вы очень поздний».

Ваське тогда было под тридцать. Не так уж мало. Для многих возврат вершины. А некоторые и не дожили...

Если сейчас открыть единственный изданный до эмиграции его сборник стихов, «Земное пламя», книгу, которой он стыдился, поражает, насколько она ещё ничего не предвещает, хотя и есть там паратройка неплохих стихотворений. Как можно было угадать, что пройдет время, и автор книжек «Земное пламя» и «Замыкание времени», сохранив страстность, сохранив юность, будет в 80 лет писать больше, чем по стиху в неделю, что в 21-ом веке появятся сборники «После нашей эры», «Меа», «Калейдоскоп», «Тень времени», «Слова», «Стоп-кадры», «Только сад», «Метаморфозы»?..

Я слишком близко нахожусь к стихам Бетаки, чтоб писать предисловие. Мне и произнести-то «стихи Бетаки» трудно,— Васькины стихи...

Всё, что было написано за последние 22 года, мы редактировали вместе. Все предыдущие стихи, кроме отправленных ещё до меня в мусорную корзину (а мусорная корзина была в хозяйстве очень важным предметом) мы вместе прочитали, обсудили, некоторые старые стихи отредактировали заново.

В последние годы Васька писал невероятно много. Его «производительность», если употреблять это слово в отношении производства стихов, достигла той, что бывала у него раньше только в переводах.

Смыслом Васькиной жизни была работа. Никак иначе он стихописанье не называл. Говорил: «мне некогда, я работать должен». И сидел за письменным столом, за компьютером, сколько угодно часов в день.

В последние даже не годы, месяцы, он невероятно пугался, если стих не соответствовал его новым стандартам. Сколько бы я ни орала, что нельзя каждый день писать шедевры, ничего не помогало, пока не появлялся очередной стих, попавший в точку. Впрочем, радости от него хватало, дай бог на день, а потом опять страх — а вдруг последний.

В стихописанье были совсем разные рубежи — один — отъезд, открытие Европы, дикий толчок расширением кругозора — хоть геогра-

фического, Васька ведь очень не кабинетным был человеком. А вместе с географическим — и всякого иного.

Другой — как ни странно ставить его в один ряд с отъездом — переводы Сильвии Плат. До того Ваське очень мешала оглядка на читателя: а поймут ли его правильно. После переводов из Плат он раскрепостился.

А после переводов из Дилана Томаса высвободил ассоциации.

Последние три с половиной года он мало выходил из дому. Без меня — только с собакой, и уже не в лес, он слишком плохо видел, чтобы ходить в лес один, а просто к ближайшему пруду среди бетонных домов.

Я твёрдо знала, что из каждой моей пробежки по улице я должна что-нибудь принести. А потом из притащенных мной материалов строился стих — такой неожиданный, с только Ваське свойственным голосом, поворотом...

Пробегая по Елисейским полям в мороз, я увидела в витрине лыжные шапочки на манекенах. И вот появились «кустов задумчивые морды», по дороге в бассейн услышала петуха в каком-то садике, в пяти минутах от метро, и вот — «Петушиная соната»... А ещё были наши поездки. Пеших прогулок в последние два года было немного, но был взгляд из окна машины, или просто из не-медонского домашнего окна. В последний раз два года назад — была байдарка. Мало того, мы с ним вдвоём то гребли вместе, то менялись, — и обгоняли другие байдарки.

В Дордони на заднем дворе дома, который мы много лет подряд снимали, как-то утром орал петух и красовался, стоя на кочке, а мы из ванной на него глядели — и вот «Ода пёструму петуху».

Всё шло в стихи, перерабатывалось в стихи, и наверно, вот этот способ жизни — появился после знакомства с Сильвией Плат.

Почти о каждом стихотворении, написанном в последние 22 года, я могу рассказать, и когда-нибудь обязательно это сделаю. В наши планы входит издать книгу с комментариями.

А сейчас просто избранное — книга, состоящая из стихов, нашедших своих читателей.

Е. Кассель

P.S. Сборник составлен не хронологически. Поэтому обращайтесь внимание на даты. Иногда они приблизительны, но важна не точная дата, а период. Не надо ожидать от стихов 70х годов того же мастерства и того же уровня размышлений, что в 90х и тем более в 2000х. В стихах 70х бывает приблизительность, которая напрочь исчезла потом. В них бывают тривиальные фразы. Но — раз их выбрали читатели — в них всё равно есть Бетаки.

ВАРИАЦИИ

1.

Видно, все мы у Господа Бога
Корабли, ушедшие в море,
Где не вычерчена дорога
И голос не тонет в хоре,
Корабли, плывущие вольно
От той весёлой земли,
Где средиземные волны
Гекзаметры изобрели.

Эти ритмы

Всё чего-то требуют,
Катят, катят к жилищам богов
Курчавые белые гребни
Долгих ударных слогов.
А волнам и ритмично, и вольно
Мимо зелёной земли...
Только зачем вы, волны,
Одиссею изобрели?
И так уж немыслимо много
Дурацких и грустных историй...

Все мы у Господа Бога
Корабли, ушедшие в море.

2.

А может, правда, что где-то
Есть ещё догреческий Крит,
Там, на середине света,

Где море всегда искрит,
Где можно, начав с эпилога,
Дойти до истока истории...
Видно, все мы у Господа Бога
Корабли, ушедшие в море...

1994

КАЛЕЙДОСКОП

Трубка. Горстка мелких стёкол. Зеркала.
А увидеть все узоры — жизнь мала.
Поверти — разбудишь пёструю метель...

Осыпается рождественская ель,
Но, как свежая, игрушками полна
Древа Мира примитивная модель.

Мне сквозь ёлку вдруг привидится весна,
Мне аукнется в лесу собачий лай,
А кому-то не игрушки — ордена...

Что ж, играй, трубач предвечный, ты играй,
Дуй, архангел, в ту дурацкую трубу,
Нагуди-ка разным — разную судьбу!

Сам не зная, как звучать какой судьбе,
Предназначит ли он Штрауса тебе,

Или Верди вдруг завертит пёстрый сон,
Или Вагнеру ты тяжело обречён?

.....

Но юргой — из азиатской пестроты —
Чьи-то судьбы, да спалённые мосты,
Но случайность на случайность, — лоб об лоб —
И встряхнёт, и повернёт калейдоскоп,
И со звоном полетят стекляшки дней,
Как шестёрка перепуганных коней...
Что ж, крути, но гнать карету не спеши:
Ну а вдруг мелькнёт портрет моей души?

И хоть век ищи, стекляшками звеня,
Не вернуть тебе вчерашнего меня...

2007

СОНЕТ О ДЕТСТВЕ

Памяти М. А. Волошина

Нет, всё при мне, ничто не расплылось:
Они вдвоём стояли надо мной,
Отец и тот — с огромной бородой,
А псина у прибоя суежилась.

И море шелестящее раскрылось,
Но, ничего не видя впереди,
Я голос услышал: «Иди, иди»...
Как должное я принял эту милость,

И кривоногого топая в волну,
Почувствовал: теперь — не утону!
Вот — первое, что помню я из детства...

Но всё-таки за что мне, отчего

Досталась неприкаянность его
И тайны бесполезное наследство?

между 1983 и 1985

ТАМ
(Коктебель, 1938)

*И море чёрное, витийствуя, шумит,
И с тяжким грохотом подходит к изголовью.*

О. М.

Я в этой комнате мальчишкой ночевал,
Не зная ни о чём, — ни этих строчек даже... —
Меня не грохот волн с постели подымал,
Не тот прибой, а тихий голос тети Маши:

Что стыд — так долго спать, что чайник, мол, вскипел,
Что чайкам сухарей пора снести, и взяться
За книжки, и что вот отец уже успел,
Пока валяюсь я, два раза искупаться.

Да, к морю головой стоял кривой топчан.
И где-то в восемь лет — ну как мне знать такое —
Что эта комнатка бывала по ночам
Каютой корабля, отчалившего к Трое!

декабрь 2010

КОКТЕБЕЛЬ

Тут незачем мерить пространство
От солнца до жёлтой глины,
Отсюда в странствие странствий
Уходят сухие долины,

Холмы без следа растений,
Роняя кофейные тени,
Единственный цвет хранят:
Обёрточная бумага —
Измятый склон Карадага.
Здесь — три, ну, четыре шага —
До ближнего спуска в ад.
Всё гуще кофейные тени...

А Данте считал, что в Сиене! ¹

между 1998 и 2003 гг.

ПОД ГРОХОТ ЖЕЛУДЕЙ

Что за барабанная дробь в лесу,
Всё неодолимей и всё сильней?
Ведь каштаны в своих зелёных и влажных кафтанах
Обыкновенно шлёпаются так мягко!
А этот грохот пробивает листву —
Жёсткий ливень из желудей.
Ну да, просто в этом лесу
Больше дубов, чем каштанов,
Этот стук желудей по сухой земле
Мне напомнил тот барабанно рассыпанный стук
Двухсотграммовых зажигательных бомб
По железным крышам Питера в дни блокады...
А сегодняшний подпарижский солнечный вечер
Уж никак не родственник той зимней мгле,
Со стрельбой зениток
И всем прочим, что скорее свойственно аду.

От него давно не осталось ни следов, ни примет,
Да и какая, впрочем, о том сегодня забота?
Ну, наступит зима,
Ну, бесшумный и ласковый снег-свет
Наискось перечеркнёт жёлтые фонари,
Так же беззлобно, как перечёркивают
Незыблемое и устоявшееся что-то...

Да и непонятно, к чему
Шумы один от другого стараемся мы отличить,
Ведь это не строки стихов и не музыкальные фразы —
Просто хаосы — разные!
А различить их — вроде подачи любопытству праздному —
Ведь важней сказать хоть кому-нибудь,
Что понятие различать
Есть частица понятия жить.

3 октября 2011

1944-ый

Мне четырнадцать. Юг жжётся.
Пляж на той стороне Дона.
В пёстрых тряпках песок жёлтый,
И акации в небе тонут.
Снова переплывёшь в город,
Кое-как привязав «фóфан»²,
И полезет тебе за ворот
Разговор из распахнутых окон.

Под каштаны проспектов вечерних

Редко выйдет какой мужчина,
Иногда промелькнёт машина,
И в машине погон чей-то...
А вечерний асфальт — жаркий,
И мороженого на углах нет,
А любая проходящая пахнет
Резедой в городском парке.

Цвет заката — терпкий, горчичный,
И тревогу сравнить не с чем...
Засыпают под утро мальчишки,
Пальцы вмяв в животы женщин.

1992

ОТРЫВОК

В бирюзовых осоках Азова,
На песке, среди лодок плоских,
Как умели казачьи вдовы
Утешенье найти в подростках!
Как тяжёлым двигали крупом,
Помощнее донской кобылы...
Вспоминать это, может, глупо,
Только всё это было, было,
И ведь всё — без единого слова,
Без единого скрипа двери!
Из-за них — до сих пор не верю,
Что не стать мне подростком снова...

1996

В городских садах с цветниками,
В беседках больших, восьмигранных
Духовые оркестры играли,
И качались алые канны.
А майоры в бордовых петлицах
Дирижировали оркестрами
И не знали, что будут сниться
Всем, на клумбах оставившим детство.

Изменялись, смещались предметы:
Стали вместо петлиц погоны,
Стали вместо скамеек — вагоны,
И зима обгоняла лето;
Так волчатам эвакуации
Раскрывалось всё невпопад,
И журчал кипятик на станциях,
На кривых деревянных станциях —
В полувеке тому назад.

.....

С трёх сторон Пиренеи глядят
На рожденье безвестной речки.
Этот белый канат — водопад,
Эти чёрные скалы — вечность.
Брызги лет разлетаются в стороны,
А из нагроможденья камней
Геликон, барабан, валторны —
С каждым всплеском звучней и звучней.
Как?
Опять?

До чего ж он некстати —
Тощий вальс городских садов!
Ведь на каждого больше чем хватит
Убегающих городов,
Эмиграций, эвакуаций
И газет, и картонных лат...
А в конечном счёте приснятся
Только скалы и водопад.

Тут-то и вспомнишь всех отшумевших...
В воздухе пусто. Зябко взвешен
В пыли водяной рассвет.
Чернолаковых скал фон.
Остывшей земли портрет.
Капель по камню — звон, звон.

Цирк Гаварни — исток Гаронны. Пиренеи, 1994

ЦЫГАНСКИЙ БУБЕН ЗЕМЛИ **Сальские степи в 1950 году**

Забытое лето цыганского быта
Мне возвращает один рассвет:
Перетопывающие копыта.
Сальские степи. И двадцать лет.

Жёлтым бисером были вышиты
Звёзды по бархату темноты,
Когда из драной палатки вышли
Рассветный я и рассветная ты.

Спали ещё и телеги базара,

И все заботы
 новорождённого дня...
На всю эту степь, ужасно старую,—
Двое нас и два коня.

На длинных солнечных травах таяли
Капли росы, без следа и боли.
А по зелёным откосам взлетали
Шары прозрачного перекасти-поля,
Их, невесомых, порывами дуя,
Ветры вкось над дорогой несли...
Копыта били в кору земную,
В цыганский бубен летней земли...

июль 2005

ПРИМОРСКИЕ СТРОФЫ

...Ну а нас ведь просто слишком уж много,
Пишущих и прочих.
Вот и не нужна чужая тревога —
Отсвет в облачных клочьях...

Так на что мне пурпур колесниц римских,
Золотые шлемы...
Мазанки белёные станиц низких —
Крохи той же темы:

Поезд пробежал жёлтой, пыльной степью,
Вдоль моря — автобус.
Первый раз увиденная синяя терпкая
Живая пропасть.

В окно — вдруг опущенное — выстрел ветра.
Так по детски страшен
Контур нависающих криво сверху
Генуэзских башен.

Берег травянистый в волнах тёмных.
Рыба. Кукуруза.
Запах литографий в красочных альбомах
С запахом арбуза
Смешаны...

Вот смысл бессмыслицы: пятна
Памяти младенца.
Каждый год прозрачней, и вышивка внятна,
Как на полотенце...

.....

А книги тихо смотрят и с полок не просятся,
Примирённые навсегда....
И от снежного вечера исходит спокойствие:
Что там — полвека туда-сюда?

1996

* * *

Скачет рыцарь из Ламанчи
По Кастилии скалистой
Дать колодникам свободу,
Хлеб — голодным. Дом — бездомным:
Справедливость! Справедливость...

Триста лет по разным странам
Скачет рыцарь из Ламанчи...
Только мельничные крылья
Над бесплодным плоскогорьем

Равнодушно вертят жёрнов
И отбрасывают в лужу
Справедливость, справедливость...

Слово словом остаётся:
Пожелания идальго
Никого не накормили.
И колодники в колодках,
И бездомные бездомны...
Справедливость? Справедливость!

Скачет рыцарь из Ламанчи
Безнадёжно одинокий...

1962

Жалейте мокрые заборы,
Чернеющие над снегами,
Когда ветра в апрельском гаме
Их мелким осыпают сором...
Жалейте мокрые заборы —
У них ведь лужи под ногами!

В распутицу, в сырую талость
Вдали, как в небе, два-три дома,
Да две ветлы — такая малость! —
Торчат над сизым окоёмом,
Чернеют, позабыв о сини,
Над серым месивом дорог.
Жалейте мокрую Россию —
Забор — и раб её, и бог.

1963

БАРАБАННАЯ

Царь един, и Господь един,
И России отвеку дан
Алексеевский равелин,
Аракчеевский барабан.
Аракчеев давно помре,
Но как прежде гулок туман,
И стучит, стучит на заре
Аракчеевский барабан.

Пётр в Европу рубил окно —
Мы заделаем — не найдут!
В барабанах дыры давно,
Их латают, и снова бьют.
Барабан, барабан, барабан,
Барабан уж который раз!
Покорили вольный Кавказ,
Прихватили и Туркестан.
Нет, ещё не последний год
Гложет душу звуков буран —
Под ружье Россию зовёт
Аракчеевский барабан!

Барабанщик давно вспотел,
Но вовсю барабаны бьют —
Кто там равенства захотел?
И в полки студентов сдают.
Не хотите — ниже травы?
Вас тревожат судьбы страны?
Ну, зато уж в казарме вы

Одинаковы и равны —
Все построены в серый ряд,
Всё глушит барабанный бой,
Что-то будет с тобой, солдат,
С барабанной твоей судьбой?
Корка хлеба, да квасу жбан —
Послужи царю и стране!
Лупят палочки в барабан,
Как шпицрутены по спине!
Вот и равенство нам дано,
Нам сержант являет пример,
Чтобы все — на лицо одно,
Чтобы всё — на один манер!
Вы такого хотели? Нет?
Барабаны твердят, не врут,
Что российский интеллигент
Детонатор народных смут.

Царь един, и Господь един,
И России навеки дан
Алексеевский равелин,
Аракчеевский барабан!

1967

МАЗУРКА

Или последний бал моего прадеда

В зале мазурка хлещет с балконов,
Зарево золота в белых колоннах.
Чётки античные профили женщин,
Чёрными птичками кажутся свечи.

Мечутся рыжим пламенем баки —
Мчится в мазурке поручик Бетаки.
Белая роза на доломане.
Музыка кружит, музыка манит —
Прочь до рассвета учёные споры,
Росчерком свет в золочёные шпоры.

Шпора сотрётся
В свете сусальном,
Звон обернётся
Звоном кандалным,
Белая роза дворцового бала
В белой метели окажется алой,
В лёгкость мазурки
Лязгом железа
Врежется медленный гром полонеза:

В бой
Вы пойдёте за царя.
Который раз, который раз
Тяжеловесные мелодии твердят, что в бой
Вы пойдёте за царя...

Всплески мазурки тонут в железном.
Пляска снежинок — в отблесках лезвий.
По ветру яркие ментики мечутся:
Иль вы презрели Царя и Отечество?
В блеске последнем слепнет заря —
Будет Отечество и без царя!

Чёрта ль — на площадь? Если угодно,
Можно и проще...
Неблагородно!
Татем безвестным в Лету не канем!
Сабля скользит по граниту Гром-Камня,
Конь глазом косит — не было б хуже...
Саблю, как косу, точит Бестужев.
Блики на облике облака близкого —
Был он Бестужевым, будет — Марлинским...
Всплески мазурки, выюжной мазурки —
Пули снежинок в чёрные бурки.
Скинь-ка перчатки, рыжий поручик:
Эта мазурка — без лайковых ручек!
Ядер горячих по льду шипенье.
Скоро ль откликнется Польша Шопена?

Гром:
По Сенатской пушки бьют.
И лёд трещит полурасколотый,
Как будто полонез ползёт через Неву...

Через Неву бы!
Солнце над Горным.
Взблеск ли клинков, или выкрики горна?
Лебедь декабрьский, горнист очумелый!
Снег ли?
Кровь ли?
Красный да белый...
Белые стены, красные лица,
Хлещет мазурка снежной столицей!

Цепи наручников на доломанах.
Что же, поручики нас доломало?
Лавры ль Марата?
Пыл патриота?
Или святая болезнь Дон Кихота?
Мельницей вертятся ветры российские,
Петли пеньковые, тракты сибирские,
В ритмах мазурки гремят колокольчики:
Кончено, кончено, кончено, кончено...
Трупы завернуты в чёрные бурки.
Мельница вертится в ритмах мазурки!
Снег? Перемелется! Век? Переменится!
Крутит Россию кровавая мельница!

Горские пули? Кавказские кручи?
Значит в рубашке родился, поручик...

1972-1973

ПАМЯТИ ЧЕХОСЛОВАКИИ

Солдаты ушли купаться,
Но бдительны и строги,
Как символ всех оккупаций,
В строю стоят сапоги.

По берегу ровной ротой,
Четыре шеренги в ряд,
Начищенные до рвоты
Одни сапоги без солдат.

И каждый — подобье танка.
От пары до пары — шаг.
На каждом висит портянка,
Но это — не белый флаг!

Солдаты ушли купаться,
И пусть по воде круги,
Живёт божество оккупаций —
Чёрные сапоги.

Да разве в солдатах дело?
(Чётко сапог стук!)
К чёрту солдатское тело —
Важно только каблук!

По городам и травам —
(Чётко шагов счёт!)
— Рррота! Ррравненье! Право-
е голенище — вперёд!!!

Кормёжку живым болванам?
(Чётко стучат шаги!)
По мраморам и тюльпанам
Без них пройдут сапоги,

Пройдут, протопают тяжко
(Чётко шагов счёт!),
А впереди — фуражка,
Покачиваясь, плывёт...

1968

* * *

В небе летнем, старинном
И почти что пустом

Резко вздыблены спины
Разведённых мостов,
И нежданный, как лебедь
Над Невой несогретой,
В фиолетовом небе
Силуэт минаретов.
Над гранитами призрак
Бухары бирюзовой,
Азиатским капризом
В сон Европы суровой —
Словно в «Аве Мария»
Влился клич «Бисмилла»,
Полумесяцем крылья
Изогнув у орла,
Словно небо кусая,
Две змеи над Невой,
Встали рядом, касаясь
Облаков головой,
И у каждой по телу
Пляшет ромбов мираж...
И молчит опустелый
Петропавловский пляж.

1966

КАФЕ НА ОКРАИНЕ

Вале Тропининой

Кафе на окраине.
Лёгкие стены стеклянны.
Глядимся в их синь, в марсианские телеэкраны,
Пропав, потерявшись, попав на другую планету,

В чужие кварталы, которых почти ещё нету,
Оттуда, где каждый трамвай, фамильярно мигая,
Раззвонит, что видел вдвоём нас во встречном трамвае...

Кафе на окраине. В солнечном отсвете медном
Мы смотрим, где сесть, на мгновенье у входа помедлив,
И люди, глаза оторвав от тарелок и рюмок,
Глядят на тебя, и светает в их лицах угрюмых.
Свой мир принесли мы туда, где никто нас не знает,
Где впору поверить, что это — планета иная,
И радостно-редки мгновенья таких эмиграций —
Ведь чудом, случайно, сюда довелось нам забраться
Оттуда, где люди и кони, дворцы и колонны
Незыблемы, каменные, бронзовые, определённые —
Сюда, где всё спутано, смешано, несоразмерно,
Где сверху на избы установились стёкла модерна.

Кафе на окраине.

За лёгкими шторами — краны,
А дальше — калитка скрипит, и в окошках герани,
И этой девчонке недолго уже остаётся
Ходить с коромыслом к замшелому срубу колодца.
И всё-таки жаль тополиную улицу эту,
Как жаль вдруг открытую нами чужую планету...

Забор да скамейка сосновая...

Что это? Кони?

Не Аничков мост ли их выслал за нами в погоню?
Укрой нас, наш друг неожиданный, тайный, случайный —
Деревня в кольце небоскрёбов, кафе на окраине.

1966

Вечерами в переполненном трамвае
Зыбкий контур отражённого лица,
От вагонного стекла не отставая,
Так и движется сквозь город до кольца.

Там во тьме — черты пикассовой голубки,
Бровь одна — чуть-чуть сильнее подведена,
Рыжий свитер над квадратом белой юбки
В полуметре от вагонного окна.

Так прозрачно неподвижное движенье,
Только алым озаряются зрачки —
Это с ними совместились на мгновенье
Обгоняющей машины огоньки.

Сквозь мельканье стёкол встречного трамвая,
Как сквозь движущийся сгусток пустоты,
В вечер, в город, пролетая, проникая,
Невредима эта хрупкость красоты.

Слишком зыбко. Невесомо. Нереально.
В полуметре от летящего стекла
Так спокойна и немислимо печальна
По чертам лица струящаяся мгла —

Потому что свет в вагоне слишком плотен,
Чтобы так, не улыбаясь, не скорбя...
То ли город за окном наоборотен,
То ли я, в него глядящий сквозь тебя?

1965

Опять сведённых жаждой губ
Дрожащие углы.
На каждом новом берегу
Сжигаешь корабли.

Кострами прежними спина
Давно опалена,
Но неоткрытая страна
Опять зречкам нужна.

И обойдя вокруг Земли,
В какой-нибудь из дней,
Наткнёшься вдруг на горсть золы
От первых кораблей.

1969

Вике Уманской

Идти вдвоём по набережной тёмной,
Не замечать ни зданий, ни садов,
Под мерный стук, под стук дождя бессонный
Не понимать, или не слышать слов,
Пусть барабанит дождь по листьям сада,
Блестят огни, огни в воде дрожат...
Идти сквозь всё с чужой любовью рядом
И говорить, или молчать не в лад,
Бросать слова, которым сам не веришь,
И думать так, как думать не желал,
И повернуть назад от чьей-то двери,

Чтоб снова дождь в лицо тебе хлестал,
И думать...

Питер, 1950

ОСЕННЯЯ ВЕНГЕРКА

В сумерках желтых, в шуршащих аллеях
Листья алеют...

Листья лимонные, зелень сквозь золото,
Листья лиловые, листья тяжёлые,
И неслетевших листьев касаясь,
В жёлтый туман от меня ускользают.
В жёлтых метелях листья — как слово:
Свежим сухое не сделаешь снова...

Так мотыльковы листья осины,
Ивы белеют в искорках синих,
Царственно щедро медные клёны:
Серым кустарникам дарят короны.
Хмурого дуба тёмная бронза
Падает тяжко, больно и грозно,
Падает каждый, как падает знамя...
(Так не однажды бывало и с нами)

Все отплясались, истины, бредни,
Липы остались — и пляшут последними!
Липы хвостами лисьими машут,
Липы устали, липам не страшно,
А над банальностью луга и лужицы
В вихре венгерки орешники кружатся...

И по осенней незримой лестнице,
Вместе ли с листьями бестелесными,
Сами мы, словно касанье,
В жёлтый туман ускользаем?

1963

* * *

Лине Глебовой

Когда случается всерьёз —
Доверься ветру, он излечит,
Доверься милости берёз,
Пусть осень их зажжёт, как свечи,
Чтоб в тёплый, нестеровский вечер
Они гляделись в тёмный плёс...

Когда случается всерьёз —
Неповторимость каждой встречи
Листвой невнятной лепечет
Тебе...

Так пальцы тонких лоз
Кирпич ласкают и калечат.

Когда сбывается всерьёз —
Закат над морем бесконечен,
Пусть берег двинется навстречу
И лодка вскидывает нос,
Случайно брошенный вопрос
Особой глубиной отмечен,
Залив туманен и беспечен,
И вёсла попадают врозь,

И ты не замечаешь гроз,
А грозы падают на плечи...

1965

ЗАМЫКАНИЕ ВРЕМЕНИ

...А завтра я приду опять
Пустые поезда встречать.
Дождь. Отсыреет мой табак.
Опять вагонов мокрый лак,
Асфальт платформ и ртутный свет,
И поезд, и тебя в нём нет.

Платформа ждёт.
Из пустоты —
То чемоданы, то зонты,
И делает пустой её
Отсутствие твоё.

И тот же поезд, и вагон,
И те же люди — на перрон,
И кончик стрелки — тот же круг:
А вдруг?

Но тот же дождь, и тот же свет,
Как будто много лет
Я ожиданье берегу —
Я столько ждал, что спать смогу!
Уйду и выплюсь! А потом
Вот так же встану под дождём.
И та же стрелка круг замкнёт,
И поезд — снова тот...

И я стою.
И свет стоит.
И дождь.
И даже этот ритм.
Как будто пущен фильм кольцом:
Начало склеено с концом,
Как будто осуждён всегда
Встречать пустые поезда.
А завтра я приду опять
Пустые поезда встречать...

1967

* * *

Под влажным солнцем осени желтеет Летний Сад.
Беседуют философы под тихий листопад.
Ни шороха, ни голоса, и только с высоты
На мраморные головы планируют листы,
И паутинки осени над белизной висков
Усыпаны монетками осиновых листков.

О, мраморные личности, не схожие ни с кем!
Вы — тень от необычности миров, систем и схем.
Ничто вам вьюги жёлтые, дожди и холода,
Закатом обожжённые, вы знаете, когда,
Запахивая ватники и на ветру дрожа,
Вам будки деревянные наденут сторожа —
И вмиг исчезнет разница, и пропадёт лицо,
И серых досок равенство накроет мудрецов...

1968

СТАРЫЙ АРТИСТ

Памяти Павла Антокольского

Не рыцарь — карлик из Прованса —
Но весь от ног до головы
Он был обломком Ренессанса
В совковой духоте Москвы...

Он — режиссёр, поэт, художник,
Точнее — человек-театр,
Незримо сплёл свой труд острожный
С толпою федр и клеопатр.
Обвал в горах? Горланство рынка?
Взмахнёт, как дирижёр — и вот
Шекспир сменяет Метерлинка
И оттесняет Турандот.

Так он и выдумал весь мир:
Нагромоздив на сцену сцену,
Обруша в серый сон квартир
Непрошеную перемену.
Тебя по сцене он ведёт,
Схватив за локоть резко, грубо,
Разбрызгав водевильный мёд
Веслом трагедии стотрубой!

Нет аксиом, и мир непрост —
Забудь, что крашенные доски
Вокруг тебя, что здесь — подмостки,
И что прожектор — ярче звёзд!
И не пытайся заглянуть

За размалёвку декораций:
Будь зрителем, актёром будь,
А в тряпках незачем копаться!
Смотри в лицо — и в этом суть
Стиха и сцены...

1965 — 2005

* * *

В пустоте почерневших каналов
Ты искал отражение своё,
Но дождливая ночь распинала
Неоправданное бытие.

Словно ящеры, ждущие хлеба,
Гнулись чёрные краны к воде,
И вертелись то вправо, то влево,
Чтобы небо на шеи надеть.

А когда в глубину истязанья
Проникали живые слова,
То казалось,— взорвётся молчанье,
И сквозь город прорвётся трава...

Но дворцы были сонны и слепы,
Ты напрасно им в очи глядел.
И гранит, почерневший от гнева,
Напрягая как трещины нервы,
Промолчал и собой овладел.

1968

* * *

Ксении Грушвицкой

В безоблачности, над гранитной крепостью,
Над клетками дворов,
Летающий ангел пойман в перекрестье
Прожекторов.
Распахнутые судорожно крылья
Внутри креста,
И ангел бьётся на булавке шпиля,
И ночь — пуста...
Молчи и слушай, если ты крылатый,
Как до утра
Ещё трубит тревогу ангел, взятый
В прожектора.

1971

* * *

Бунтует парк!
О, как всеильна
Его глубинная душа,
Сухой и колкой снежной пылью
Проспект неоновый глуша,
Чтоб страхом замутились фары,
Чтоб покосились изнутри
Самодовольство тротуаров,
Самонадеянность витрин.

И вот —
Как белый тигр,
Как доблесть,

Как возмущение аллей,
Врывается метельный отблеск
В бездушье ртутных фонарей
И крутит яростные сальто,
Ограды чёрные грызя,
Непогрешимости асфальта
Ветвями тонкими грозя!

1963

ЛЕТНИЙ САД

Эти головы горгон —
двулики,
Алебарды вправо-влево
смотрят,
Не гадал, не думал Пётр
Великий,
Что на Летний поналепят
морды,
Что заблудишься в сплошных
величьях,
Что не ступишь никуда
с аллеи...
Видишь головы горгон
двуличных?
И на каждой притаились
змеи!
Алебарда, что орёл —
двуглава,
А кустарники прямы,
как рама,

Тут ни влево не свернёшь,
ни вправо:
Генеральная аллея —
прямо!
И глядится в ту аллею
замок —
Видишь, в цвет драконьей крови
стены?
Он несчётными глядит
глазами,
Охраняя неизменность
стиля.
Там живёт убитый им-
ператор.
(Стиль воинственный зовут
ампиром).
Топай прямо, а свернёшь куда-то —
Обернётся тот ампир
вампиром!

1961

ГЕОМЕТРИЯ ТУМАНОВ

Ветрами зеркала туманов погнуты,
Дождём пропороты...
Совсем не по эвклидовым законам
Живёт мой город.
Мост — не дуга.
Он кем-то смят в гиперболу.
И фары искажают перспективу,
Выхватывая дерево за деревом

Сады из волн залива.
И серебрятся аисты столбов.
Их гнёзда — не на крышах, на асфальте!
Как всё искажено!
Хоть вы останьтесь,
Две нитки параллельных огоньков,
Две линии неоновой химеры
Над бесконечной сыростью аллей...
Но где-то там, в вершине псевдосферы
Сойдутся параллели фонарей.

1961

Из варяг в греки — звоните:
Пути нет.
Но и телефонные нити
В паутине.
Как ладьям, где у реки — ни волока?
Пути нет,
Только провода, сволочи,—
По плотине.

В тряпки парус выкинул,
Сломал весло.
Неуютно викингу:
«Херсонес, алло!»
«Не туда попал ты!» —
Кричит век.
Мокрые асфальты
Вместо рек...

«Наберите снова!»
...Где там челнам —
Не пройти и слову
От вас к нам...

Облака навалены
На провода.
«Не туда попали вы!»

— Не тогда...

1971

Впереди — бесконечная зима,
А на улице снега — по колени,
И гуляет такая кутерьма
Аж по всей шестидесятой параллели.

Лупит ветер то в морду мне, то в бок,
Только воздух в самом деле без движенья:
То земля опять уходит из-под ног —
Ощуцаю подошвами вращенье.

Надоел необъезженный буран,
Снова белый жеребец сорвал подпругу...
Хоть бы выйти на какой меридиан
И держась, как за канат, скатиться к югу.

1964

БАКИНСКАЯ БУХТА

*Auf die Berge will ich steigen,
Lachend auf euch niederschauen*

H. Heine³

Тут бродячих собак под навесом полно,
И морская вода попадает в вино,
На дюралевых ножках, как на сваях, столы,
И читает стихи мне Ага Лачанлы.
И звучит надо мной ритм газели двойной,
И я слышу, что он — в самом деле двойной,
А его повторяют каспийский прибой
И закат, оттенённый персидскою хной.
И не-правдо-подобно-восточной стеной
Дворец ширван-шахов торчит за спиной...

Этот берег стихов чем-то душу томит,
С ним когда-то на ты говорил Низами.
И хоть здесь лишь в стихах ты найдёшь соловья,
И ни дня не бывает без ветра, но я —
Злостный враг буколических бредней Руссо —
Если жизнь обернётся такой полосой,
Что тошнить меня станет от всех корректур,
От почирканных зеброобразно страниц,
От критических морд и начальственных лиц,
Этих, чей карандаш по стихам — как Тимур,
Трупы слов оставляет и яростных птиц
На полях — чтоб в мозгах был налажен ажур,
Если тошно мне станет от серых фигур,
От солидных очков, от ладоней-мокриц,
От ровесников лысых и крашенных дур,

Изрекающих плохо срифмованный вздор,
Опускающих с хлопанием шторы ресниц,
После взглядов, пронзительных, как фотоблиц —

Гейне в горы грозился,—
ну а я уж сбегу
Под изодранный тент на морском берегу.

1969

ИЗ ЦИКЛА «БЕЛОМОРЬЕ»

1.

На рейде парусные шхуны,
Почти петровские на вид,
С крестами мачт над морем лунным...
Но только память сохранит
Не их, не каменистый берег,
Не пляску листьев на воде.
А чёрных изб косые двери,
Всегда открытые беде...

Сорока, 1953

2.

Три дня по станции не ходят патрули,
Позавчера собак куда-то увезли.
Одни стройбатовцы, мои ученики,
Долбят бахилами промёрзлые мостки.
А мир — всё тот же: неразменная зима,
К земле приплюснутые длинные дома,
Сугробы, ёлки, да фонарные столбы,
Да дым, торчащий на морозе из трубы,
Да штабеля стволов сосновых в стороне,

Да застывающий на рельсах свет огней,
Да звонко слышится, как сквозь ночной мороз
Расконвоированно взвизгнет мотовоз...

Малошуйка, 1954

3. ОТЛИВ

До горизонта в Белом море
Уходит серая вода,
Между кустов, как в коридоре,
Лежат рыбацкие суда...

А полосатый кот, который
Идёт, ища креветок, в даль...
И хвост трубой, над всем простором —
Единственная вертикаль.

Париж, 2010

СЛЕДЫ НА СНЕГУ

...И снег на площади — бумага.
Условны чёрточки людей.
А там — всего-то два-три шага
От освещённых площадей,
И вот — Приказная Палата
С огромным в темноте крыльцом,
И в эту темноту куда-то
Углом врезающийся Кром.
Он непомерно вертикален,
А две замёрзшие реки
Лежат и сходятся в провале,
Где снег летит на огоньки.
В ночи от Троицкой громады

До двух мостов — по триста лет...
Тут Арсенал. Обрыв от сада.
Глубокий снег. Глубокий след.

На три или четыре века
Нас — только трое: я, да ночь,
Да ветер, падающий в реку,
Чтобы смолчать и не помочь.
А за рекой Козьма с Демьяном
Грозят бунтарским куполком,
И звонниц чёрные прораны
Бредут по снегу босиком.
От них до той кинорекламы
Пятьсот шагов да триста лет,
Ворот вневременная рама,
Глубокий снег, глубокий след.

Псков, 1967

ИЗБОРСК

Николаю Рубцову

За Труворовым городищем,
За тяжким каменным крестом,
Напрасно взгляд предела ищет,
В плывущий уходя простор.
И всё — внизу: кусты и крыши,
Журавль колодца и пруды,
Бумажный змей, толпа мальчишек
Да яблоневые сады.

А в грозовом вечернем небе
Над всем величьем тишины,

Неровный, выветренный гребень
Полуразрушенной стены.
И обезглавленные башни
С пустыми стрельнями вразброс
Над нынешним и над вчерашним
Безмолвно встали в полный рост...

И стены, серые, как туча,
Под тучей, грозной, как стена,
Нависли над зелёной кручей
В оковах векового сна.
И кажется, что город этот
Не мёртв, но чутко предан сну:
Ведь яблоки, срываясь с веток,
В предгрозые рушат тишину.

1962

* * *

А меня никто не провожает.
Только там, как лик святой бледна,
На платформе женщина чужая
В раме ослеплённого окна.
Вниз прямые волосы пролиты,
А за ними солнце, словно нимб.
То чужие боги ждут молитвы,
Но не время поклоняться им.
Длинноглазая, не жди моленья,
Лик иконный, не гляди в стекло —
Ждал я в нём не твоего явления,
Только чуда не произошло.

1970

Фаине Шушковской

В этом торчащем и многоэтажном
Хаосе книг, электричек и встреч
Вдруг промелькнёт неизбывная жажда
Несберегаемое сберечь.
В городе тёплом, спешащем и мокрым,
В городе, мчащемся наперекос,
Рыжие, молча не движутся окна
Цвета твоих волос,
Рыжие молча хихикают окна,
Всё растеряв, что хранили всерьёз.
Не сбережёшь... Так не надо быть страусом,
Прямо в глаза, словно в окна взглянуть!
Что мне за дело — мы правы, не правы ли?
Мне б только рёбра успеть застегнуть.

март 1973

Кто мы?
Последняя осень России
в венозных ладонях листов...
Клёны —
Ослепшие лоси носились
в морозных загонах лесов.
А вдуматься в осень — рассвет отражённый,
Багровая гниль,
Растила, да бросила ветром сожжённых
Под снежную пыль...
Потомки мыслителей, пасынки серой зимы —

Кто
Мы?

Откуда?
Из тени бессонной,
 где ртутные блики мертвы,
Где чудо —
Немного зелёной,
 пропахшей мазутом травы.
Гранит петербургской Европы,
Москвы азиатский базар...
Спартанцы бросали нас в пропасть,
Забыв завязать нам глаза —
И мы воскресаем —
Не так, как Христос или Будда.—
Откуда?

Куда мы?
К бесплодным пескам ли,
К холодному камню нордических скал?
Содома
Оглянутся вслед нам,
Но бледно
Сверкнёт их солёный оскал:
Поймать бы, порвать бы
портрет, уходящий из рамы!
Куда мы?
 18 апреля 1973 года, ленинградский аэропорт.

В окна мне глядят Юпитер и Париж.
Где-то там — ночная питерская тишь.

А в Воронеже — вороны на крестах,
У них чёрные короны на хвостах.

И растаяло созвездье Гончих Псов,
И пластается туман из-за лесов,

Где молчит, как берендеева страна,
Вольной Вологды белёсая стена.

А за ней — морозцем тронутая ширь,
Там затерян Ферапонтов монастырь,

Там над озером, где низкая трава,
Тают в воздухе неспетые слова,

Цвет лазурный не отдавшие зиме —
Дионисиевы фрески в полутьме.

Там, в приделе, за безлюдный этот край
Заступись ты, Мирликийский Николай,

За осенний, за желтеющий рассвет...
Помяни, что мне туда дороги нет,

Помяни, что в граде Китеже живу,
Только воду осязаю, не траву,

Помяни, что я молился за леса
И над озером тугие паруса,

Ты, взлетающий в подкупольную высь,
За меня, святой Никола, помолись...

*29 сентября 1973, на день рождения
и на второй день прибытия в Париж.*

ИЗ ЦИКЛА «КИТЕЖ»

Н. Н. Рутченко

В граде Китеже, в граде Китеже
На безлистом, илистом дне...
Погодите же, погодите же:
Слышен колокол в тишине!
В граде Китеже, в граде Китеже,

Где намокла дневная мгла,
Не разбить вам, не заглушить уже,
Не достать вам колокола!

И когда забудет о розовом
и нахмурится верх лесной,
Над изломанной гладью озера
Станет ветрено под луной,
И стеклянные волны призмами
Вновь подставят бока лучам,
Мы — не призраки — но как призраки
Подымаемся по ночам!
За сараем в собачьем лае
(Мол, хозяин, возьми с собой!)
Мы опять вороных седлаем,
И опять — в безнадёжный бой!
Крепко взнуздываем надежду
И накидываем плащи,
И выходим на берег между
Двух осин — и ищи-свищи!

Ну а в Китеже, ну а в Китеже
Ночью молятся и о нас:
Разбудите же, разбудите же
Хоть кого-то на этот раз!

И когда поезда гремящие,
Обогнав нас, трясут мосты,
Разгляди, что мы настоящие,
Что совсем такие, как ты...

Тонет звёздный свет
В гриве лошади,
Старый дуб в ночи крутит ус...
Дай мне, Господи,
Крошку прошлого —
Я пойму теперь его вкус:
К дому дом, ощерившись, лепится,
Словно вздрагивает во сне,
Перепуганные троллейбусы
Прижимают уши к спине,
По асфальту, где окна спящие
Не расслышат копытный гром,
Мы проносимся — настоящие —
И скрываемся
За углом:

Отряхните же, отряхните же
Наваждение на этот раз!
Мы — из Китежа, мы — из Китежа,
Мы сегодня разбудим вас!

Заблудиться в пятиэтажии,
До утра не найти свой дом,
Где всеобщую распродажею
Вам грозят за каждым углом,
Где на улицах и вокзалах
В кумаче — ордынская вонь,
Где в церквях гаражи, пожалуй,
Потому, что не в моде конь.
Вы не младше нас и не старше нас,

Так не плюйте в нашу тоску,
Не умели мы под татарщиной,
Не хотели в аркан башку!
Души съедены, сосны спилены,
Вместо птичьего — свист хлыстов...
Оттого-то и затопили мы
всё — от папертей до крестов,

Затонули мы вместе с Китежем,
И поэтому — вас живей!
Отворите же, отворите же,
вот мы спешили у дверей!

В ваших комнатах, в ваших комнатах,
Там, где страх, как столетье стар,
Мы напомним вам, мы напомним вам,
Всё, чем жили вы до татар,
И о Китеже, и о Китеже,
Ибо мгла его — не смогла...
Ну, проснитесь же,
Ну, очнитесь же,
И услышьте колокола!

1973

От Китежа до Петербурга
Совсем не так далеко:
Следи за полетом окурка,
Брошенного в Неву.

От Лондона до Атлантиды
И вовсе рукой подать.
Гулкий Биг Бен обиду
Колышет в жёлтой воде.

Говорят, Венеция скоро
Будет на дне морском —
Лев Святого Марка,
Отращивай плавники!

Да только — зачем об этом?
Всё-таки мне никак
Не хочется быть поэтом
Тонущих городов...

1979

* * *

Уходит женщина во мрак.
Безлюдный мост. Пустой кабак.
Не знают стёкла, почему
От них она идёт во тьму,
Зачем так злобен за спиной —
Лишь обернуться — свет стеной,
Но в зеркалах открытий нет —
И лучше в спину этот свет,
Чтобы глаза наелись тьмой
Над набережную немой,
Чтоб чудился в каштанах свист,
Чтоб фары чёрные цвели,
Захватывая жёлтый лист,

И — прочь. Туда. За край земли,
Где сон ещё не так пуглив,
Где поглощает мглы прилив
Тот мир, в котором просто так
Уходит женщина во мрак...

1978

В ЛЕСАХ

1.

Я краду тебя,
 чтобы мокрым лесам
Заплатить за первую медь.
Ведь недаром лист прилипал к часам,
Чтобы мне на них не глядеть.
Я краду тебя, как дикарь божество,
Чтобы в капищах прятать лесных,
Я краду тебя у себя самого
Так, как прежде крал у других.
А за все эти кражи — возмездье мне:
Красть во сне, отдавать наяву,
И гореть, не сгорать в кленовом огне,
Как язычнику и волхву.

2.

В коричневых листьях черешни —
Хрустящего ветра шаг.
Благослови нас грешных,
Святой Иоанн в Лесах!
Глядят со слепую болью
Острые окна твои,

С укором глядит колокольня —
«Кумира не сотвори!»

За то, что завета не слушал
В тот миг, когда жизнь на весах,
Возьми, раствори мою душу,
Святой Иоанн, в лесах.
Не отрекись от боли,
Ибо — зола к золе.
Свою грядущую долю
Я взял уже на земле!

Теперь расплатиться нечем,
И нечем себе помочь...
Полжизни — за этот вечер,
Полжизни — за эту ночь!
Только мгновенье мудро,
Не время листве облетать,
Ещё полжизни — за утро,
Да где её, третью, взять?

Когда я один останусь
В жёлтом лесу твоём,
Когда я осиною стану,
Одень меня жёлтым сном,
Чтоб ветер листву не сбросил
И дождь не внушал мне страх.
Благослови мою осень,
Святой Иоанн в Лесах!

1980

«То, что делаешь — делай скорей!»⁴
Пусть останутся хлеб и вино.
Растворяйся в тумане аллея,
Чтобы стало тепло и темно.
Потому что теплей без тебя,
Хоть, наверно, темней без тебя,
Но промёрз я с тобой, и не рад,
Что теплей одному и нигде...
А темней? Но кошачий мой взгляд
В темноте — словно рыба в воде.
Наглотававшийся мертвенных числ,
Заплутававшийся в сердце своём,
Я оплачу таинственный смысл
Этой вечери тайной вдвоём.
Не оглядывайся у дверей,
Я смолчу. Я давно уж не тот,
И тебя ведь никто там не ждёт...
То, что делаешь — делай скорей ...

1984

Натания, Израиль

В бесконечной семисвечной тоске
Бородатые пророки кричат,
Те же пять этажей, но на песке
Окна пьют на безлюдный причал.
Монотонные бетонные дома,
Стены серые, сводящие с ума.
А закат из разрезанной дыни

Истекает, и навстречу ему
Угасающее пламя пустыни
Переходит в лиловую тьму.

1991

* * *

За окном вагона —
остаться б на этой поляне.
Задохнувшись гонкой,
мостами...
Не до гуляний,
Не до костров купальских...
Остаться, остановиться,
И — как песок сквозь пальцы —
Из Времени рукавицей
С руки потерянной,
за поленницу завалившись...
Коснись безвременья...
Полой ленью застынут лица.
И ждать погоды.
Но не у моря — ведь море отнято,
А сжать все годы,
сдавить всё горе
в ладони потной,
Не выпуская...
Вот так — синицу.
Не журавля же!
И жизнь словами вся в полстраницы
Спалённо ляжет...

1990, в вагоне Париж-Москва

КАНЦОНА

*И возвращаются реки к истокам,
И то, что было, то будет и впредь.*

Экклезиаст

Раскалённые площади дышат латынью,
На горбатые мостики римского дня
Сухо падает небо непрошеной синью,
Рвутся вверх из фонтана четыре коня...
Я вторично вхожу в ту же самую реку —
Нет дурной бесконечности у бытия:
Возвращаются годы как псы к человеку,
Возвращается ветер на круги своя.

Меж котов Колизея смешную тревогу
Сеет резкий звонок — сколько ни повтори —
То на Старую Аппиеву дорогу
Через заросли пиний выходит трамвай...
Из молчанья преданий, из тьмы узнаванья,
Из причудливой смеси зверья и людья,
Возвращается строчка к началу посланья,
Возвращается ветер на круги своя.

В те же скалы колотится пена прилива.
Этот мраморный стол... Вот уж двадцать веков
На столешницу ставят остийское пиво,
То, которым Катулл угощал моряков.
Нет, не так уж печально у Экклезиаста:
Есть у рек берега, есть у моря края —
Разве так это страшно, что верно и часто
Возвращается ветер на круги своя?

И... седая гравюра, возникшая разом —
Тот же дождь вдоль Лебяжьей канавки бредёт,
И темнеет, намокнув, гранитная ваза,
И в тяжёлой штриховке не видно пустот.
Отсверкав чешуями в рассвете жестоком,
Под мостами в тяжёлых узорах литья,
Возвращаются реки, как прежде, к истокам,
Возвращается ветер на круги своя.

Рим — Петербург, 1990

Когда всплывает Атлантида —
Всплывают вздутые колонны,
Потрескавшихся стен провалы,
Зияют двери пустотой,
И окна мёртвые, чернея,
Жрут водоросли и лилеи,
И плиты набережных склизки,
И выщерблены обелиски
Над застоявшейся водой.

Когда всплывает Атлантида —
Всплывает дымных ростров пламя,
Как мутно-рыжая хламида
Над разметёнными домами,
И пристань в ракушках пустых,
Не видя ни одной галеры
Любви, Надежды или Веры,
Глядит под чёрные мосты.

Над колченогими столами
Пиров, справлявших век чумы,
Всплывают призраки зимы,
Бренча двуглавыми орлами,
И свет не отделён от тьмы.

А в бахrome из чёрной тины —
Забытых войн чужие мины,
Как прежде, прячутся на дне,
Чтоб не ушёл из Атлантиды
Кораблик по зловонью тины,
Чтоб задохнулся в том огне,
Где корчится, шипит, дымит
Судьбы имперская страница
На подсыхающей стене.

Когда всплывает Атлантида —
Волна срывает все плотины,
А их творцов уносит в ад...
Среди всемирного базара
Над головой у Валтазара
Последние Слова горят.
В карнизы врезано их пламя
Там, где свистевший ветер стих,—
Под золотыми куполами
Над грязью бывших мостовых.

1991

Архангельск 1990

Н. А. Вишневской

Никого ни о чём не спросив,
По заржавленным рельсам в грязи
По лесам допетровской Руси
На слепых поездах колеси,
На слепых поездах вдоль болот...
Кто теперь пожалеет о том,
Что и станцию в грязь засосёт,
И Плесецкий пустой космодром?
Этот край опустел, опустел:
Вон просёлок — из жёрдочек плот.
Знать, архангел давно отлетел
От Архангельских мелких болот.

На слепых поездах колеси
По лесам безнадёжной страны.
Утонула Россия в грязи
Вся, до самой последней Двины.
На подошвах ту грязь нанесли?
Натоптали за тысячу лет?
Начитались, да всунули в сны
Откровенье, которого нет?

Можжевельник — и тот зачах
Над болотцем с мазутной водой,
Где из лужи бездонной торчат
Только лысина да ладонь,
Под откосом — обломки дрезин...

По заржавленным рельсам в грязи
На слепых поездах колеси.
Никого. Ни о чём. Не спросив.

1991

* * *

1991, Петербург, Сосновка.

Позарастили стёжки-дорожки
В тридцатилетних бетонных кварталах.
Конский каштан заслоняет окошки,
Всё, что кустилось, — поразрасталось:
Лес возвращается, лес наступает
Тонким каштаном, бледной сиренью,
Ломится в форточку гроздь тугая,
Мстит за порубленное смирение!

Тут, где сгубили чужие сады,
Тут, где бульдозер царил на песках,
Буйство берёз осаждаёт пруды,
И не прошедшие мимо дожди
Осколками стёкол дрожат на листьях.

Конский каштан над площадкой песчаной,
Над жестью ржавого гаража,
И потянулась сирень беспощадная
К стёклам четвёртого этажа.

Отвоевали у леса улицы?
Хватит, поездили тридцать лет!
И у подъездов репейники колются,

И по строителям тризну лес
Справит,
 когда разнесёт по панели
Пятиэтажие карточных стен,
Чтоб лопухи с беленой забелели
Этим кровавым гераням взамен!
А на проспекте, лиловом от гроз,
Хлещут шпигрутены тонкой осины,
Хлещут, сквозь строй прогоняя машины,
Чёрные розги свистящих берёз,
И заплетает гигантская ива
Ветви в трамвайные провода,
И по глазам пешеходов — крапива,
Им открывая проход в никуда.

Брякают ставни, как брошенный щит,
И в удушающем мщенье сирени
Люди катаются от мигрени
Там, где татарник в асфальте торчит.

В доме, где солнца годами не видели,
А штукатурка — мокрей и мокрей,
Кем-то забытые чьи-то родители
У заплетённых плющом дверей...

Там, где сгоняют потоки побелок
Лес одичалый, да ливневый душ,
Всё, что настроено, всё, что наделано,
Всё одолеет зелёная глушь!

Есть ли что в мире страшнее сирени
В час, когда перешагнув Рубикон,

Пан —

разгневанной в ветре свирелью —
Свистом трясёт шпингалеты окон?!
В сизой дымящейся утром сирени
Будет утоплен последний балкон.

1992

* * *

Петербург

Наступает на тени дворцов топот сумерек серых,
И вода неминуемой тенью глотает закат,
Словно слизывая с переулков и ветреных скверов,
Где последние пятна ещё на деревьях дрожат.

Их не стоит ловить —

и пускай покрываются синью,
Из которой ни люди, ни сфинксы не выловят снов!
...И упала звезда.
И звезда называлась Полярною,
И полярною горечью веяло вдоль берегов.

И никто не заметил, когда изменились стихии,
Словно звуки рояля, который накрыли тряпьем,
Серебро почернело,
как чернеют окошки пустые,
И смешалось с тяжёлой водой то, что было вином.
И совсем не листва — разложенья подсохшая пена
Засыпала бульжник, звеня на трамвайных путях,

Пианист сумасшедший играл кулаками Шопена,
И аккорды его ударили в гранитный костяк.

1993

* * *

Якову Гордину

Вызывает безумную жалость
То, что жизнью когда-то считалось:
Парапеты, огни, мостовая,
В переулках поспешность объятий,
Эти ржавые скрипы трамвая
И кресты кораблей на закате...

Вызывает нелепую жалость
Этот новенький крест над собором,
Эти сборища, сборнички, сборы,
И заклеенные заборы
У метро — что ещё не распалось.

И ещё — бесполезная жалость
К тёмным сводам стеклянных вокзалов,
К тем прохожим, теряющим тени.
К одичанию их сновидений,
От которых на стенках осталась
Память кухонных в-гости-хождений...

И когда непонятным укором
По плащу шебуршит осторожно
Мелкий дождь ежедневного вздора —
Быть прохожим почти невозможно:

Так храбрится он, ветер осенний,
Так нелепо, отважно, несложно
Как с фасада подкрашенный город...
И прожектор подсветкою ложной
Разукрасит его, обесценит,
Перепутав прологи с финалами,
Бросит вниз на колючие тени
Фонарей, отражённых каналами.

1995

* * *

Вновь приснились лыжи в Сосновке,
Петербургских лесов клочки,
Да трамвай, что скрипя и неловко
Проползает вдоль снежной реки...

Оторвись от белого круга,
Заберись — уж в который раз! —
В карнавальные зимы юга,
В те, где снег — лишь калиф на час,

Впрочем, он и на час не властен —
Сникнет весь перед рыжей сосной,
А дождей и туманов напасти
Все останутся за спиной!

Растворится тень памяти, гложущей
Без неё обглоданный век,
И полоски цветов придорожных
Отряхнут с брезгливостью снег,

Запестрят над тёплым асфальтом —
Чуть их ветер морской позовёт —
Тут же станет омега альфой:
Фильм закрутится наоборот.

Что ж, вернись к этим фильмам старым,
Перелистывай жизнь, шурша:
Ни базарам и ни хазарам
Ты не должен давно ни гроша,—

И окажется завтра не страшным,
Как обросший кувшинками пруд,
Как февральский, бледней светлой яшмы,
Первой робкой травы изумруд.

14 декабря 2012

* * *

И остались лишь ямы да дым
Там, где знали меня молодым
Те, которых когда-то я знал
Молодыми...

Но вьётся канал...
Вот деревья с тяжёлой корой,
Львы в зубах держат мостик сырой,
Клёны рыжие застыт окно...
Это место...

Да нет, не оно!
Где ж найти от бесследного след?
Дождь осиновых мелких монет...

Что же дам я забытым садам,
Жухлых скрюченных листьев стадам?
Сколько лет после тех двадцати
В ту же воду успел я войти!
И обидно, что мир — как вода —
Ни на миг не оставит следа.
Где ж найти от бесследного след
Среди мостиков, листьев и лет?..

Разве только те самые львы,
Шевельнувшись от криков совы...
Разве только те самые львы
Объяснят, не подняв головы,
Что читающий лев на столбе —
С книгой бронзовой лев на столбе —
Только он, этот лев на столбе,
Снизойдёт к моей медной судьбе...⁵

1997

СОНЕТ ЯНВАРСКИХ СУМЕРЕК

Мурке

По Питеру бродить, и в аппарат
Ловить всё то, что нам привычно с детства.
От снега и дождей куда тут деться?
Намокшие от шапок и до пят
В январских сумерках дома подряд
Уходят в ночь, и под фонарным светом
Их близнецы сменённым странным цветом
О жизненности призраков твердят,

И только парадоксы белой ночи,
Спугнув фантомы, краски нам вернут
Те, что ни глаз, ни город не мороча,
Нам скажут: сад есть сад, а пруд есть пруд...
Добавив, что без этой мокрой тьмы
И он — совсем не он, и мы — не мы.

23 января 2012

МОХОВАЯ 41

1.

В стёклах — только то, что далеко,
Или — до чего нам нет и дела:
Увеличивай хоть за пределы
Эти фотографии окон —
Смотришь на окно — во весь экран,
А в окно — не заглянуть снаружи.
Только блеск холодный между рам:
Приближенье дальних стен, да лужи.
Лишь слепые отсветы в глаза
Бросит злого отраженья сила,
В собственное прошлое — нельзя:
Всё поляризовано, что было...

Не увидишь, что за жизнь теперь
В той квартире... Кто ответить может?
Там чужая и глухая дверь.
Каждое окно — чужое тоже.
И возможно, изнутри сюда
Равнодушно обернётся кто-то...

Миновали дни? Века? Годы?
В чьём окне? Да наша ли забота?

Девочка в облезлые ворота
Всё выносит мусор как тогда...

2.

Каждый двор — верней и неизменной
Всех фронтонов, всех кариатид,
Он времён полуживые тени
Дольше, чем любой архив, хранит.

Мячик... Звон соседского окошка.
Не сочтёшь тут всяческой стены...
(Требуют обычной рифмы «кошка»
Эти петербургские дворы.)

Цепь дворов осталась той же самой,
Полутьма... Но из неё, как гром —
Сквер, да Цирк, да Инженерный замок
Вдруг за третьим проходным двором!

Двор как двор. Но непременно надо
В памяти облупленной стены...
Отыскать запрятанные клады...

Ледяными глыбами блокады
Окна до сих пор ослеплены,
Улица молчит в огне и пепле,
В тёмной клетке каждого двора

Окна повторяют, что ослепли
От снарядов, рвавшихся вчера!
А потом твердят опять, что кто-то
Перепутал дни, века, года...

Девочка в облезлые ворота
Всё выносит мусор как тогда...

5 июня 2012

ПОД СКРИП УКЛЮЧИН

Бесшумные лопасти вёсел
Ритмичны в недвижной воде,
Шаги одинокого лося
Слышны, но неведомо где:

Прошёл он и ёлки сомкнулись.
Минута — как медленный год,
Рыбак на брезентовом стуле —
А рыба никак не клюёт...

И берег едва проползает,
И вёсла — подобие вил...
Ну хоть бы какой-нибудь заяц
Мне этот пейзаж оживил!

Над озером зеленоватым
Минута — как медленный год...
А лось? Был ли где-то, когда-то?
А вправду ли лодка плывёт?

Скользнула бесшумная выдра
Поближе к прибрежным кустам,
Так что ж рыбака тут не видно?
И треска сорочьего там

Не слышно... Тяжёлые лоси
Топочут неведомо где,
Но жёлтые лопасти вёсел
Мелькают в зелёной воде...

15 сентября 2012

МИМОХОДОМ...

Глициния над калиткой...
И взгляд задержав на мгновенье,
Думаешь поневоле:
А что там, внутри двора?
Давить начинает с чего-то
Странное ощущение:
Будто надо куда-то вернуться...—
В незнакомое — как вернуться?
Если такой, сегодняшний,
Ты не сможешь войти во вчера?..

Или это — воспоминанье,
Растерявшее все картины,
Но таких миновало бессчётно,
Просто их ты не замечал,
Может быть, не цвели глицинии
Над другой зелёной калиткой,
Или зелень другого оттенка?

Или ветер тогда молчал?

Ну так в чём он, скажи на милость,
Ускользающий смысл былого?
Ну а вдруг его не было вовсе:
«Дежа вю» — обычно враньё!
А что было — давно растворилось
И не сможет сгуститься снова,
Или прошлое это было,
Только, может быть, не твоё?

20 сентября 2012

Этот север...
Иные кроны и облака.
Запах пиний сменяется запахом сена и еловой хвои,
Да и вересковая россыпь вовсе не так ярка,
Как розовые олеандры и лиловые бугенвиллии над головою.

Не спят обожжённые солнцем глинобитные стены,
Вместо пёстрых больших махаонов — божьи коровки — никакого
парада —
Тут оценишь и беспородный шиповник,
А в южных розариях его игнорируешь неизменно.
Вот разве от кузнечика по голосу не отличима цикада...

Расцветает на избах резьба, сменяя готические витражи,
Вместо каменных шпилей, крытые лемехом купола:
Осиновый лемех через пару лет от серебра и не отличить даже,—
Этого металлического отблеска древесины история готике не дала.

Резными дощатыми заборами сменяются кованые ограды,
Вместо взлетающего копытами собора — луковичный силуэт,
Жёлтые или серые срубы — не пиранезиевых арок громады:
И форма и цвет — как будто с разных планет...

Средиземный юг остаётся собой, как фидиева Паллада,
А Севера из русских сказок, может, уже и на свете нет...

9 сентября 2012

Тане Китаниной

С безделья вовсе, а не с горя
Сергеич с няней пиво пьёт...
Ни дуба нет, ни Лукоморья —
В Михайловском есть только Кот.

Что ж делал этот Кот учёный?
Ну, как читатель ни ворчи,
Он у Арины Родионовны
Клубком свернулся на печи.

И в сторону отставив кружку
(Поскольку уж давно пуста),
За левым ухом чешет Пушкин
В полоску серого кота.

А Котик (ни следа склероза)
Жрать сливки шествовал под стол,
И с помощью стругацкой прозы

К Наине Киевне забрёл...

Там он писал всё воскресенье...
Ведь И. Пе. Белкин неспроста
Нам выдал за своё творенье
Записки старого Кота,

А Кот, помуркав у Татьяны,
Попёрся в Питер, может быть,
Чтоб там, под грохот барабана,
За Медным Всадником следить...

18 марта 2012

Ростов на Дону

Как мы боимся неузнавания
Знакомых картин в знакомых местах!
Ведь изменилось не наше сознание —
Смена декораций внушает страх:
Вновь ты тут. И тебе тринадцать.
Ты — тот же самый. А эти места...
Как же улице не той оказаться?
Но, ведь — не та! И река не та...

Ты «здесь и сейчас». Становится страшно,
Что всё втихаря меняют года,
Но если ты вдруг и вправду тогдашний —
То берегись забрести сюда:
Эти деревья не стали хуже.
А река? Ну, конечно, нет!

Но ни реке, ни оврадам не нужен
Ты. И значит, тебя тут нет.

.....
Длинный бульвар ростовских акаций
Совсем другой, если смотришь с моста...
Ну как посмел я сюда забраться,
Если улица не та, и река не та?
В глубоком дворе, за пятиэтажкой обычной,
С бульвара не разглядеть никак
Тот двухэтажный, старинный, кирпичный
Дедовский особняк.

И с того, за года задвинутого дома,
По новеньким окнам замутнённого стекла,
С крыши — старой, но такой незнакомой,—
Подтаявшим снегом история сползла.
Ну, как бежать от её опознания?
Всё равно ведь изловит и там, и тут!
Вот мы и боимся неузнавания
Горстки лет и кучки минут...

24 апреля 2010

А ты представь себе, что вот вчера,
Не задохнувшись ни на миг от бега,
В незапертые двери со двора
Ввалюсь я, не очистив лыж от снега,
Что время обратимое — не бред,
И неизвестно, будут или были
Те годы, что, засыпав белый след,
Мне целый мир однажды подарили —

И горизонта тесная петля
Не расплзлась, а лопнула мгновенно:
Снежком и Штраусом мелькнула Вена,
И вдоль дорог помчались тополя...

.....

А клёны превращаются в платаны,
Порастеряв кору коротких лет —
В белоколонный лондонский рассвет
Врываются парижские каштаны,
В лиловой дымке флорентийских гор
Кирпичный Амстердам возникнет разом,
А блики на аркадах Амбуаза
Развеселят пустынный Эльсинор...

Всё потому, что время — это дом,
Где «завтра» и «вчера» живут не ссорясь,
Где даже ненаписанную повесть
Прочтёшь уже с началом и с концом,
Что снежный вечер был в начале дня,
Что стоит только оттолкнуться резче,

Как тут же самому себе навстречу
Направит та же самая лыжня.

1991

* * *

Париж

...На Эспланаде —

день морозный и пустой.

И позолоты припорошенная ложь

Твердит, что купол Инвалидов не похож

На Исаакиевский купол золотой.

Три фонаря, три фонаря — такой уж мост.

И повторенье их напомним наконец,

Что за три тысячи остеклянных вёрст

Есть у него, чуть подлиннее, мост-близнец.

Те два моста — они похожи неспроста,

А фонари — их силуэт слегка кривой.

И врут тройные фонари на двух мостах,

О том, что Сена перемешана с Невой,

Что не в Париже, не сегодня, не вчера,

Что где-то в прошлом,

что когда-то на Восток...

Всё перепутано, как тёмный сон с утра,

Всё перепрятано, как боль руки в висок,

Всё перемотано, как хаос проводов,

Как телефонов неживые голоса,

Когда короткий для чего-то врёт гудок,

Загнав спрессованную вечность в полчаса —

А в ней никак не досказать, не домолчать,

Недопонять и не додумать, и недо...
Пустая трубка сообщает верхним «до»
О том, что линия загружена опять...

Гудки ритмичны — как тройки фонарей,
Гудки привычны, как машины на мостах,
И безразличны, как безлистие аллей
На Эспланаде...

1992

* * *

Париж, площадь Сорбонны

И всё сидят, дымят в кафе студенты
И говорят на разных языках.
Официант протиснулся вдоль стенки
С подносом переполненным в руках,
Там громоздятся чашки Вавилоном...
Кафе шумит.
Нет, тут определённо
Нет из моих знакомых никого:
Меня видали в обществе Вийона,
И в обществе Катулла до того,
А в Петербурге...
Но помилуй Боже,
В какой коктейль смешал Ты времена!
Кафе, таверна и кабаки похожи,
И безразличны столик и страна,

И разницу между «тогда» и «ныне»
Не объяснить — слов подходящих нет...

Вот Вавилон — руина на руине,
А мне всё те же девятнадцать лет.
Не убраны осколки Вавилона?
Да мало ль битых чашек на столах!

.....

Сидят и давят ложечкой лимоны,
И говорят на разных языках.

1992

БЕДНЫЕ РИФМЫ

Бульвар Сен-Мишель, январь 2010

*Фонтан забыли отключить, и он превратился
в огромный ледяной куб...*

На тень Люксембургских аллей,
На площадь Эдмона Ростана
В недвижимом железе тумана
Соскальзывают непрерывно
По льдине на шее фонтана
Косые снопы фонарей.

Зря ёлки у старых церквей
Мигают в весёлую тьму
Тем рокам пустого фонтана,
Который зиме — ни к чему!
Смеющийся камень — кому
Дурное веселье? Нет — хуже,
Хохочущий каменный ужас:
Ну, как подмигнуть никому
В недвижимом железе тумана?
Огни ускользают во тьму,

Сползают искристо и сонно
По льдине на шее фонтана.

Под куполом у Пантеона...
Недвижность странна и бездонна
Для маятника Фуко,
Скользившего прежде легко
Под куполом у Пантеона...

Недвижность сегодня — бездонна,
Весь мир шевелиться устал...
На рожи пустого фонтана,
Стирая их мимику, встал
Подошвой, искрящейся сонно,
Кривой и огромный кристалл...

Всё — камень. Всё — лёд. Всё — металл.

Январь 2010

ПОСВЯЩАЕТСЯ КИПЛИНГУ

*На лужайке джигу пляшут Лис с Лисой:
Их мальчишки угостили колбасой!
(Лондонская зарисовка)*

Вот вам черта 21 века:
Зверь не шарахается от человека!
У городов появились заботы:
В Лондоне лисы, в Нью-Йорке еноты.

Есть кенгуру под Парижем. Однако
Он удостоен дорожного знака:

Вон треугольник, на нём силуэт:
Крошку за лапу ведёт кенгуриха!
20 кмэ тут, а выше — запрет!
Хватит, ребята, не ездите лихо!
Скорость снижай, и для тех кенгурей
Не забывай запасти сухарей!

В лес Рамбуйе ты собрался? Постой:
Буйволам яблочек взял бы с собой.
Хитрые нутрии просят морковки —
Выйти на пруд без морковки — неловко.
Уткам багета легко накрошить,
Только вот цаплю — ну, чем угостить?
Разве в четверг после дождичка ей
Ты накопишь отменных червей?

15 декабря 2009

ВЕСЕННИЕ ТЕРЦИНЫ

Не зря вчерашний предзакатный свет
Горизонтально брызнул из разреза
Меж туч лежащих.... Дёрнулся — и нет...

Земля натужно дышит, ждёт железа,
И шевеленье крокусов вчера
Угадывалось среди бурых срезов,

Блестевших влажностью уже с утра.
Огрызками рассветного тумана
Сам ветер подтверждал, что да, пора,

И дул порывисто, и знал, что странно
Лопатам подчиняется весна,
Что выстрелом из вскопанной поляны

Сиреневых фейерверков белизна!

5 марта 2010

КУКУШКА

Мокрые подснежники в тумане
И первоапрельское враньё.
Год уже устал от опозданий,
А кукушка шалая заранее
Что-то про июнь твердит своё,
Звук из зимних вызволив молчаний
Так, что целый лес из-за неё
Сразу быть пустым перестаёт.

Посвист мелких пташек в ветре тает —
Ей же дела нет до мелюзги,
Пусть их по кустам весна мотает,
А она своё «ку-ку» катает,
Тщательно и с важностью считает
Да не годы наши, а шаги,
Белок перечесть не упускает
И скворцов, прибывших в каждой стае,
И в воде утиные круги...

Быть служанкой Времени ей лестно,
Ведь её не просто для красы
Часовщик какой-то неизвестный
Поместил в старинные часы.
Там она надёжно и бессонно
Прослужила чуть не пять веков...

Только вот мобильным телефонам
Я бы выдал крики петухов!

1 мая 2012

*** * ***

Чижику, пуделю Е. Эткинда

Собака нюхает солнце...
А с крыши — мартовский сок из-под сосуллек.

Собака нюхает солнце,
Закрыв глаза и вытянув шею.
А под корой берёзы
От корня до почек

Мартовский сок бродит.

Истекает жёсткая бахрома сосуллек,
Мягчают почки берёзы...
Глажу рыжие собачьи кудряшки...

Кто мне вернёт
Ощущенья сосуллек, истекающих в стуче капли,
Ощущенья берёзы, в которой сок бродит,
И ощущение собаки, которая нюхает солнце?
между 1965 и 1972

БУКИНИСТ

Пахнет пылью belle époque⁶,
Позолотой, кожей старой...
Посреди земного шара
Не ларёк, не сундучок —
На щербинах парапета
Ящик с книгами повис.
Сел на стульчик букинист
Над безумием планеты...

На мосту — шарманка. Там —
Шляпы с перьями и шлейфы.
И четвероногий Эйфель
Догоняет Нотр-Дам.

Ох, четвероногий Эйфель,
Врёт, что он — земная ось!
Мир — хоть оторви, да брось:

Ни колумбов нет, ни лейфов —
Все под переплёт ушли,
Закрывается планета...
Отделишь ли тьму от света
На окраинах Земли?

Небоскрёбы да могилы,
Где-то взрывы, грабежи,
Где-то вовсе ни души,
Где-то очередь за мылом,
Хриплых двигателей свист,
Телевизоры, пожары...
Посреди земного шара
Умер старый букинист.

1978

«ШЕКСПИР И КОМПАНИЯ»

*Памяти Жоржа Уитмена,
знаменитого парижского букиниста,
создателя и хозяина магазина «Шекспир и компания».*

Весною сумерки ленивы
И не враждебны никому,
Деревья в воздухе парят, и
Осколки позднего заката
Со столиков сметают тьму,
Витрины отражают криво
То бледно-розовых тонов
Бокалы — чашечки цветков —
То жёлтым расцветает пиво,
Махровый цвет бордо — бордов,

А рядом — магазин Шекспира
Почти столетье — в центре мира...
Где цвет магнолии лилов...

Хозяин был незаморожен,
И добродушен, и речист,
И хоть Уитменом он звался,
Верлибрами не развлекался
И сразу мог понять кто хочешь,
Что он — Шекспир и Букинист,

Вокруг паслись стада поэтов,
И всякий что-нибудь читал,
Там сто один язык звучал,
А он? Как слушал он всё это?
Хоть языков, как будто знал
С десятков, может быть всего-то...
Он в центре лавочки сидел
И был похож на Дон-Кихота,
И курицу с бумажки ел....

.....
Пестрит витринное окно,
И всё, что в нём отражено —
Мозаика души Парижа —
Сквер. Нотр Дам. Река. Вино.
И корешки старинных книжек...

23 марта 2012

Чёрно-белую гравюру зимы
Начинает раскрашивать свет:
И лиловый тюльпан на кочке —
(Со вчера только снега нет!) —
Уже нахально тянется ввысь,
Разорвать занавеску серого неба
До поверхности синевы.

А как только серая занавеска
Развалится, и растаяв,
Распахнёт неистовую лазурь,
От зимы останется только сорока —
Самая зимняя птица,
Эта гравюра на дереве,
Ярче и контрастней всех прочих гравюр.

2 марта 2013

Утром люди по набережной идут,
Замкнуты в столбах восточного света,
Который катится по течению реки,
Не задержавшись на берегах.
И если глянуть навстречу солнцу —
Видны только тёмные силуэты:
Люди солнцем укутаны
В этих колышащихся световых столбах.

Если глянуть навстречу солнцу —
Напор мощного света
И ленивую реку подгоняет,

И остров-корабль, медленно плывущий по Сене,
Все фасады сверкают,
А вот люди сверкать не умеют:
Они — только в световых столбах силуэты,
Или, как в китайском театре, — движущиеся тени.

Да не только дома, под солнцем —
Вон пампасская трава у кафе на газоне
Начинает рыжим светиться,
И клумбы первоцвета в сквере — разноцветней и ярче с утра,
А люди — всё ещё силуэты,
Но вся эта картина вот-вот превратится
В день, вечер, — то ли сегодня, то ли позавчера...

Вечером Сена словно движется против течения,
И дома снова ярко освещены,
Только с другой стороны,
Пусть они на себя не похожи в иные мгновенья,
Но люди в свете заката куда подробней видны!
И почему-то вечером отчётливее звучат шаги,
Будто утренний свет заставляет их стать потише...

А вот пустые столики ранним утром — золотые круги,
И в музыкальном магазине
Солнце пытается играть на распахнутых роялях,
И радуется, что клавиатуры
Без крышек...

3 марта 2013

СЛЕДЫ

Бесследного нет на свете, да и не может быть вовсе:
Следы остаются повсюду хоть от копыт, хоть от книг...
На январских дубах рыжеют

 следы исчезнувшей осени,
А на запястьях — от пальцев, браслетов, наручников и вериг.

Но как мы ненаблюдательны, и копаясь в себе самих,
Следить за следами ленимся: некогда, мол, возиться —
А всё мировые проблемы — без конца мы решаем их.
За следами следим не мы, а мудрые звери и птицы:

Сорока сумеет где хочет любые следы прочесть,
А чайка, хоть и неграмотна, — базарный день она знает...
Пестрота овощных прилавков на праздник птиц собирает —
Мимо окон слетаются чайки —
 на подоконник что ли присесть?

Охотится кошка на них, белых, весёлых, наглых,
Охотится — лапкой в стекло — в незавешенное окно,
А птицы уже суетятся над кучами помидоров и яблок,
Ну, а над рыбным рядом их, крикливых, полным полно...

Но ни единой чайки — на обувном и посудном рынке —
Ведь тут не найдёшь ни чешуйки, ни обрезков, ни потрохов...
Лежат ещё не оставившие никакого следа ботинки,
А меж чашек и пряжек гуляют сороки...

 След этой дурацкой картинки
Тоже останется где-то...
Ну, хоть в виде вот этих стихов...

4 марта 2011

НЕТЕРПЕНИЕ

И всё же мартовское солнце
Не календарно, а случайно,
Для пущей важности придётся
К нему приделать хвост мочальный.

Такой, как в детстве... Да, тот самый,
Что ладил ты к бумажным змеям
Затем, чтобы летали прямо,
А не валялись по аллеям,

Да не забудь, зачем конкретно
Ты солнце превратишь в комету,
Чтобы со скоростью кометной
Летело к будущему лету,

Да чтоб в ближайшую субботу —
Побольше и тепла, и света,
И чтоб не лезло на орбиту,
А направлялось прямо в лето.

Март 2011

Утром пахло влажной землёй,
хотя и не было ночью дождя.
(Лена)

В лапах мохнатых и страшных
Колдун укачал весну...
А. Блок.

Когда без дождя влажной земли запах
С рассветом вламывается
 в раскрытые окна дома,
Когда весне не сидится у колдуна в лапах,
«В лапах мохнатых и страшных» — то всё по другому:

Голые ветки — зачем же тьму протыкать им?
Чтоб оказаться в другой такой же тьме?
Тьма на тьме — ведь страшней,
 чем закат на закате,
Ночь-то в ночи
 не позволит, чтоб «два в уме»,

Только совам дозволено с ней не считаться:
Ибо весенний торжествующий крик совы
Будит,
 высвобождает из тьмы веселье акаций
И шевелит рассыпанные тени
 мелкой листвы.

Ну, ветки — голы, но тьма — уж куда голее!
(Там, где не знают о свете —
 никчёмна тень...)

Но если сирень разрывает сумрак в аллее,
Тьма не посмеет, не сможет — если сирень!

2006

ИСТОКИ

Пейзаж, опять пейзаж? А что мне остаётся?
История скучна, политика — на миг...
Верней — черпать стихи бадейкой из колодца,
Или просить подарки у кустов лесных...

Ну, может, со зверьём удастся сговориться —
Лев «эр» даст поиграть, или корова «му»,
Подарит «тру-лю-лю» неведомая птица,
А ветер — долгий звук, не нужный самому...

И улицы шуршат, и лес неисчерпаем,
И гул морской волны симфонии важней,
И скрипка иногда прикинется трамваем,
Насмешник саксофон ржёт, как табун коней...

И ветер иногда звучней трубы Армстронга,
И в голосе ручья послышится Пиаф,
И летняя гроза разнообразней гонга,
Пред ней и барабан признает, что неправ!

Когда обычный дрозд не устаёт от свиста,
Неловко перед ним замкнуться в тишине
И позабыть, что гордость старого джазиста
Забросить инструмент не позволяет мне.

5 июля 2012

«А МУЗЫКАНТ ИГРАЕТ»

Над набережной — и грохот, и свист,
И машины в пробке ворчат,
А в кафе в глубине бренчит пианист,
И не в такт то бокалы, то вилки звенят,
Что-то там из Брассанса бренчит пианист,
Как бренчал четверть века назад...

Самых разных людей ход минут, как вода,
Заносит в широкую дверь...
Иным из них было по 20 тогда —
Разве их узнаешь теперь?

Может, те, кого я никогда не видал,
Наполняют город?.. Да нет...
Наверно, я многих из них не узнал —
Им ведь было по 20 лет,

Да, пожалуй, и взгляд его был поживей,
А джинсы — темней, синей,
И казалось, не пел он, как соловей,
Обращался попроще с ней...

Это всё же — они. И совсем — не они:
Вон у стойки стайка ребят —
Им начхать, что рояль, что посуда звенит,
У мальчишек такой бесшабашный вид,
И девчонки как птицы галдят.

А рояль — то слишком громок, то тих,
То вновь пере-крывает зал...

Ну, конечно, я тут же сидел среди них,
Только попросту их не узнал!

Ну вот этот — я видел его молодым?
Так одежда сменилась, быть может?
Вроде, рыжим он был, а сегодня — как дым,
И вон та мне знакома тоже!

Только их ли я знал четверть века назад
На закате июньского дня,
Когда здесь со стаканом пива Булат
Сидел напротив меня...

Пианист играет, и — ни концов
Той музыке, ни начал...
И кажется, что его лицо
Я никогда не видал!

А присмотреться к его рукам —
И спокойствие, и тревога,
Белые... чёрные... Знаю — там
Белых больше, да ненамного...

И ничуть не сутулей его спина,
Оседает в стаканах пена,
И звучат зубастые времена —
В них проскакивает то Брассанса струна,
То вдруг что-нибудь из Шопена...

Да и что мне — этот кафешный зал:
Ведь со всех, кого я так давно не видал,
Времена и пылинку не смыли:

Все остались такими, как были.

14 июля 2012

ГРИБНОЙ ДОЖДЬ

(репортаж на 21 июня)

Дождик вялый, не забубённый,
Забыл, видно, где-то свой барабан,
В пруду, между селезней сине-зелёных
Нырять чёрный тощий баклан!

Странно: баклан ведь птица морская —
Ну, что ему делать у нас на пруду?
Не проживает он, а провожает
Самое светлое утро в году...

Вверху, пополам разделившись резко,
Как две штанины, и в тучу сшит,
Дождь раздвигается занавеской,
А за дождём — ничто не спешит.

Медленно ряска раскроет окна,
Чтоб заблестел оголённый пруд...
Дни под деревьями, не промокнув,
Посуху в лето идут и идут.

В пятнах просветов ярче трава, и
Непромокаемая листва

Дорожку мою зонтом прикрывает,
Как несминаемые слова,

Чем дальше в аллею, тем зеленее
Непроницаемая листва,
И рвутся с обеих сторон на аллею
Все несметаемые слова

Щавель любопытный, наставя ушки,
Аллею стесняет — с обоих боков...

Сейчас подорожник — квакнет лягушкой,
И сам запрыгает в ритме стихов...

24 июня 2012

ПРЕДРАССВЕТНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ ВОДЯНОГО

В движенье отползающей передрассветной мглы
Танцуют чуть качающиеся голые стволы...
Задумчивое уханье серьёзных серых сов
С каштанов разгоняет легкомысленных дроздов.

А совы говорят почти людскими голосами,
И лес подсвечен отраженьем окон. А из них —
Пообщаться с птицами или бурундуками —
Небритые и заспанные лица водяных.
С совами у них немало общих тем,
Да нету территории, доступной тем и тем...

На берегу коряги развалились подремать,
Что там за кустами — может, лань, а может, пень?..

Звери настоящие
попрятались в тень,
Кто там промелькнул — и водяному не понять.

Вверх — большой шуршащий и, похоже, безголосый,
По уклону медленный кентавр на двух колёсах.
У него колёса вместо четырёх копыт —
Как понять, какому миру он принадлежит?
Скрип ли шестерёнок, или цоканье и стук.
Перед ним светящийся ползущий круг...

А стволы танцуют — не перестают,
Совы меж собой о чём-то важном ух — ха — ют,
Но секретов зверьих водяным не выдают...

Ну, о чём там совы, и деревья, и вода?
Мне и водяного не понять-то никогда.
Разве нам узнать, о чём он
булькает со дна?

День. Умолкли совы. Гладкий пруд. И ни окна.

27 января 2012

ГНОМАНИСТИЧЕСКИЕ СТИШКИ или Июньский дождь

Подставясь дождику ночному,
Нелепый жёлтый остолоп —
Фонарь огромен возле дома.

Насажена на круглый столб
Светящаяся пирамида
(Столб среди стволов — не ствол, а стёб!)

Но с фонарём того же вида
В ночных кустах гуляют гномы...
Я, может, к ним навстречу выйду
(Не всё же отираться дома!)

Замечу и каштана скрипы,
И то, как дождик лупит липы,
Как в жёлтом свете фонаря
Несильный дождь желтеет тоже...

А вот когда с листвою дуря
Вдруг сам зазеленеет дождик —
Знай, что приблизилась заря,

Что даже, может быть, укроп
Покажется — секундно — маком,
Капуста — рыжим париком...

Да, это всё исчезнет днём,
Но вечер возвратит, однако,
Первичность истинных ночей,

То главное, что отличает
Весёлых гномов от людей:
Они расцветки замечают!

Ведь листья им куда важней
Всей логики людских затей.
И наш абстрактный вкус идей

Великодушный гном прощает:
Он меж кустов бродя, качает
В руке фонарик цвета чая.

Настал сезон цветных дождей!

июнь 2011

ИНЕРЦИЯ ТРЕВОГИ

1.

Ах, жаркое лето в Париже,
Звериный предел в забытьи....
Ничто мне не может быть ближе,
Чем те парадоксы твои,
Чем лёгкая ласка ладоней
Скользя по груди у меня,
Чем спор двух невнятных бессоний
В весёлом преддверии дня,
Чем взлёты тех строчек-скитальцев
Из пляски распахнутых глаз.
Чем судорога всех пальцев
В тот миг, что длиннее чем час...

2. РОМАНС

Так разговаривать с тобой,
Как перед смертью надышаться,
Так разговаривать с тобой,
Что вдруг теряются слова,
Как пёс потерянный в толпе —
По тротуарам замататься,
Твоим отсутствием платить —
За облачные острова —

И разговор одним концом
Войдёт в лиловое предгрозые,
Другим... а впрочем, всё равно
Куда вонзится он:
Ведь за
Предошущение грозы
(Как в обоюдоострой прозе!)
Нельзя отчаяньем платить,
А радостью — да где же взять...

Предошущение грозы —
Повёрнутое боком небо,
Дышать трудней, и мысль острее,
И в мире — никаких звонков,
Как будто телефонов нет,
И даже никогда их не было,
А если стоит уцелеть,
То разве что из-за стихов,

В которых, может быть, тебя
Не меньше, чем меня, в которых
Не разделить, где ты, где я,
Где тёмен каждый поворот...
В мучительном сплетенье строк
Следы такого разговора,
Которые нельзя стереть:
Иначе с ними жизнь уйдёт...

3.

Инерция тревоги?
Но всё давно прошло,
Ведь мраморные боги —
И те забыли зло...
Заброшенная вилла.
Бездомная трава.
Когда и что тут было?
И вспомнится едва...

Да только на пороге
Какой-то из квартир
Инерция тревоги
Захлёстывает мир!
Не надо! Он не вправе
Ввалиться в забытье:
Опять начнёт им править
Отсутствие твоё!

И тут теряют волю
Разумные слова,
И валится с магнолий
Тяжёлая листва.

8-16 августа 1998

В лилово-белом ртутном свете,
Прозрачнее чем мотыльки,
Качаются в газонах эти
Немыслимые табаки.

В ночи июльской, терпкой, спелой
Их юбки — острою звездой —
Смешались с лёгким платьем, с телом,
С порывом ветра, с резедой...

И рядом с женщиной случайной
На эскалаторе ночном
Ноздрями тронешь запах тайны,
Которой не заметишь днём.

декабрь 1999

СОНЕТ В ОКНЕ

Уходит комната в слепую глубину,
И полки книг, и всё, что на столе, удвоя.
Вот отражение прилепится к окну...
Но врежутся в него лес и окно чужое,
Пришедшее — зачем? — из внешней тьмы,— и враз,
Чтобы прогнать его, возникнет занавеска,—
Она цветастостью — непрошено и резко —
Твой зыбкий натюрморт вдруг заслонит от глаз!

Ну что же — выйди в лес! Он вовсе не такой,
Как тот, что просквозил картинку отраженья:
Он — перспективой — в ночь, ему не стать доской.

Вернёшься — и опять подлунных теней танцы,
Чудесным образом лишённые движенья,
В оконном зеркале — как старые голландцы

17 ноября 2012

*** * ***

Реки приносят в город что-то не городское,
Потому что вода — хоть бы даже случайный ручей —
Напоминает журчащей тоскою,

Что он тут не совсем свой...
А может, даже бездомный, ничей,

И на другом берегу
Распахнутые крылья чьи-то
Пытаются раскидать в клочки
Висящий над решётками пленных садов туман.
Городские птицы
Тут же смываются торопливо и деловито,
Как только над берегом появится
Альбатрос, или даже баклан.

Так они заблудились тоже,
Как река, как ручей незванный?
И что-то чужое городу тоже с собой несут,
Напомнив бетонным страшилищам про моря-океаны,
И что не бывает море похожим
На городской пруд!

Лес — и не без успеха —
В старых «новостройках» пытается поселиться,
Природа берёт своё, наступая на города...
Это её разведчики — и каштан, и морская птица,
Её авангард — бегущая, разрезая кварталы, вода.

27 сентября 2012

Вернуться в прежнего себя
Трудней, чем в бывшие пейзажи...
Они меняются, но глаже

И тише — в рог судьбы трубя,
Её ты не заметишь даже:
Бетховенский мотив не важен,
Когда играешь для себя.

Но если в чёрный полный зал,
Как в пустоту, глядишь с подмостков,
Не слыша как твой голос жёстко
Над головами прозвучал,
Один есть путь: по гладким доскам
На перекрёсток перекрёстков,
Точней — к началу всех начал,

Хлоп — и в когдатошные дни
Самоуверенного мая,
Когда любую роль играя,
Всё можно — только б не в тени!
В тот буйный сад себя верни,
Где всё доведено до края —
Вот там в себя и загляни!

8 октября 2012

*** * ***

Признаки того, что мир сжимается всё быстрее —
Черешня из Чили,
Гингко на бульварах Парижа, манго из Италии, или...

Ревнивая непохожесть уходит хоть с огородов, хоть с аллей —
Может, это кому и мешает, а мне — веселей!

Я просто предпочитаю не то, что привычно.
Устоявшееся никуда не денется,
Как фраки на сороках, и домино на воронах...
Ну вот: коровам дождь, не дождь — безразлично,
А лошади с приходом осени щеголяют в пополах!

6 ноября 2012

* * *

Лене

...Когда б вы знали, из какого сора...

Ахматова

Не знаю, откуда берутся
Слова, заплетённые в стих,—
Что фокусник бросит на блюдце,—
Едва ли похоже на них!

И даже не гул, не бурчанье,
И даже не вздор и не сор,
Стихи тем верней, чем случайней
Наткнётся на них разговор —

Включится мгновенная память
И музыку взрежет трубой,
И мост над прошедшим протянет,
Над нынешним и над тобой,

А виденное впервые
Повторных потребует встреч,
Журчання и шума травы и...
Иначе его не сберечь.

Возникнет театр. Тихо взвоят
Шёлк занавеса, тень — навзлёт,
Фонарь, чуть прикрытый листвою,
На сцену тебя призовет,

Ведь нет ничего театральной,
Чем зелень вокруг фонаря,
Чтоб памятью ближней и дальней
Делился ты с залом не зря,

На сцене возникнет — (откуда?)
Всё то, что ты видел — (когда?)
И это подобие чуда
Вернёт хоть века, хоть года...

10 октября 2012

Прошное — это как-то
случайно прочтённая книга —
Далеко, пунктирно и немо:
Оторваны титул и переплёт...
А что запомнилось ниоткуда — ярче, хоть бы и не было,
Подозрительно подробное — чаще выдуманно, да вот...

Оно-то и возвращается,
С регулярностью карусельной кареты,
И если в скачке — какую-то мелочь — уронить под копыта коней,
Станет она дороже того, что было и нету:
Сами не выбираем, что окажется нам важней...

Над классическими воротами торчат барельефные рожи
То ли в картушах, то ли
Заполнив треугольный фронтон...
Это — ничьи портреты, но на кого-то похожи,
И рассказывают не меньше, чем лица
Из Веласкеса или с каких-то икон!

В музее «портрет неизвестного» позволяет, не обижая,
И жизнь его придумать, и не сказанные слова,
А известные — на то и известны, что каждому попугаю
Доступны, и тривиальны, навязли, как дважды два...

Конечно, соавтор художника, ты запросто переиначишь
Всякую биографию... Но мера есть и для нас:
Всё же тринадцатый подвиг Гераклу не присобачишь,
И не отправишь Суворова переходить Кавказ!

28 октября 2012

* * *

Из метро выходишь —
Фрукты, тряпки и газеты,
И ещё какая-то смешная дребедень.
Так стоишь, не беспокоя собственную тень.
Сделай шаг — всё смажется от первого движенья,

А твоё останется,
Но — как без чашки блюдец,
Как без рифмы и без ритма неуклюжий стих...
Все обрывки разных шумов хаосом сотрутся,

Растворятся в наложение звуков городских:

Вальсы эскалаторов остались там в провале,
Здесь — кроме шагов твоих — надёжных ритмов нет:
Что тебе предложит гул толпы, или трамвая
И машин, машин, машин, что всё перекрывая...?

В этом шуме — лишь один твой ритм — не банален.
Только он.
А прочее — всё суета сует!

18 ноября 2012

О СТУЛЬЯХ, ФОНТАНЧИКАХ, ЛОШАДКАХ И...

1.

Тем, кто бродит ночью
Сонными столицами,
Улицы пустые
Кажутся страницами.
Только на ходу их
Прочитать успеешь —
И сады, и площади
В пустоте — живей:

Вот пустые стулья —
Два — к друг другу лицами.
Так о чём болтаете,
Жители аллей?
...Над другими стульями,
Чуть успев раскрыться,
Зонтики беседуют —

Эти поважней!

Между тёмных окон,
Как на стенках фотки,
Барельефно живы
Профили камей.
А глубинный город —
Не в многоэтажии,
Он в афишных тумбах,
В питьевых фонтанчиках
Посреди аллей:

Ведь на самом деле
Городская мебель,
Городская мелочь
Всех дворцов важней!

В предвечернем свете
Этажи да окна —
Вроде книжных полок,
Вытертых до дыр,
А на каждой полке
Разные истории:
Тысячи романов,
И стишата чьи-то,
А порой — Шекспир...

Потому что городом
Овладела комнатность,
И твердит, что ночи

Посерьёзней дней!
Так не сомневайся:
Городская мебель,
Городская мелочь
Всё-таки важней!

Да, в вечернем свете
Этажи да окна,
Вроде книжных полок —
Подойди, пошарь! —
Что-нибудь найдётся!
И настольной лампой
Возле книжной лавки —
Уличный фонарь.

2.

...Ну, о карусельных лошадях в Париже —
Наберись терпенья, сосчитай-ка сам!
Только плюнь на всех, кто там торчит бесстыже:
Два автомобиля, сзади лёвик рыжий...
И не самолёты, да и не слоны же —
Карусель подходит только лошадям!

Днём они картонными ловко притворяются
И ребят катают, да под вальс бегут.
Ночью с каруселей лошади смываются,
И по разным улицам носятся и ржут!

Вот когда лошадкам можно пообщаться,
Ведь на карусели — морды всё к хвостам,

Скучно им по кругу друг за дружкой мчаться,
То ли дело — вскачь
По площадям, да по мостам,
Без седла, без упряжи до самого рассвета...

Да не сомневайся ты, она совсем живая:
Видишь, просит сена, требует воды?
Ну давно ль по городу ездили кареты,
И возила всадника лошадь верховая?
Живы под асфальтом от копыт следы!

Днём между машинами не протолкнуться тут,
А ночами всюду бегают и ржут!

...Если мне не веришь,
Сам спроси у лошадей
И учти их мнение:
Важны, без сомненья,
Магазины, оперы,
Ситроены, опели...
Все нагроможденья
Ненасытных дней,

НО
Городская мебель,
Городская мелочь
Всё таки важней!

28 октября 2012

СТИХИ НА 80 ЛЕТ

Я, наверно, потомок охотников и скальдов,
Тех, что длинными ножами приканчивали лося,

Делали из жил его струны для лютни
И похищали заслушавшихся женщин
У лесных родников —
Потому что
Не умея плавать, я водил яхты,
Боясь высоты, забирался в горы,
Плохо зная языки, переводил поэтов,
И всё что снилось мне — снилось легко!

Хотя, конечно,
Уличная поножовщина — не театральная драка,
Настоящая война — не сценические латы, или пожары...
Неужели это правда, что я действительно старый?
Чем же от «тогдашнего» я отличаюсь, однако?
Кажется, только тем,

Что устрицы — вместо целого моря,
Что рыжики — вместо целого леса,
И колокольчики дальних коров
Звонят, будто ванты яхт, выволоченных на песок.
Но по-прежнему голос не растворяется в хоре,
Драгоценная рифма не теряет веса,
И по-прежнему мелкие королевства слов
Объединяются в империи строк!

5 сентября 2010

Есть причастность в срыванье
Хоть грибов, хоть кизила,
Вот и в строчках копанье —

Непонятная сила.

Дух причастности — вот он,
Языковая стая,
Слово в слово вливая,
Стебли слов заплетая...
Так язык обормота
Не до Киева, — что там —
Доведёт до Китая...

Будь хоть дельно, хоть вздорно —
(Но ещё ведь не вечер!)
Слово сводит упорно
Несводимые вещи,

И хоть справа, хоть слева
Меж предметов и флоры —
Тут — не яблоко Евы
И не ящик Пандоры:
Ни загадок, ни сказок —
Всё реально, как свёкла.
Всё подвластно хоть глазу,
Всё — живые страницы!
Так две трубки бинокля —
Застеклённые дыры —
Раздвигают границы
Недоступного мира,
И ничто не иссохло,
И ничто не промокло...

Там за озером где-то —
Фонари или звёзды?
Ненадёжное лето
Пусть хоть слева, хоть справа
Все оттенки изловит,
И меж пальцев — пусть поздно —
Протечёт прямо в травы,
И останется в слове.

26 сентября 2011

Осенний лес... Вот он опять осенний.
Листва постелена мягко и многослойно,
Шуршанье отдалённым эхом звучит, спокойным и чистым...

Только всего-то — свернуть с тропинки — и потерять направление,
Как вдруг найдёшь совсем другое небо и другие листья!

А потом так же случайно выйдешь на свою дорожку,
С которой сдуло листву — была... и нету!
Да правда ли, что появился тот лес

и сгинул так внезапно, так незнакомо
В нескольких шагах от привычной тропинки?
И вдруг захлопнулось это зеркальное подобие света,
Но ведь ни ворот, ни дверей у леса!
Однако захлопнулось что-то —
Как дверь несуществовавшего дома!

Вот так же проходишь в каком-то музее за залом зал —
Вдруг захочешь вернуться в начало из середины...

Но распахнётся снова тяжёлая дверь — а за
Окажутся совсем другие картины:
Был Леонардо, а вдруг — Ренуар и Дега!
Где же то, что ты так недавно и несомненно видал?
Или ложная память на миг свою дверь приоткрыла?
Только затем, чтобы понял ты:
Что и лес тот, и живопись — куда-то к чертям на рога!
А это, сверкнувшее, вовсе не возвращеньем было!

22 октября 2011

Поперёк автострады — тени тополей, изображая шпалы,
Превращают асфальтовую полосу в две стальных,
А над обочиной на склоне — корова, сбегавшая с картины Шагала,
Наклоняет башку, будто хочет пробиться в этот стих!

Она отгребает копытом кучки октябрьских листьев,
Пытаясь упрямо добраться до упрятанной свежей травы.
И разлетаются листья — над землёю как что-то лисье,
А иные ветер заносит аж выше её головы...

Так на что мне тени, да и корова эта?
Поздней осени никак не к лицу газон,
Но корова мне помогает при нехватке зелёного цвета,
Обнажая яркость травы, которой давно не сезон.

Потому что нужны живописцу и белила, и охра, и сажа,
Не считая тех многоцветий, о которых я тут не сказал.
И если вздумаю я в стихах обойтись без пейзажа,
То буду похож на актёра, играющего на пустой зал.

22 октября 2011

НОЯБРЬСКИЙ ХАОС

Восстание осени против зимы:
Несчётное войско глициний!
Его полководец из облачной тьмы —
Просвет неожиданно синий.
Как меч отливает дамасским огнём
Просвет агрессивный и синий!
И что-то упрятано солнечно в нём
Над жёлтой ноябрьской пустыней...

Похожа ли осень сама на себя?
Но вдруг обнажается гравий...
...Вот так же и я, не узнавший себя
На старой слепой фотографии.
Тут все мне знакомы...
Но я, или нет?

...Мелькала зима за зимою,
Их тоже не счесть... И осенний рассвет
Шёл с листьями — с полной сумою...
Но войско глициний с нашествием дня
Толпой бело-синей скрывает меня.

Так всё-таки кто это? Я, или нет?
Похоже, что нет — не — похоже.
Костюмчик — ну да... Но осенний рассвет...
Не тот... не моя это рожа!
Невовремя в осень вломились цветы,
И вот не поймешь — ты там, или не ты?

Так в десятилетиях сплошной кутерьмы
За бешеной сменностью света и тьмы
Кружит карнавально мельканье:
Сражений и плясок, сумы и тюрьмы,
И тут уж не важно — мы, или не мы...
Цветы, фотографии, листья, умы...

Восстание осени против зимы
Не требует оправдания!

6 ноября 2011

НА ПЛОЩАДИ КОНТРЭСКАРП

Давно — ноябрь. Но тут перед кафе
Всё столики торчат на тротуаре
И газовых зонтов-обогревалок
Не ставят прыткие официанты...
Сидим как летом... Только неохота
Пить пиво — даже «гиннеса» не надо!
Вон рядом подогретый «лёвенбрау»
Цедит компания весёлых немцев
(все — по произношенью — из Берлина).
А мы пьём кофе... Значит, всё ж зима
Исподтишка приблизилась к Парижу...
Хоть ирисы на площади цветут,
И даже сумасшедший рододендрон
Расцвёл с чего-то на смурном газоне...
Из-за окна напротив — чья-то кошка
На нас глядит... Не на часы в кафе —
На нас!
А впрочем, что ей торопиться?

Ведь вот законсервировалась осень,
И значит, март уж точно далеко.
Ведь даже листья эти под ногами
Болтают с теми, что ещё в ветвях.
И в шёпоте качаются ритмично.
Как маятники... Только Время с места
Не сдвинуть им...

А кошка наблюдает:
Навес кафе — как радуга⁷ над сценой,
Ей представляется, что мы — актёры,
А то, что зрители одновременно,
Ей невдомёк...

Вот так и наша кошка
В узорном пригородном ноябре:
Пусть вместо человеческих комедий,
Когда-то там Бальзаком сочинённых,
Ей достаются мультики сорочки,
Зато — все время смена декораций:
То дождь косой, то пёстрый шум листвы...

А этой — полосатой и пушистой —
Тем более тут есть над чем подумать:
Ведь целый день сменяются актёры,
Хоть декорация одна и та же,
Но в экспрессионистских зеркалах
Дробясь...

А из-за стойки, в глубине,
Где моют чашки, — даже джаз какой-то...
Он тоже иногда умеет «МЯУ»...

26 ноября 2011

ОСКОЛОК

Зеркало облаков не отражает,
Зеркало облака приближает...

Вот лежит под кустом коринки
Угловатый осколок никчёмный, и
Шевелятся в нём листья ивы,
Или гроздь какие-то тёмные.
Пропорхнёт ли бабочка криво —
Отражённо, случайно, мгновенно
Лист слетел! Значит — мимо памяти,
Значит он из того, что бренно:
Вот проплыл, и забыт природой.
И сметён случайной погодой...

Отраженье скользнёт, сомнётся...
Шевельнёшься? Смотри не сотри!
Как его удержать? — «Раз, два, три» —
Вдруг — из детства, вдруг — из колодца
Всемогущее нечто вернётся —
И магическими словами,
Чем-то вроде «застынь»? Нет: «замри!»
Превратит отраженья в память.

А что в память вошло — не изменится,
И не сузится, и не растянется...
Как старинное фото останется...

20 сентября 2011

Обрывая меж листвы кизил,
Ветку отпустила вдруг рука
И рывком, как только отпустил,
Ветка, отпружинив — в облака.
Ну, кому он нужен там, кизил?
Как же до него добраться мне,
Если ветка дважды далека:
Если небо — в озере, на дне.
(И казалось настоящим дном).
Но когда взгляделся я — оно
Оказалось где-то в глубине
Тёмного окна... Ну а в окне...
Так теперь, не скажешь ли, окно...
В скольких ты ещё
Отражено?

сентябрь 2010

Ну, окно в городской квартире —
Не более, чем окно:
В этом жёстком, квадратном мире,—
В этом жалком экранном мире
Уместится только кино —
Зрелище, суetyащееся, дробящееся, неживое
(Напрасно в родичах у него — витражи!),
В мирке телевизорного, машинного воя
Его обесценивают неограниченные тиражи.
А за окнами бежит осень живая:
И капюшоны острые надевая,

Торопятся гномы — за гномом гном.
(До чего ж траектория пляски кривая,
И один — в чём-то жёлтом, другой в цветном...)
Не балуй! Не притворяйся листом!

Эту пьесу ночного осеннего леса,
Где путь жёлтых и пёстрых гномов пролёг,
Ни богам, ни чертям не подвластную пьесу
Никакой экран вместить бы не смог:
Хоть стекло слегка и похоже на воду,
Но не лужа,
Где свет под ветром дрожит,
Где всплывают нерукотворные витражи —
Где и дождик — живой, и любая колода,
Где озёрам подмигивает погода,
А художник велик
Тем, что вовсе безлик.
И оттого — вездесущ, как природа...

12 ноября, вечер, 2010

ТЕНЬ ВРЕМЕНИ

*** * ***

Рывком отражённый от леса ветер —
Это Время рванулось назад:
Или Время само — только ветер,
Плохо доступный глазам,
Или ветер — просто зримое время
(Струйкой с мельничного колеса?),
Мгновенное — вечно, вечность — мгновенье:
Что им хоть год, хоть полчаса!

Тень от чайки в комнате: ей охота — в тепле!
Вот и клюёт она у меня на столе крошки
Капли вялые чуть дрожат на стекле,
А чайка — с той стороны, на окошке...
Там за стеклом ветер и чайка,
Чайка и время в мокром звучанье
Рыжих сосновых узлов у прибора...
Ветер ли, Время там воет нездешней трубою?

Остановлены в объективе аппарата,
Криво вывернуты недвижные облака...
А оно бежит откуда-то и куда-то —
Со своей скоростью каждая река.
И вовсе не из любопытства праздного —
Надо скорости эти сравнить...
Ведь может, к той чайке она и привязана,
Ветров и времён незримая нить?

Тень времени удлиняется...

Заметь,— от Шекспира и до Конан-Дойля —
Всего-то три полки по вертикали,
А если б по полкам двигался вдоль я —
За триста лет добежал бы едва ли...

Так если всё в мире — одновременно —
Художников разных — узнать по мазкам,
И от Шнитке — улицу перейти до Шопена
(Главное — адрес, чтоб зря не искать).

...А если «времени больше не будет»,
Как обещал святой Иоанн,
История отменится, встретятся люди
Разных веков и разных стран...

Ну, а если даже соврал апостол
(Ведь нет для поэта запрета!),
Попробуем хоть издали скорость ветра
Определить по выгнутости вон того паруса,
Или по лёсу, скрипящему яростно
В маятниковом качанье сучьев этих
Над берегом, где прибоя, сосен, камней голоса
Сливаются в мокрое звучанье Времени —
В отражённый от леса ветер,
Который обретает зримые очертанья,
Только опрокидываясь в паруса!

18 ноября 2009

А когда пятипалый разлапистый лист платана
За берёзу не смог уцепиться, ему
Только и оставалось, наподобие парашюта,
Над газоном долго бесцельно кружиться, и тьму
Желтизной безнадёжно расталкивать —
этот солнечный осколок лета
Прошуршал по крыше тёмно-синей машины,
Несколько раз то вниз, то вверх по бортам,—
И под колесо —
И остался там...
Почта, на которую не будет ответа.

ОТРАЖЕНИЯ

Дул оркестрик из семи бродяг
Всею медью желтизны осенней
В медь листвы, внизу, над жёлтой Сеной,
Окунувшейся в прозрачный лак,—
Город в трёх раструбах отражаясь,
То в валторне, то в трубе вращаясь,
В медных горлах спрятаться спешил.
Разворачиваясь в трёх воронках,
Три Парижа разлетались звонко,
И плясал над чёртом Сен-Мишель!

Так плясали троицей латунной
Геликон, валторна и труба,
Что почти не слышны были струны
И неопытной, и слишком юной
Скрипки.
Так была она слаба.

А кларнет хихикал из Брассанса,
Бёкала валторна, как баран,
И двусмысленностями бросался
Непристойно алый барабан,
Но аккордеон взрывался Брелем —
И опять раструбами горели
Блики на танцующей трубе,
В отраженьях искажался кто-то,
Но узор балконов был — как ноты,
Вызов посылавшие судьбе:

Так цвета играют ветром. Так
День домам расписывает спины,
Так звучит листва, уткнувшись в стены,
И на нижней набережной Сены
Тот оркестрик из семи бродяг...

А когда каштаны отзвучали,
И остались чёрным голяком —
(Будто бы мундиры их украли!) —
Осень, скручиваясь по спирали,
Вся втянулась в медный геликон...

3-12 ноября 2007

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ О ПОГОДЕ

1.

Туман в Париже течёт с каштанов и с Пантеона.
Он серый — серую Сену лижет тихо и сонно.

Давай зигзагами через реку идти мостами.
И каждый раз будет новый берег перед глазами.

Он постепенно к нам из тумана кусками зданий...
Он постепенно кусками зданий к нам из тумана...

Окошко...дерево... между ними, наверно, пусто —
Одни фрагменты — и не собрать их в одном экране.

Одни фрагменты. И не включаются в ткань романа.
То выступают, то исчезают: страницы Пруста.

Мир фрагментарен. И не выстраивается томами.
Туман в Париже... И не собрать их...
Париж в тумане.

2.

Мистраль в Марселе.
Порывы воют,
Порой срывая с окошек ставни,
Весь день он ухает без сна совою,— не перестал ли?

Нет: чашкой пальма кверху свернётся,
Как старый зонтик,—
Пространство временем обернётся
На горизонте.

А время целится бесконечностью стать...
Оно-то,
Крутясь, беснуясь, собой заполнит в тебе пустоты,
В любые трещинки оно вотрётся, в любые раны...

В Париж вернёшься — в тебе мистраль, а кругом туманы,

В Париж вернёшься — мистраль с тобою, и не стихает,
И время пойманное застревает между стихами!

2002

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОСЕНИ

Никуда не хочу. Взять собаку — и в лес.
Все столицы не стоят парадов и месс.

Не пойду, даже если там кто-то воскрес,
Да к тому же до пасхи,
Столько долгих недель, столько дней и часов!
Лето, запертое на длинный засов,
Не подаст ни один из своих голосов!
И не сменятся краски:

Чёрно-белое фото январского дня
Этой скудостью цвета доводит меня!
И закат этот жёлчный, без искры огня —
Ни причин нет, ни следствий...
От кружения улиц — глупей и балдей! —
Хаос окон, прохожих, витрин и блядей...
Разве в Лувр заглянуть? Но от очередей
Я отвык ещё в детстве...

Никуда не ходить, ни на ком не скакать,
Лучше пусть по странице проскачет строка,
И уздечку под лавкой не надо искать —
Тоже связано с риском
Потерять ни за что ариаднину нить —
Лучше Дилана Томаса переводить
И болтать о Багрицком...

Вместо этой, к нам не добежавшей зимы, —
От Урала или из Бретани? — Из тьмы
Осень вновь возвратилась, увидев, что мы
Без неё в этот вечер,
Пригрозивший нам стать ожиданьем Годо,
Пропадём в гаммах ветра до верхнего «до»:

Ни к чему ни снежок, ни бутылка бордо...
Нет, от зимности лечит
Если уж не весеннее уханье сов —
Только арлекинада осенних лесов,
Только тень растворённых в листве голосов,
Только поздний кузнечик.

11 января 2006

АД ВОРОНИЙ

Среди небоскрёбов и дождь сильней —
Уж не сама ль высота намокла?
Всё вертикальней, и всё длинней

Над стёклами стёкла, и только стёкла,
Сужаются стены с двух сторон:
И сквозь провода, сквозь чёрные коконы

Город не выпускает ворон.
Внизу отражается шум машинный,
Всё вертикальней серый бетон:

И сколько крыльями ни маши тут,
Никак в открытое небо не вырваться!
Или чёрный наряд так халтурно пошит,

Что воронам кажется — они выродки?!
Ещё хоть один этаж бы,— но стоп:
Стены опять как будто чуть выросли,

И тросы вроде парашютных строп...

Но ведь не крылья у них ослабели,
Тянется ввысь как гриб небоскрёб...

Ещё чуть взлетели, еле-еле,
Ну, где там прекрасная пустота?
Стены, сужаясь кверху, обсели...

И силы в крыльях уже нехвата...

5 февраля 2009

Огни всё глубже тонут в лужах,
Лучи всё медленней дрожат.
Уж вовсе ничему не служит
Их отражений рваный ряд,
Уж вовсе никому не светят
Пустые дубли фонарей:
От плачущих фантомов этих
На улице ещё мокрей

И никакого нет резона
Своим же отраженьем быть,
Чтоб в отражении газона
Свой зыбкий профиль утопить.

27 января, 2009

Собаке Ньюше

В эту осень небо привыкло
Зажигать каждый вечер закат.

В оркестровой скрипки пиликают —
Как дубовые листья кружат,

А со сцены — воронье соло,
Воробьиный хор (далеко!),
И с готовностью невесёлой
Ветры пробуют геликон.

Ну-ка, вслушайся, если уловишь,
Репетирует что-то даль,
Где-то — поезд по шпалам клавиш:
То настраивают рояль.

Мы с тобой пройдем непременно,
По паркетам листвы скользя,
За кулисы, в фойе, на сцену —
Только в зрительный зал нельзя.

Говоришь — пойдём? Но однако
Нам никто ещё не сказал...
И куда нам спешить, собака?
Нас не пустят в зрительный зал.

1995

* * *

Туман на крышах, туман в ушах,
затылку — как на подушке.
И деревья, и дыханье он мнёт не спеша;
Очки, ветровые стёкла —
тоже его игрушки...
Капли тумана — слёзы ветвей, не иначе...

Но деревья ведь долго живут —
так что ж они плачут?

И почему тогда не плачут собаки?

2000

ГОД 2003

Года, они — куда?
И — журавлём трубя —
Собаку пережить,
Как пережить себя.

Был мокрый чёрный нос,
А стал совсем сухой...
И то, что было жизнь,
Вдруг сделалось трухой.

Да, знал, заранее ждал,
Но всё равно — обвал...
Так сколько же я раз
Себя переживал?

2010

*Gehe Graal zu suchen, Ritter
«Parzifal»⁸*

На охоту за словом,
На охоту охот,

На охоту за словом:
Ну а вдруг повезёт?

Толпы чёрных предзимних кустов оголя,
По стерне опустелой, по жалобам трав,
Сколько лет — через чьи-то чужие поля,
Чьи-то строки чужие
по пути раскидав!

.....

Из холодного мира немых фонарей
(Каждый плащ, как дождливый плач) —
К островам, где словами двигал скалы Орфей,
И вода — как весёлый мяч:

Вот — навстречу! Вот наплывают,
Приближаются острова!
Там такие слова сверкают —
Как не стать игроком в слова?
Заигравшись, не знал я, как близко...
Унесла невесомая пена
От прибоя скал Киммерийских
До ленивых песков Карфагена...

И когда корабли врезаются в мель
На рассвете у жёлтой косы,
И скрипят кили от ласки земли,
И осокой шуршат носы —
Что в метафорах пены мне послышится тут?
Или вправду сирены в этом море живут?
Но на плоской воде даже волн нет —

Молчаливая ночь не стынет,
То ли радугу каплями полнит,
То ли дышит свистом пустыни.
Разве радуга вечной бывает?
Разве сложатся свисты в слова?

Уплывают — опять уплывают —
Разбегаются острова...

между 1994 и 1996

БУЛЬВАР СЕН-МИШЕЛЬ В ЖЁЛТЫХ ТОНАХ

Как только закат натолкнётся с разгона
На арки мостов и оближет бульвары,
Подгнившую славу со стен Пантеона
Смывают весёлые жёлтые фары.
По стёклам кафе, в их верандах торчащих,
Играя на меди торшеров старинных
Прекрасной эпохи (почти настоящих),
Крошась и ломаясь в зеркальных витринах,
Они пробегутся, исчезнут и тут же
В глаза на мгновенье сверкнут торопливо,
Связав, словно молнией, белую тучу
С клубящейся пеной пивного разлива.

1996

* * *

Дубы уходят. Листья остаются.
Вся осень незаметно исчезает,
Но жёлтый свет надолго остаётся.

В закрытых окнах блики остывают —
Исчезнут окна — блики остаются.

А улица — а улица прозрачна,
Дома уйдут — а свет их остаётся:
Горизонтальность окон на асфальте
Нарезана, как плитки шоколада
Из темноты и памяти фонарной...

Стук каблучков на лестнице осенней
В дожди уходит — тучи остаются.
Уходит платье — запах остаётся...
Все верное, все вечное уходит,
А зыбкость остаётся.
Остаются...

1996

* * *

Лене

От всхлипов старинного джаза
В кафе у Сорбонской капеллы
Решетка сада — как ваза —
Отражая гудки, запела.
Липы, дубы и вязы —
Вместе всё облетело,
И постарело разом
Статуй мокрое тело.
Беспечные лица женщин
С тенями и светом медным —
Вечерний лик Сен-Мишеля —

Сменяется незаметно
Свечением сумасшедшим:
Стечение фар машинных,
Сияющие карнизы
Окон, подсвеченных снизу,
В смешенье зимы и лета,
В смещении тьмы и света —
Сгущенье мощёных камнем
На мокром пятен рекламных,
Отражённых в дожде недавнем,
Возвращённых стёклам и ставням;
Фонарям в напряжённые дуги,
И нам, отражённым друг в друге,—
Чтоб стряхнув световые перья,
Вдруг найти за стеклянной дверью
Тишину, что укрыться успела
В кафе у Сорбонской капеллы

1992

ИЗ ГАЛЛЬСКИХ ПЕЙЗАЖЕЙ

1.

На площади Вогез,
На старой Place des Vosges
Опять попутал бес
Влюбляться в эту ложь,
Где красных стен квадрат
И окон переплёт
Глядят в кленовый сад.
Над пиками оград
Лист за листом плывёт,

Как тени львиных лап,
А в воздухе висят
Следы пернатых шляп.
Сырая глушь аркад
Всё искажает так,
Как будто бы звенят
Фантомы старых шпаг —
Нет, просто антиквар,
Вздыхающий гобсек,
На ключик закрывал
Едва ли бывший век...

1983

2.

В Компьенский лес уходят кони,
И колокольня смотрит в даль,
Ей всё равно — пусть ветер гонит
Листву в пустой Мориенваль.

Так эта осень бесконечна,
Что нет ни света ей, ни тьмы,
И падает не солнце — свечка
За пикардийские холмы.

Витраж, как паутина, славит
Былую лёгкость летних дней,
Но отведи глаза — раздавит
Романской тяжестью камней!
Белёсый сон ползёт в долины,
Сглотив измученную даль,
Как будто брызги мокрой глины
Летят в глухой Мориенваль,

Где церковь — тёмная немая
Тысячелетняя стена
На контрфорсах поднимает
Чужих монахов имена.

1979

3.

На пегих скалах пена ржёт и стынет,
Хаос камней и чаек — пей до дна!
Тяжёлыми обломками латыни
Завалена старинная страна.
Тут край скалы. В бесцветный час отлива
Смолкают даже чайки до поры,
Тут край земли. И с этого обрыва
Одна дорога ей — в тартарары!

Нет, это вам не Франция! — Поныне
Крылатых кельтских шлемов снится скань...
Никчёмными обломками латыни
Завалена не римская Бретань.

1985

Вале Павловой

«Он не заслужил света, он заслужил покой»

М. Булгаков

«Спи, спи — дождик идёт...»
 Грустная нежность, каменный свод.
 Средневековый Париж за окном
 Пахнет жаровней и кислым вином.
 Серые камни висят, как века,
 Мягко глаза прикрывает рука:
 «Спи, спи — дождик идёт».
 Втиснулся в улочку бледный восход.
 Света не будет, но будет покой...
 Я бы поверил, да век не такой:
 Слышишь,— в России Россия не спит,
 Слышишь,— охрана по снегу скрипит,
 Кто-то ареста и обыска ждёт.
 «...Спи, спи — дождик идёт!»

Тихо по мелким квадратам окна
 Катятся капли остывшего сна
 И заикаются колокола,
 Словно бы ночь и сама не спала,
 Словно шептала всю ночь напролёт:
 «Спи, спи, дождик идёт».
 Света не будет, но будет покой,
 Мы ведь в шестнадцатом веке с тобой...
 Я бы поверил... ну что ж ты молчишь?
 Видишь, я спутал Москву и Париж,

Видишь,— швейцарец сменяет стрелца,
Скаред-Людовик сбегает с крыльца,
Свечка не гаснет, Малюта не спит,
Рядом корявая дыба скрипит,
Слышишь,— бургундец в подвале орёт...?
«Спи, спи — дождик идёт...»

1977

* * *

Вале Павловой

Заглушить рокотание моря

Соловьиная песнь не вольна.

Александр Блок

Захлопнуть дверь и оказаться
В средневековом городке,
Где пятки мокнущих акаций
И стены крутятся в реке.
Из четырёх надвратных башен
Которая ведёт куда?
Во все ворота путь не страшен,
Под всеми стенами вода.
И никого не спросит осень
Зачем забрёл, когда — назад.
Всё оттого, что каждый носит
В себе свой соловьиный сад...

Я рвусь через его ограду,
Осенним журавлём трубя,
Мне только дальше бы от сада
И от себя! А ты — в себя,

В себя тропинкой недотрогой.
Ну, как столкнуться нам с тобой,
Когда в себя — одной дорогой,
А от себя — совсем другой!

И что за чёровы качели:
Один туда, другой сюда,
В себя уходят еле-еле,
А от себя, так никогда.

Зачем бульжные дороги,
И четверо ворот к чему?
В себя уйти дано немногим,
А от себя, так никому...

Morêt, 1978

* * *

Лене

Ты сегодня не увидишь ничего,
Кроме скучного и серого тумана,
Чуть солёного и сонного тумана —
И какое тебе дело до него?
Да пускай себе туманом душит лето
Всех витрин и всех проспектов дребедень,
Эти кружки с пивом солнечного цвета
Затуманены морозцем в душный день.
И пускай себе подмокшая листва
Жаркой сыростью шуршит над головами —
Говорю одними главными словами
(Если есть на свете главные слова!)

Вот старинные зелёные глаза.
Их платановые листья оттеняют...
Но счастливые стихов не сочиняют.
И пора бы мне замолкнуть, да нельзя.

Париж, 1992

* * *

Gare d'Orsay

Когда туман к воде сползает постепенно
И облака сидят на креслах площадей,
Я в городе сыром завидую Гогену —
Нездешности его деревьев и людей.

...Сухой чертополох танцует на бумагах,
В редакциях газет — машинок чёрный лом,
А в серых зеркалах, в пустых универсамах
Красавица ольха смеётся над тряпьем.

И небо чёрное над набережной встало
Всё в белых искорках, как старое кино,
И на экран ползёт видение вокзала,
Где паровоз летит в стеклянное окно⁹.

Всё на места свои вернётся непременно.
И утки на воде — как тапочки Дега...
Шуршит буксир Маркё над розоватой Сеной.
И тихо. И рассвет. И тают берега.

1995

Вдоль по улице — холодные дожди.
Что противней середины ноября?
Ведь ноябрь и позади, и впереди,
И в тебе самом, по правде говоря.
Ну да что там,— вон цветы полить пора,
Или, может почитать... (Уже с утра???)
Да на полках всё бесполое тома,
Как заброшенные полые дома...
Ах, какая невесёлая зима,
Ах, какие весёлые стихи!

Попытаться, что ли, псину расчесать?
Или что-нибудь такое написать?
Очень хочется каких-то ярких строк,
Да, как видно, не пришёл ещё им срок:
Вот откупорить бы звонкие слова,
Но придётся дожидаться Рождества!
Право, стоило так радостно жить,
И листать, листать никчёмные тома,
Чтобы тридцать лет спустя повторить:
«Впереди — бесконечная зима».
Ах, какие весёлые стихи!

1994

СНЕГ В ПАРИЖЕ

Марье Синявской-Розановой

Ночным десантом, саранчой,
Над каждой лужей,
Над Эйфелевой каланчой, над углем кружев,
На зеркалах, на фонари в ночи речистой,
Белея падали в Париж
Парашютисты,

И возле каждого кафе
Заложниц брали,
В чертовок превращая фей, чтобы не ввали...

Снег предлагал антистриптиз,
Привычки руша,
Ломился чистотою риз
В чужие души.
Он верил только сам себе —
О, как бесстыже
Хозяйничал в чужой судьбе
Тот снег в Париже!

Рябил чернильный сон воды,
Бродил садами,
Морозил груди и зады в кинорекламе,
Как пьяный гангстер ослеплял автомобили,
Химерам пасти залеплял, чтобы не выли...
Хоть час — да мой! Хоть до зари грязь будет белой!
И старым липам в Тюильри причёски делал.

Людовик, бронзовый старик, не веря в утро,
Надменно пудрил свой парик неверной пудрой,
А завтра — завтра хоть потоп
Всё к чёрту слижет,
Зато сегодня он...
Зато...
Он — снег в Париже!

Снег, сотрясатель бытия афиш и спален,

Он был мой брат,
Он был как я, парадоксален,
Как знак 13 на часах,
Как в Ницце — лыжи,
Как хиппи в Муромских лесах,
Как... снег в Париже.

1975

МОКРЫЙ ТРИПТИХ

1.

Необычное всё
Начинается с повседневности,
Запах лошади в мокром лесу...
Бурундук проскочил, как мгновенье.
Этой странной незимней зимой
Есть грибы под гниющей листвой,
И разносит крик цапли
Мокрый ветер осенний
(А может — весенний?)

2.

Из машины в окошко:
Намокшего ветра кручение
В пять часов предвечерья —
Треугольники с размытыми краями:
Это дремлют дома,
А в незримости где-то
Автострада гудит,
Как встревоженный пчельник.
Фонари. Деревенская улица.
В окнах ёлок не считаешь — сочельник.
И незимней зимой —
Такая не тёмная тьма!

3.

На прилавке уличном перед кафе,
Которое прилепилось к пожухлой стене,
Те же устрицы, те же бутылки и те же лимоны...

Тот же повар жарит всё тех же кур,
Перед вертелом мельтеша в глубине.
А на голых ветвях
В тех же позах всё те же вороны.
Ну так всё-таки что —
20 лет, или 20 минут?
Те же столики, те же навесы... а может,
Эта чашка и я...
Как случилось, что всё так похоже?
Только зеркала нету...
Но это и к лучшему тут...

7 января 2012

Шарманщик стоит на углу у Мадлен,
Хриплые вальсы крутит
В калейдоскопе окон и стен,
И голых платановых прутьев.
Сидит на шарманке дымчатый кот,
Рыжая такса зевает и ждёт...
Тяжёлый старинный сверкающий вальс
Крутится над головой —
Он — не для нас и не для вас...
Стой, постой, постой...

Жёлтым высвечен Эйфель — он косится вдаль,
И соломенным кружевом кажется сталь,
Над мостами — пунктирные дуги огней,
Под мостами — кружащийся отсвет теней,
И тяжёлый, как Сена, сверкающий вальс

Раскрутился над головой —
И пускай не про нас, и пускай не про вас —
Постой, постой, постой!

НО ПАРИЖ, НО ПАРИЖ —
Под шарманку кружишь,
Отражённый жонглирует свет,
И мелькают, вращаясь, колонны Мадлен
В ярком калейдоскопе и окон, и стен —
Где же лучше?
Или там, где нас нет?
Но — старинный тяжёлый сверкающий вальс,
Но — шарманщик,
хоть он — не про нас, не про вас,
Но — вращаются над головой
И огни, и мосты, и река, и коты —
Постой, постой, постой...

1993

* * *

Медная мелочь акаций
Бренчит по чугунным оградкам,
Кленовые ассигнации
Перепополняют пруды:
Осень устала таскаться
По раутам и парадам
И начала избавляться
От зеркального вида воды.
Жёлтый паркет — как ловко
Он притворяется твёрдым!

Чтобы не догадались,
Сколько под ним воды.
(Есть у вранья сноровка!)
Осень, да где твоя гордость?
Ну, до чего ж по дешёвке
Октябрь продаёт сады!

Ну, до чего ж по дешёвке
Орест продаёт Пилада!
Ему давно уж не снятся
Сверкающие пруды!
Медная мелочь акации
Бренчит по чугунным оградкам,
Медная мелочь акации —
Цена ледяной беды.

Медон, январь, 2005

*** * ***

Когда б вы знали, из какого сора...

А. Ахматова.

Собака приносит на лапах лесную грязь,
Кошка, мурча, нюхает мир,
Недоступный ей,
Запах лужи с отраженьем и неба, и нас,
И палой листвы и каких-то зимних зверей...

Кривое отражение дятла в луже
Кошка угадает через глинистый след.
Вон она как по комнате кружит,
У входа в тот мир, которого нет...

Собака гуляет с нами подолгу —
Через лес, поляны, по соседним городкам...

У нас ещё есть книги, картины, фотки,
А у кошки — только слух, да нюх, неведомые нам,
(В дополненье к несовершенным кошачьим глазам...)

Кошка занесёт на ёлку, играя,
Невнятный отражённый свет извне.
А в комнату из-за стёкол заглянут, мигая,
Глаза котов в заоконной стране —
Цветные лампочки в двойном окне.

Так вот зачем собака приносит на лапах
Оттуда, из уличной лесной страны,
Минуя прелых листьев запах,
Следы невидимой луны!

13 января 2012

НОЧНОЙ СОНЕТ СУМАСШЕДШЕЙ ЗИМЫ

...А в ледяном ночном сверканье над мостом
Нотр-Дам белей, чем айсберг, да и Сена дыбом —
Снежинки фонарей вдруг, подражая глыбам
Льда, растворяются в безмолвии пустом.
Кидая вспышку каждым острым огоньком,
Кривые зеркала домов дрожат и тают,
Свив готику в узлы на чём-то там кривом,
Барокко из неё внезапно выплетают...

Безоблачная ночь торжественно пуста,
И опрокидываясь с каждого моста,
Фонарный силуэт подобия растений

Роняет в реку, и — вновь темнота в чести...
К тому ж, в отличие от времени, — учти!
Пространство вовсе не отбрасывает тени.

27 декабря 2010

*** * ***

Запахом свежего хлеба и кофе
Отличается утренний город от вечернего,
И ещё угасающими цепочками огней...
А вечерами — в застывшем равномерном свеченье
И дома почему-то видятся в профиль,
И запах бензина — куда сильнее.

Но уйдя из улиц, люди, как боги
Зажигают в сумерках за окном окно,
И превращают вопреки дневной тревоге
Не воду — кофе в золотистое вино.

17 января 2012

ФУГА

Памяти Александра Галича

А скрипка вопит в переходах метро,
Играет венгерку мальчишка лохматый,
И в шапку — чуть брякнув — то зло, то добро,
То смерть, то любовь, то взгляд виноватый.
И плачет смычок в лабиринтах подземки,

О чём-то никчёмном ещё беспокоясь,
Когда по кольцу, пляя жёлтые зенки,
Забыв остановки,— взбесившийся поезд...

И каждые, каждые сорок минут
Вся серия станций опять повторится,
Всё в том же порядке, те самые лица,
И те же стоп-краны бессмысленно рвут;
Кольцо — без концов. Сострадание — старо.
Ни улиц, ни смеха, ни ветра, ни горя —
Есть просто взбесившийся поезд метро
И вовсе за ним никаких аллегорий.

И скрипка вопит в переходах метро,
Вопит, как болотные выпы в России.
Не жилы воловьи, а нервы людские
Кричат, как расплавленное серебро!
Тот белый смычок в перехлёстах реклам
Их наглого крика и мельче, и тише —
Тебя не раздавят, но и... не услышат,
Хоть руку смычком распили пополам!

А поезд несётся всё тем же маршрутом,
И некому — стрелку... Ну, хоть бы в тупик!
И кто-то не хочет, а кто-то привык,
И плечи одеты, и души обуты.
Там, сверху дома, магазины, бюро...
Где — сверху? Нет верха: там тоже подполье.
Ты свыкся, ты смялся с навязанной ролью.
А скрипка вопит в переходах метро!

О, нет, не устанут цыганские струны,
Корявые луны и ветер ничей!
В афишном удушьи бессмысленно юны
Лесные перуны басовых ключей,
И пляшет на кафелях ломаный свет
Под смешанный запах дождя и камелий,
Резины горелой, порубленных елей,
Дерьма и Диора, блядей и газет...

А там минотавра железная вы
Нам в души гудит, как в пустое ведро,
А люди всё мимо спешат, как живые,
А скрипка вопит в переходах метро
О тех, кто засунут в летящий без цели
Скрежещущий поезд, кружащийся век,
Которым не метры, а сотни парсек
До каждой мелькающей лампы в тоннеле...

А скрипка вопит в переходах метро.
Не струны так рвут — парашютные стропы,
Так болью в подполье, в пещеру циклопа,
Вываливается живое нутро.
Не струны так рвут, а рубаху враспах,
Не жилка смычковая — нож гильотины!
Так лопаются при пожаре картины,
Так сам над собой измывается страх...
Но — прёт минотавр. Состраданье — старо.
Рубильники ржавы. Вагоны — по кругу.
В подполье Европы — железную футу!
А скрипка царапает своды метро...

Париж, 20 декабря 1977

КРУГИ ПО ВОДЕ

Над озерцом — где-то или нигде.
Запустил я лёгкий и плоский камень,
И разбежалась она кругами, проскальзывая по воде,—
Концентрических лет прозрачная память.

За кругом круг всплывал и за годом год.
В каждом круге по негативу —
Пластинки старинного аппарата.
Зыбко, едва узнаваемо... Только вот —
Трудно всё рассмотреть, если снимок не отпечатан!..

Перемешались пейзажи, лица и города:
На Пантеон наложился Исакий — купол на купол,
А за королевами, населившими Люксембургский сад,
За этими подобиями закутанных в средневековые кукол,
Просвечивает барокко: полуголые итальянки стоят
В аллеях Летнего Сада и глядят неизвестно куда.

Всплывает месё Лафонтен с маленькой на ступеньке лисой,
Но чуть поверни голову — и взгляд случайный косою
Упрётся в Крылова.
И живее он, да и зверей там побольше тоже!
Дом Книги сверкнёт, стёкла смешав, за «Самаритеном».
Где-то белые колонны лепятся к жёлтым стенам,
И стилизованные рожи с фронтонов передразнивают прохожих.

Круги расширяются. Теперь на них
Найдётся место и настоящим лицам.
То там, то тут мелькают:
Кто-то в центре кадра оказаться стремится.

От снимка к снимку он всё меньше лохмат,
Волосы цвет меняют: и не только виски...
А губы по-прежнему сложены — тот же мат —
Да над клавиатурой тень от пальцев той же руки...

Вдруг непрошенный ветер взрябит поверхность.
Над водой две ивы светятся.
И — ничего — и темно:

А если камушек запустить — так наверно,
Он снова включит вневременное кино?

14 декабря 2011

ХИМЕРЫ

Играют синие огни на лапах ёлок,
Большая площадь кое-как освещена,
Да в жёлтом блеске фонарей, на ветках голых
Случайных листьев уцелела желтизна —

Ещё колышутся над ёлочным, над синим,
Пока их слабый ветер с веток не сорвёт...
Луна приткнулась между башнями и шпилем...
Ну что, Нотр-Дам, покажешь мне под Новый год?

Невыразительны апостольские лица:
Затенены — не разглядеть, и лишь одно —
Лицо неверного Фомы едва искрится:
Живой луной оно слегка освещено.

Ну да. Одиннадцать нисходят к нам по шпилью,
А он, Фома, он — архитектора портрет¹⁰,
Лицом к луне штурмует шпиль, чтоб не забыли,
Кто восстанавливал собор десятки лет!

Вьоле Лё Дюк идёт по шпилью вверх, а ниже
Река, кафешки и толпа цветных огней...

На левой башне, над предпраздничным Парижем
Среди химер есть лица двух моих друзей...

Я им дарил тех двух химер когда-то в шутку —
Настольный гипсовый уменьшенный портрет!

...Декабрьский ветер в башнях вечную погудку
Всё повторяет, всё твердит: «их нет, их нет...»

А посреди химер, гаргуй и прочих статуй
(Кто, кстати, выдумал вот так пугать детей?)
Мудрец масонский, говорят, алхимик спрятан¹¹,
Химичит что-то химеричный книгочей...

А впрочем, ладно уж, пускай себе химичит,
Не знаю кем, да и зачем тут вклеен он,
Что и кому, и для чего он всё талдычит,—
Но и ему не разгадать секрет времён...

22 декабря 2011

Тут жил когда-то Эрнст Хемингуэй...

На маленькую площадь какой-то чужак
Из распахнутых настежь кривых дверей
Хромое пианино выволок не без труда...
Танцуют люди на площади в зимние холода,
И звяканьем посуды аккомпанирует кабак,

Под музыку шестидесятых соскальзывают с лица
Тени, отступая перед призраками тех лет,
Прорвавшимися сквозь ртутный сиреневый свет,
Под звёздным потолком минутного дворца.

Музыка, без сожалений растеряв обрывки слов,
Скругляет у квадратной площади углы,
Из сквера выходят кленовые стволы,
И смешивается с людским
Танец стволов.

Разлетаются куда подальше чёрные дрозды —
Оттого, что вальсу — ни начала, ни конца...
Но никто не замечает рождественской звезды
На звёздном потолке минутного дворца...

19 января 2012

Парижская зима — только эхо северных.
Так на фотке легко, ведь невнятен масштаб,
Принять за овраг сантиметровую расселину,
Или за кокосовый орех — каштан.

Слоисто-заиндевелые окна трамвая
Заставят мирок скамеек целым светом казаться,
Так что тем, кто настоящей зимы не знает,
На трамваях сегодня лучше уж не кататься.
Это эхо севера — в нём памяти нет,
Никуда из зимы не вывезет трамвай,
Остановка? Ну, выйди на белый свет,
Да какой он там белый! Цветёт айва!

Времена перемешаны — край через край.
А в трамвае ли, в метро — ни лета ни зимы,
Тут хоть всю дорогу Вивальди играй —
Не понять, в когда заехали мы...

Из трамвая выйдешь — и хоть кой-где цветы,
А в вагоне — только срезанные, без корней,
Вот такие букеты возим и я, и ты...
А меж входом и выходом — ни минут, ни дней...

И в строчках, написанных в городском
Транспорте — ни температур, ни дат:
Точка входа, точка выхода (хоть ночью, хоть днём),
И движенья не видно, только — результат,

Начало — конец. Обокраденное зренье.
В промежутке — бывают слова, но не трава.
Да, эхо зимы, да, слабое отраженье,
Но и от него гудит голова...

А всё-таки выйдешь — и цветёт айва!

30 января 2012

Расцвели невовремя цветы...

И мороз, как мастер дел стеклянных,
Виртуоз, что с острова Мурано,
Краски сохранив до темноты,
Их шлифует шкуркою тумана.
И остекленённые цветы
Звонкостью *canzone veneziana*,
Словно колокольцем каравана,
Встретят приближение темноты...

Сумрак тихий пальцами ветвей
Двигает медлительно куда-то
Рычажок ночного реостата —
Как в театре — каждый миг темней!
Сумрачный цвет неба — неглубокий,
Будто бы компьютерный экран.
А деревьев странная игра
Так ритмична, будто чьи-то руки,
Горизонт клавиатуры тронув,
Напечатают на небе сонном
Некие невидимые строки.

Как понять, что скрыто в тех словах,
Где он, взгляд пророка Даниила?..

Но как только свет рука включила,
Все загадки скрылись в зеркалах.
Вот экран стал зеркалом чуть сонным...

Что ж исчезло в мире законном?
Смазались цвета, и звон затих?
Вот и звёзды — гроздьё жёлтых мидий...
Всё осталось! Только мы не видим
Ничего, кроме себя самих...

А раз так — на том и кончен стих.

7 февраля 2012

Опять над островом Ситэ шпиль топят серые туманы,
Кружат в декабрьской пустоте, к нам с моря залетев, бакланы,
Тут, где на шумных берегах и этажам, и скверам тесно,
И в обстановке бытовой парадность птичьё неуместна,
А в сером небе ничего ни слух, ни взгляд не различает —
Что неуместней чёрных птиц средь барж, домов, да белых чаек?

Но ведь приходится реке вновь чувствовать себя широкой,
Как в дни, когда на островке весь город помещался сбоку
От лагеря, где так — в квадрат — четыре славных легиона
Стоят в шатрах за рядом ряд, крестообразно разделённо,
Тут, где две улицы сошлись, шест по уставу отмечает
Центр лагеря, над коим ввысь под облака баклан взлетает.

Не геральдический орёл — баклан — готическая птица —
Тут над имперским алтарём, над римским лагерем гнездится,
До готики лет за пятьсот украсив безымянный остров,
Готический баклан плывёт над тесным строем ёлок острых.

Когда-то возведут Собор, и с моря множество бакланов,

Не разгоняя сны дождей, на фоне стройных аркбутанов
В толпе невзрачных зимних дней начнёт без усталы кружиться...

И город выглядит важней под сенью острокрылой птицы,
Когда, напоминая нам, каким при Цезаре был остров,
Взлетает чёрный корморан над тесным строем шпилей острых.
15 января 2013

УТРО ТЁМНЫХ ВЕКОВ

К минувшему концу света...

... Краснеют на зимнем рассвете
Облака и стены домов.
Так мокры тротуары, что цвет их
Отличим ли от облаков,
Из которых приносят ветры
Пасмурность Средних веков?

Звон холодного утра-пролога
Перед днём проржавелых лат:
Ну, вот сейчас — на дорогу
Какой-нибудь Ланцелот...

Зашуршит под копытами утро
По жестяной траве...
И Ланцелот — «А нут-ка,
С кем бы подраться — не ве...!»

А виновен уж слишком алый,
Слишком нервный рассвет:
Жестяное небо упало —

На беспорядочность лет,
Жестяное небо упало
На звон жестяных лат —
На неестественно алый,
И столь же консервный закат,
Продолжение утра мглистого,
До нелепости раскалённого,
Да жестяные листья,
Высохшие до звона!

22 декабря 2012

МЕДЛЕННЫЙ ЗИМНИЙ СОНЕТ

...И летом может быть темно,
Но не бывает тьмы крошечной...
Вот веткой не спеша орешник
В ночное вломится окно,

Вот фарами по потолкам
Скользят прохожие машины,
Их отсвет, медленный и длинный,
Дрожит, размытый по бокам,

Цветными бликами трамваи
Вползают в летние дожди —
Движенья быстрого не жди:
Его придержит темнота, и —

В рассвет скворчиный фейерверк
Кривым фонтаном брызнет вверх!

20 декабря 2012

У Нотр Дам над рекой, на растресканном парапете,
Запертые грязно-зелёные ящики букинистов.
И не смахнёт незаметный, слабеющий утренний ветер
С крышки облезлой, с краски пожухлой, бугристой —
Несколько жёлтых разлапых платановых листьев...

Это — последние,
Каждый велик непомерно.
Даже чуть страшно:
В сравнении с ними почти незаметны
Там, над собором, далёкие мелкие башни,
И неразличимы на башнях химеры,
Будто они затерялись меж листьев опавших
Где-то под дачными заколоченными воротами,
Запертыми, как книжные ящики перед мостами...

На зиму серыми досками заколочены дачи...
В них — тоже книги на полках оставлены...

Только вот к ящикам утром придут букинисты,
Старые книги расставят по полочкам ящиков старых.
Тут же появятся стулья, или скамеечки низкие,
На серых растрескавшихся тротуарах...
Но не исчезнут ни бледные тени химер,
Ни разноцветные листья...

К лету пробьются на светлых деревьях новые листья...

Снимут ли доски с заколоченной дачи?

Кто знает:
Не букинист, не ветер, не ключник
Её отпирает...

9 декабря 2012

ЭТЮД

Утром птицы орали о прилетающем дне,—
Развеселились шальные,
Слышно их было даже при закрытом окне
Через стекла двойные.

Я бы в утренней сонности
Ничего не заметил,
Если б не выкрики звонкие эти,

Глянул в окно —
Птицы носятся не за добычей,
Просто так, озорно,
По кустам и деревьям — сороки...
А на кресле в комнате —
Носом в стекло, не вертя головой —

...Кошки бывают
Так изумлённы и так круглооки!

8 декабря 2012

ЧАЙКИ В ГОРОДЕ

...Ну, нет: не случайны сады в городах
И белые статуи в тёмных садах:
Будь сад этот хоть Люксембургский, хоть Летний,
Версаль, Сан-Суси, Кадриорг или даже
Какой-нибудь сквер, уж совсем незаметный —
Без мраморных тел — пустовато в пейзаже.

Не зря мы античность под зеленью ставим.
Скульптуры — живыми их делает птица,
Которая в силу таинственных правил
Хозяйкой на головы статуй садится!

Присесть на причёску хоть Геры, хоть Парки...
Ведь отдых так нужен для крыльев усталых,

Что чайки уверены: статуи в парке
Белеют лишь в качестве их пьедесталов.

Но сумерки сгонят их властно и немо.
Над крышами наискось тучу прочертит
Крылатым мельканьем пунктир через небо —
Последнее белое в чёрном, вечернем...

Взлёт — крылья в закате окрасятся рыжим,
Зигзагом сверкнёт ответ этот короткий,
Чтоб цвет отнести фонарям неподвижным
И плавно бегущим огням самоходки.

Опять белизною на чёрном качается,
И лаком речным отражение моет...
И в чёрном ночная река разрастается
Так, будто бы сразу за городом — море.

5 декабря 2012

ПТИЧЬИ СТРОЧКИ

Дождливы сумерки. А в тучах дыры.
С ползущей темнотой едва заметны
В деревьях резко мечутся пунктиры,
Мелькают вертикали через ветки,
Пересекают вверх наискосок —
Слились в картину дерево и птицы...

Подставив редким отсветам висок,
Дуб встал на цыпочки и шевелится —
Невидимы ночные птицы в нём —

Безветрие.
Движенья нет иного.
Но птицы чертят буквы, а потом
В ветвях, желтея, возникает слово.
Спешу его списать...

1 декабря 2012

Живёт только тот, кто ждёт.
Чего? Да не это важно —
Телесно, а не бумажно,—
Хоть лето, хоть Новый год —
Кто ждёт, к тому и придёт
Да пусть хоть по крыше кот:
Предвестье стихов — мурчанье.
Над морем миражей качанье
Ещё строку принесёт...
Сраженье. Спектакль. Свиданье...
Хоть мёд из овальных сот,
Хоть камушек в огород...

Живёт только тот, кто ждёт.

1 января 2013

Снег пытается перечеркнуть среди белого дня фонари.
А сквозь снег уцелевший
На свет — ноготки тёмно-рыжего цвета...
На столе — жёлто-красное яблоко.
Только зачем я — про это?

А затем, что ведь каждый свой мир фабрикует, ну, хоть из зари,
Из подручных вещей, из себя, из зверей, овощей,
Из...

Так вот на столе жёлто-красное яблоко, а за окном
Снег заляпан дождём.

Сквозь стекло смутно видно, как тополь

Так сердито верхушкой качает...

Но меж ним и дождём

Есть ли связь? И какая?

Да и в чём она, в чём, кроме нас?

Или, скажешь — ни в чём?

Или сами зачем-то мы вдруг сотворяем её

Так нахально, как будто и вправду мир в самом начале?

Но причём же тут снег

И над снегом цветов эфемерное бытиё?

Вся-то сущность стихов нынче в том,

Что описаны листья и корни,

Что проблема «про что» незаметно куда-то ушла...

А вот вечное «как» —

Пробивается к власти над строчкой упорно...

Содержание сделалось мифом,

Оживающим лишь, когда форма

Вдруг разбудит его...

И насмешливым локтем спихнёт со стола!

31 января 2013

*Я вернулся в мой город...
О. Мандельштам.*

Может, он ошибся? И пожалуй
он вернулся не совсем туда,
Позабыв, что маску с тайным жалом
Ловко надевают города.

Всё же ты при частых возвращениях
Не заметишь мелких перемен:
Тот же клён, да чуть с другою тенью,
Облупилось что-то там со стен...

Пусть от пустяка любой расцветки
Город не покажется иным,
Но при возвращениях очень редких
Как себя уравнишишь с ним?

Запросто увидишь ту же площадь,
Те же окна, что и в прошлый раз...
Ведь на место возвратиться проще,
Чем в какой-то месяц, день и час!

И сирень, и зацветанье вишен,
И каштаны — всё равно раз в год...
Их приход надёжный не зависим
От желания, как твой приход!

Не предскажет им никто мгновенья,
Что пора, мол, пред весной предстать...

Что ж, тогда любое возвращенье —
Можно мерой времени считать?

Ведь, как правило, не слишком точно
Времена свои сменяет год,
Мудрено вернуться в ту же точку
Времени, когда она плывёт!

И хоть это нам совсем не странно —
Хоть откуда, хоть из никуда
Возвращаемся мы постоянно
Всё в одни и те же города...

Город не какой-то неврастеник,
Мордами не дёргают дома!
Вот Париж — всеобщий современник,
Будь хоть Шарлемань ты, хоть Дюма

Он на «ты» общается со всеми,
Никакой не сообразно теме,
Времена так ловко беребят,
Чтоб его в тумане разглядели
Не таким, как есть он в самом деле,
А таким, как видит он себя.

9 февраля 2013

* * *

...Правда, не нужны мне снег да камни,
Неуют с растресканною глиною.
Лучше отовсюду пусть в глаза мне —

Летнее, зелёное, звериное.
Если полутьму лесную сменит
Резкий выплеск солнечных полян,
Пусть их разгораживают тени,
Как границы сопредельных стран.

Но одно в одно перетекая,
Тех границ не знают времена
Года!

Только вот зима одна такая:
Требует, чтоб преодолевая,
Перешагивали...

Я не знаю,
Отчего других не замечая,
Может своевольничать она,

И когда вдруг талая, шальная,
Снежный пух сменившая вода —
Что-то будет — знаем мы, не зная
Что ж на самом деле, и когда...

Врут равно и признак, и примета:
От ростка не отличить росток,
И листом ли станет почка эта,
Или в ней скрывается цветок?
Правду нам покажет только лето...
Прошлого на самом деле нету —
Призрачен любых событий срок!

Ну так всё же лист, или цветок?

Ложь для предка — правда для потомка,
Спутаны похожестью начал,
Было одинаково и громко —
Стало разным, чтоб не замечал
Сходства ты...

И так уж это прочно:
Неизбежности безвестен путь,
И листом, цветком ли станет почка?
В завтра всё равно не заглянуть!

Ложь для предка — правда для потомка,
Всё одно — с историей, с цветком —
Тут нужна ускоренная съёмка
С медленной проекцией потом.

Пересматривая так бывшее,
Мы в него, хотим иль не хотим,
А внесём хоть доброе, хоть злое,
Но сегодняшнее, вот такое —
Чуждое всем временам иным!

Вот когда увидим пред собою,
Чем же он окажется, бутон,
Лишь тогда историю раскроет
Странная проекция времён...

19 февраля 2013

ГОЛОСА ТРЁХ БАЗАРОВ

Ереван

«Салаты-шпинаты, чеснок и киндза,
Берите, чего пожелают глаза!

Хватайте петрушку, укроп и рейхан:
Баран без приправы — совсем не баран!
Скорее открой мне окошко, мой свет,
Я дам тебе лучший на свете букет!
Что розы-мимозы, зачем нам бульвар?
Нет в городе места важней, чем базар!
На свете прекраснее зелени нет,
Кто ею торгует, живёт двести лет,
А если умру, положите мне в гроб
Рейхан и петрушку, киндзу и укроп!»

1970

Рим

Ночная ярмарка в Трастевере,
и мостовые, как паркетты...
«Синьор, кто может жить на севере?
Синьор, отведайте поркетты!»
Поркетта разлеглась кокетливо,
и хоть оскал её коварен, но —
Она свинья. Она приветлива.
Она на вертеле зажарена...

1973

Медон

Всё морское на базаре —
Не от рыбы, а от устриц:
Только устрицы приносят
Смысл морской в базарный хаос—
И не мидии, не рыбы
Тут главенствуют сегодня —
И вино им верно служит,
Войску устриц новогодних!

Что тебе — в руках синица,
Если устрицы повсюду?
Море в комнату вместится —
Поживей готовь посуду!

Календарь ли — кверху дном?
И похлеще ведь бывает:
Вон, поляна угощает
Новогодним щавелём!

1 января 2013

ФОТОРЕПОРТАЖ С МЕДОНСКОГО БАЗАРА

Холодный сырой предрождественский день, и
Фонтаны замедлены зимнею ленью.
Базар — средь графической черни древесных
Стволов...
И лавчонкам, и людям так тесно!

Зелёные крабы, бутылки, трава и...
Их сговор от серого неба спасает,
От скучного зимнего освещения,
Прилавки, зелёной укрытые тенью.

Базар! Он воистину раблезианский:
Деревья — все в каплях,
И в радужных красках
Разбросаны отблески яблочек райских
В три цвета, на ветках блестящих и гнутых.

Две важных, парадных сороки клюют их.
Дроздишка на деревце слёту садится,
За ним и ворона (огромная птица —
И кажется, ветке пора подломиться).
Сороки слетели. Ворона осталась.
А солнце сквозь капли вовсю разблесталось.
И бежевы стены...

И ты несомненно
Реален, не меньше, чем вся эта сцена,
Где рыбы блестят, как жестянки. А мята...

.....

Ты сквозь объектив всё протащишь куда-то,
Базар за собой уведёшь ты, как будто
Флейтист...

А тебя кто-то в ту же минуту
Куда — сам не знаешь, но определённо
Тебя и базар, и дрозда, и ворону
Увёл точно так же куда-то... И это...
Умножит твои появления где-то:
Во встречном окне, под кистями рассвета,
Хоть в небе, или у кого-то на фото
По той по неважной причине, что кто-то
Снимал просто так, не прицелясь, куда-то,
И ты вдруг забрался, как некий «нон грата»,
С базара на матрицу аппарата,
Случайно став бликом чьего-то прихвата,
И вдруг объявляешься где-то когда-то

(Чужей Ланцелота или Писистрата)
Нежданно, негаданно, замысловато.
И тут уж не важны ни возраст, ни дата...

Так мы остаёмся в чужих аппаратах,
Так мы отражаемся в чьих то глазах —
 в сорочьих, в собачьих,
И кто-то куда-то
Уносит часть памяти... Чья она? Чья-то,
Наслаиваясь, как на асфальте заплате,
Безвестно, незримо — но ты отпечатан
На стенках и в двориках, и в площадях...

25 декабря 2011

Кустов задумчивые морды
Молчат без музыки ручья,
И вечность топает так гордо
В банальность лестницы стуча...
И снег, и свет, и тень — всё близко.
И в удвоенье от воды —
Огней осинового листья.
Им право, не до ерунды —
Всей злобной осени тревожность,
Всех бед и всей удачи ложность,
Весенних отношений сложность
Отменяет зимние сады!

В кафе заходим в тёплых тряпках,
Небрежно отряхнув снежок,

И манекены в лыжных шапках —
Взгляд из витрин наискосок —
Всё на местах!
Вот так и нам бы,
Скрутывая острые углы...
(Боязнь четырехстопных ямбов
Проходит...)
Парк включает лампы —
В ледовых панцирях стволы

Спокойствие существования —
В замену ветров и дождей.
Банальность? Ну и дьявол с ней!
Зима отменит — знай заранее —
Обычность личности твоей,
Банальность Пушкина и Блока,
И одинаковость листвы...
Банален?
«Да! Иначе только —
Не так, как вы. Не так, как вы!»..

Всё вертикально: свет и тени!
То в углях чёрных, то в огне
Дубы, как старые олени,
Грозят друг другу в тишине,
Заката взнузданное пламя
Под их рогами молча ждёт,
Ведь свет, разорванный стволами,
Размахивать плаща полами
Готов без усталости хоть год...

Кусты! У вас над головами
Жесть мёрзлых листьев, меж ветвями,
Вполне банальна? —
Но стволами
Стекает не смола, а лёд.

январь 2011

* * *

...Я читал рассказик краем глаза...
Вдруг судьба мне оказала милость:
Из рассказа выскочила фраза.
Отряхнулась — в строчку обратилась,
И пошла, разбойница, стихачить,
Так что даже музыка всплыла
Ниоткуда!
Ну а как — иначе?
Ведь у всякой птички два крыла!

январь 2011

МЕТАМОРФОЗЫ

(предвесенний цикл стихов ни о чём)

1.

По реке от тяжёлого замка к другому
Тополиный пух плывёт невесомо.
И река в двух шагах, и серые цапли в двух...
Но куда же он девается, этот пух?
Не доплывает же до самого океана!
И о нём забывают, напрочно забывают,
Как только смена освещения переходит в смену времён
Года...

Всё рывками.
Всё так неровно,
И кажется, акациям у ручья тоже пора...
Но главное:
Чем быстрее шастают
Ласточки в коровник,
Тем медленней подходят весенние вечера.

2.

Кусочки своего мира —
Наши стихи и картины другим мы дарим
Тем, что просто рисуем, пишем, или...
Вот ещё говорят: «нет подарка банальней роз!»
А нужен ли кому твой подарок,
Возьмёт ли его кто — не возьмёт?..
Вот об этом мы напрочь забыли,
А в этом и есть вопрос вопросов,—
Вот он гамлетовский вопрос!

3.

Во Франции вьющиеся розы не пахнут ничем,
Оттого что цветут весь год...
А осень чаще всего пахнет грибами,
И почти повсюду мандаринами пахнет зима, а вот
Питерская весна — корюшкой,
а корюшка огурцами!

Ну, разные подснежники — их запах весну зовёт,
даже если бесснежна была зима,

И приносят они
Предвесеннюю загадку молчанья,
А как только перед светом отползает тьма —
Сразу гиацинты
Запахнут нетерпеливостью ожидания.

У зимы не бывает такого пронизывающего света.
А этот — настаивает опять и опять,
Что при нём всем и каждому
есть, какого подарка ждать.
И вообще многого...
И не только от лета.

4.

Смещение масштабов в сумерках,
И особенно ночью:
Внизу по траве чуть приснеженной
Скачет, вроде бы, конь?
А ведь нет, фокстерьер, или даже болонка!
Укрупнённому миру не находится будто бы места
В вечернем нашествии тишины,
А на самом деле ему не находится времени,
И недаром в потёмках кажется тесно,
И сжаты квадраты окон на асфальте,
В жёлтые острые ромбы превращены.

5.

А с высоты времён — хотя и не свысока
Взглядами с этажей играют тающие облака,
И на фоне вечернего солнца

В крепостные стены превращаются
эти чернеющие пятиэтажки...
Солнце низко, и сзади.
И вот из кучек 12-этажных домов
Вырастают средневековые города:
Чёрными силуэтами заслоняют закат их квадратные
башни...

Только болтовня соседей на крылечке
Не станет оттого гарнизонной трепотнёй,
и не денется никуда...

23 февраля 2013

* * *

Я громоздил в голове города,
Не перемешав их и не перепутав,
Те, что видел несколько суток,
С теми, которые знал всегда...

Жаль одного — рисовать не умею —
Ведь аппарат не живые глаза,
Каждую улицу, площадь, аллею
Лучше уж словом пересказать...

Чтоб прикоснуться к тому, что помимо
Нас, что до нас, да и после нас,
Мы создаём гармонию мифов
О городах, где бывали не раз...

Эти приезды всегда проверка
Не столько того, что изменено,
Сколько проверка себя на верность
Тому, что в память занесено:

Что изменилось и что осталось
От ломаных линий с угла до угла,
Скосилась вывеска — экая малость —
Кривая взгляда иначе легла!

Вроде всё прежнее... Или иное?
Что-то не там, не так, не то,
Перемонтируется бывшее,
Ну, как знакомый в новом пальто.

Чего ты хочешь, куда тебя тянет?
Так убедись в реальности стен,
И что цвета их чуть глуше в тумане,
Или в придуманности перемен...

Мелочи памяти не помеха,
Но свежему взгляду они — враги.
Теньями домов перекрещены эха,
Дальняя музыка чертит круги...

12 октября 2012

Пёстрые на горизонте
Судьбы?
Да нет, паруса...
Жадные взгляды...
— Не троньте!
Чёлка. Над чёлкой оса...

Шлёпанье волн под Тулоном.
В соснах и скалах — закат.
Солнечной злостью спалённый,
В прошлом — недавно! — зелёный
Лес, что по склонам и над.
...Плещет на плечи закат.
В дырку закатную вдетый
Высоковольтный кусок.
Чайки горланят: «Ну где ты?»
Волны ласкают песок...

Там — горизонт или остров?
(Несоразмерность строки!)
Старого сейнера остов
В русле безводной реки.
Прошлое слито с грядущим.
(Нет ни того, ни сего!)

Катятся круглые тучи
По головам островов.

Словно спина крокодила
На горизонте пустом
Слабость — слоями — и сила,
Слой (или пласт над пластом) —
Эти обрывы над морем
Жёлтые, серые, на...
Врезана глупым мотором
Тонет в воде тишина.

Всё это пляшет и плещет,
Всё это — мне или вам?..
Что там такое обещано?
...Плюхнув волною на плечи нам,
Катер уйдёт к островам.
Жадные взгляды...
— Не троньте!
Сдутая ветром оса...

Пёстрые на горизонте
Снуют паруса...

2002, Cavalière

ПЕРЕД-РАССВЕТНЫЙ ПОЕЗД

Звёзды в складках воздуха скрываются незаметно,
Среди расцветающих пушечных облаков,
Проявляются контуры утра так предрассветно,

Что верхушки дубов сливаются с зыбкими узорами облачных
рваных боков.

Скалы, деревья, лужайки... Смена ночных картин на утренние —
Особенный театр: нет занавеса — чистая перемена,
Осветители даже не гасят свет,
И поэтому задник не плоский.
Что декорации меняются, ты видишь обыкновенно,
Но не замечаешь калейдоскопической смены лет!

У времени есть виражи — да из вагона не видно —
И никакой тревоги,
Обычные повороты дороги бросаются в глаза,
Только струится себе, и струится поезд членистоногий,
Время от времени помимо твоей воли включающий тормоза.

Но сколько ни тормози, обратный путь не начнётся,
Нам доступно любое «туда»,
А вот «оттуда» — более зыбко, чем плавные метаморфозы
облачков,

Этот самовозникающий театр всё равно ведь таков,
Что зрители как проехали, так исчезли,
А декорация, хоть и с вариациями, — но остаётся...

9 сентября 2012

*** * ***

Озеро в лесу. Два островка. На один можно — вброд.
Грибов — несчитано, а корзинки нету...

У палатки собака. Чёрный нос пофыркивает, зевает рот.
И мне и ей неинтересно, потому что картинку эту
Я ни на грош не выдумал.
Даже ржавая жаровня,
Которую долго надо раздувать, чтобы шашлыки
Изжарились наконец,— и она, безусловно
Существует. Поэтому я и не понял,
Что тут-то и затерялся намёк на стишки.

Я сидел у палатки, что-то переводил. Сначала
И вправду переводил, но вдруг — в сторону понеслось,
Потому что ёлка, которая перед носом торчала,
Проткнула чужие строки, как шашлыки, насквозь.
Эта ёлка заслонила островок с грибами,
Разделила озеро — отраженьем — на два,
И собака под локоть толкала, и какая-то птица рябая
Нагло у неё перед носом прохаживалась туда-сюда.
Всё это отвлекало — и прочно
Оттесняло перевод, зачёркивало к нему интерес,
Всё это ломилось в ненаписанные строчки,
Требуя, чтоб я — без корзинки! — шёл за стихами. В лес.
Бургундия, озеро Сеттон, 2004

Тут вливается Сена
в очень мелкое море.
Деревянная церковь
в рыбацком Онфлёре.

Но — не своды, а рёбра
корабля кверху килем.
Рыбаков потонувших
не они ль отмолили?

1996

ДВЕСТИ ЛЕТ СПУСТЯ

*В дюнах Вандеи я как-то нашёл бутылку
из-под местного вина с датой: 1792 год.*

1. Август 1792

Стол на песке у океана.
Закат зализывает раны,
Ночь надевает домино...
Маркиза, разве Вам не странно —
Стол на песке у океана,
И кони фыркают на пьяных,
А за спиной совсем темно?

(Изнанка устрицы бела,
Как перламутровые скалы,
Как недопитые бокалы
На хрусткой белизне стола.)

Тут все пьяны.
Я — не колдун,
Не ведьма — Вы...
Мы ж с Вами... Вот мы!
Светает устричная отмель
За титьками песчаных дюн.
Маркиза, встаньте с барабана:

Супруг Ваш дрыхнет, как бревно.
Маркиза, Вам ведь всё равно...
А после выпьем за шуана
То, распоследнее вино.

август 1992

2. Август 1992

Вандеи белое вино.
Песчаный берег океана.
Умолкшим эхом барабана
Тут время отягощено.

Тут — в травы на спину свалиться,
Вглядеться в облачные лица
Сквозь эти чёрные кусты...
На рукавах летящих тучек
Мелькают белые кресты,
И — лилий всех белей и лучше —
Бегущих лошадей хвосты.

Вандеи белое вино.
Прибой. Копыта. Ветер. Скалы.
(Бутылка — как веретено
судьбы...)

Даль. Дым. Колокола.
И — недопитые бокалы
На хрусткой белизне стола.

Тут все смешались, всё смешалось:
Вандеи белые кресты
Струят пронзительную жалость.

И пусть мундиры, сёдла, рвань,
Герои, нищие, злодеи,
Знамён и кринолинов ткань,
Трёхцветки, лилии,
Путь в Бретань,
Любовь и пудренная пьянь
Смешались на песках Вандеи —
Сквозь два столетья не видны
В траве зелёные бутылки,
Но чёрных водорослей ухмылки
По берегу развезены.
Роса и кровь давным-давно
Ушли в песок... Одно осталось —
Пронзительное, словно жалость,
Вандеи белое вино.

1994

ОСЕНЬ В НОВОЙ АНГЛИИ

Эдику Штейну

Ты добра не ищи в тишине
За излучиной чёрной реки,
В неосвоенной, странной стране,
Где дрожат города-островки.

Пусть прибой громче боя часов,
Тише смертного мстящий туман
За индейскую душу лесов,
Как за бредбериевских марсиан.

Говорил ясновидец Эдгар,
Генри Торо — забытый пророк —
Как всемогущен зелёный пожар,
Как непрочен дощатый мирок,
Как бесспорна незыблемая власть
Мрачным эхом играющих сов,
Как душа не боится лесов,
Только если в лесах родилась...

И поныне туманом грозят
За гибель индейской души
Делавара болотистый ад
И Коннектикут серых вершин,

А в рассвет, до предела сгущён,

Тот туман обернется дождём,
Превратив облетающий клён
В медный призрак с орлиным пером...

1979 — 1991

ПЕСЕНКА

Лене

Довези до Парижа
Этих ракушек пустяк:
Приглушённые прежде —
Возле уха шелестят,
И виденьем прозрачным
Вдруг проступят на стене
Две соломинки-мачты,

Заточённые в окне.

Довези до Парижа
Привкус моря на локтях —
Волны снова оближут,
В камни пеной колотя,
И в бутылке зелёной
Повернутся на столе
Виноградные склоны,
Заточённые в стекле.
Лигурийские скалы —
Привкус неба на душе.
Притворись, что искала
То, что найдено уже...

Vernazza — Париж, 1992

ОДА ПЁСТРОМУ ПЕТУХУ
(или Размышления на берегу Дордони)

...Вот с неба свалилась строка мне —
О чём бы? (К наитьям я глух!)

«...В сарае из жёлтого камня
Живёт окситанский петух».

Он жёлтый, зелёный и красный —
Пестрей и других петухов,
И давних сражений напрасных,
И разных прошедших веков!
Блестят его перья, которые
Пестрей королей и царей,

Пестрей европейской истории
И южных базаров пестрей.

...Негоже с кувшинным — в калашный?
Но может быть тут, между рек,
В том доме с кубической башней
Живёт и осьмнадцатый век?
А глупый Людовик в Версале
Живёт и не думает чтоб,
Не дай бог бы, не услышали,
Что «после него — хоть потоп»...

В Дордони же — точно ни слова
«О победе при Фонтенуа».
Заткнули «фонтэн» (из Пруткова) —
И вот от хвастливого слова
Осталось «уа» и «нуа»: ¹²
(Да, гуси действительно бродят,
Ореки действительно жрут,
Прохожих действительно щиплют
И не за «кюлот» — за штаны!)

Следят друг за другом спокойно
(Уж так распестрились века!)
Два замка с холмов над рекой, но
Их и разделяет река:
В одном англичане засели —
Герои Столетней войны,
Французы — в другом (без веселий:
На что им соседи нужны?)

Столетия смешались однако!
А было ль? И так ли давно?
(«Ах, как это было давно»):
Однажды ядро из Бейнака
Влетело во двор Кастельно...
Не нюхал ни пороха, ни пуль ты?
Но быть тебе битым как раз
Бульжником с той катапульты
Что всё же — по выстрелу в час.

.....
Но вечно ворчат, пробегая,
Две быстрые, мощные реч...
Ворчлива и та, и другая:
В глухом чернолесье плутая,
Живёт окситанская речь.
В величье лесного молчанья
На этих предвечных холмах
Французы тут и англичане
Не в замках живут, а в домах.

Людовика нет и в помине,
Тем более, Столетней войны,
Они подорвались на mine
Времён...
И давно не нужны:
(Все — временные, все — не нужны...)

Ведь короток век тополей, и
Слетают столетья, как пух —

Зато всех событий прочней, и —
Всех замков и всех королей, и
Как герб озаряя аллеи,
Тут шляется пёстрый петух —
Воистину вечный петух!

18 мая 2009

Пешком по лесу — на скорости хоть до нашей эры,
Хоть восемнадцатого века:
Вот и кажется огромным этот квадрат,
В котором поместились три деревни
Ручей, бегущий в невидимую реку,
Да пара церквей...
И тишину усиливают то
Голоса лягушек, то звоны цикад.

Как в лесу уместилась в какие-то три часа
Бесконечность разных пейзажей?
На таком-то малом пространстве?
Где шаги предлагают много больше картин, чем конь или
велосипед?
А уж если глядишь с самолёта взлетающего — то странно даже:
Точка «А», точка «Б», а между ними и вовсе ничего нет!

Так, вместился бал Воланда
В ювелиршину пятикомнатную квартиру...
Банально, что истинное пространство
Только пешему человеку дано,
Что полёт проделывает во времени

Вовсе ненужную дырку:
Точка А, точка Б...
Что и где?... Да не всё ли равно?

А за лесом осёл заорал... До чего ж непохоже
На эхо, взрывающее над лётным полем,
Кроликов аэродромных страша...
И то, что было лесным пейзажем,
Что раскидывалось так не спеша,
Превращается на глазах в лоскуток шагреновой кожи...
2 июня 2012

С ДРУГОГО БЕРЕГА

Опрокинуты в реке бока холмов,
Перекрытых отраженьями домов,

А над ними — колыханье миража:
Вертикальная деревня Рогажак.

Тут над берегом скалистая стена —
И деревня на стене размещена.

Все деревни как деревни — на земле.
Ну а эта — вверх зигзагом по скале:

Отведён для каждой улицы этаж,
И церквуха — в стену вlepенный мираж,

Все деревни, как деревни — берега...
Ну, а этой бог с чего-то дал рога...

Над скалой дубов ветвистых полоса,
И торчат они, бодают небеса.

Кто совет практичный дать сумел бы нам —
Как бродить по вертикальным деревьям?

Тут из жёлтого песчаника дома,
Как на узких полках толстые тома,

Корешки и окна-буковки молчат.
Но по книжным полкам бродит праздный взгляд...

Что ж, возьми да и раскрой случайный том,
Но пойми, что ты зашёл в случайный дом:

Вот звучит горизонтальная строка.
Вон течёт горизонтальная река.

Чтобы вдруг не закружилась голова,
Изрекай горизонтальные слова,

Попытайся хоть понять, что ты — другой,
И в подобные деревни — ни ногой!

Для тебя ли те старинные тома?
Не тебе входить в те странные дома,

Не тебе дано зигзагом — ввысь, туда!
И дубы тебя, беднягу, забода...

ЗЕЛЁНЫЕ СТИХИ

В зелёном, весёлом покое,
Когда бы не громкая птица —
Шуршанье покоя — такое,
С которым и сон не сравнится,
Когда бы не громкая птица
Над спрятанной в чаще рекою.

...И заросли влазят по склонам,
Не зная, что значит топор,
И сонные мальвы в зелёном
Висят над приречной тропой,
Могучая зелень покоя —
Над ней даже солнце — зелён...
И зёлена пена левкоев,
И тень под твоею рукою...
Камланье лягушек такое...
В кувшинках — зелёновый звон!

А если и выторчит сонный
Репейник, сердит и лилов,
То медленно ветер зелёный
Всплывает из трав и стволов,
Смеясь, покружит над толпою
Зелёных серьёзных шмелей и —
Туда, где бредут с водопою
Зелёные козы, белея.

В зелёном покое платана
Так весела музыка сфер,
Что «Вечный покой» Левитана
Тут был бы и мрачен, и сер.
В зелёных разгулах бурьяна
Тут нету богов, кроме Пана,
(Нет больше богов, кроме Пана!).
И эти два синих пруда,
Покрытые ряской зелёной —
Глаза его — весело сонны:
Смотреть не хотят никуда...

2006

В ГЛУШИ (Чёрный Перигор)

Далеко от Парижа и от блеска Прованса —
Речка. Рощи орешника. Пусто кругом....

А над светлой Луарой дворцы Ренессанса
Вырастают стремительно — гриб за грибом!
На Европу свалился смурной хитроватый
Тот пролог перемен — тот шестнадцатый век
И поэтами, и чудесами богатый,
Сумасшествием войн и разливами рек.

От ножей и от ложек весёлого звона
Трясса пышный Шамбор:
На бескрайнем столе —
Пир горой! Трое суток смеются бессонно
Два Франциска:

Король и шутник мэтр Рабле!
Над размахом Луары дворцы Ренессанса
Так, шутя, вырастают — как гриб за грибом,..

А вот здешней глуши и топор не касался,
Было всё как сегодня, пустынно кругом:
Холм. На нём — стратегическая нелепость —
Разве только строители объяснить бы смогли,
Как в шестнадцатом веке тут выросла крепость,
Распоследняя крепость Французской земли?!
Ну, и кто с кем сражался? Какой обороны
Здесь потребовал, или охраны какой,
Известняк этих стен, где одни лишь вороны
Так ревниво следят, чтоб роскошный покой
Трав, кустов и деревьев никто не нарушил,
Где багульник глухой, да шиповник цветёт...

...

Может, селятся чьи-то бездомные души
В этом богом забытом краю, где-то под
Известковой стеной, по верхам раскрошённой,
На безвестных холмах, словом чёрт знает где,
И не войском, а парой кафе осаждённой —
Слышен звон не мечей, алебард и тэдэ —
Вроде, вилки с ножами звенят деловито?
Или эхо — вперёд на полтысячи лет?
Где-то что-то разбито, а что-то забыто,
Время в травах затеряно... Ну и — привет!,
Ведь, в начале звенящего зеленью лета —
Тут не вилки звучат, а сама тишина...

И поныне над речкой, в молчанье рассвета
Только фыркающая лошадь, как эхо, слышна...

2 июня 2012

* * *

Мишурные брызги —
Речные подарки —
Вихрятся в мальчишеском беге байдарки!
Весло — продолжение руки, продолжение
Реки... Ну, короче, причина движенья...
Попробуй-ка, так различи набегу
Стога ли, коровы ли, там на берегу?

Но речка замедлится в беге счастливом,
Но речка

Окончится неторопливым заливом —
Где жаворонков оттесняют туманы,
Где жаворонков заменяют бакланы,
Где сейнеры вдоль деревянного мола
Качаются, готовые сняться с прикола...
И возле гранитной узорной церквушки
Наставят гортензии синие, ушки,
Холщёвое небо одарят в достатке
Густой синевой...

(Ну, а цвета остатки
И морю достанутся — прямо от устья
Речонки —

И щедро: малярною кистью...)

Из кружки (из бухточки) пена прибоя —
Рыбаку обещает что-то хмельное...

Но — бряканье цепи. Но — скрип якорей.
Последняя кружка?
Он помнит о ней...

А краски бледнеют. И синее тоже,
Белея, иссякнуть под тучами может...
Вот — море и небо утратили цвет —
И нет рыбаков,
И сейнеров нет.
Отлив.
Скалы голы.
Залив — по колени...

А стих не подвержен такой перемене.

2006

НАЧАЛО

1.

И тонут ненадёжные века
В реке... А эта быстрая река
Так убегает, что и за минуту
Всё на глазах меняется как будто:
Цвет черепичных крыш там в городке
И розовая лодка на реке,
И лес — столетий одряхлелый страж...

Мгновенно изменяется пейзаж
(Так Клод Моне — другой и тот же самый:
Вот — две картины — с перерывом в час
На том же месте...)

Облетая нас,
Кружатся жёлтые мгновенья эти,
И желтизной уже пестрят века,
Сползая по теченью,
А река
Вся — как дымок из трубки на рассвете:
Пастух Тройона закурил в седле... И
Не слышно ни вблизи, ни далеко...
Ни ржання, ни мычання. Лес — светлее.
А под холмом упрятан Грот Ласко¹³...

2.

Нет, рассказать не смогут сосны эти
О бесконечности тысячелетий —
Им, молодым деревьям, не дано
Уменье корнем — в прошлое...
Оно
Древней реки, да и холма...

Случайно
От глаз укрыт, — ведь так неглубоко —
Грот... Он давно ни для кого не тайна —
Недлинный, стометровый грот Ласко.
А в нём быки бредут, олени скачут...

Тут был художник.
Был художник!
Значит —
Он должен был остановить мгновенья

Загадкой неподвижного движения
Бегущих лошадей, быков, оленей...

Но краски жухнут там, где правит цель,
Искусству отдышаться не даёт:
Там дух и мысль — как срубленная ель,
Как призраки людей из царства тénей...

Вот кисть. Попробуй!
Пусть хоть каждый год
Желтей и непрозрачней лак... Да, скоро,
Но всё-таки не в миг, и не одна
В свои права вступает желтизна!
Да, краски жухнут, близят час, в который
Листву всех ясеневых коридоров
Покроет этот жухлый тёмный лак...

А в глубине, в пещере — всё не так!
Да, охра... Только где же осень тут?
И кони скачут, и быки бредут...
Далёкий предок всё изрисовал...
На празднике всеобщего раскраса...
Ни потолка, ни стен не забывал...
Так вот, ему бы — встретиться с Пикассо!

Ведь в Гернику пришёл тот самый бык,
Зверь из доисторической пещеры,
Ну, пусть он синий, а не красно-серый,
Но так же страшен, и велик, и дик!

Художник тут остановил мгновенье
(Ему и Мефистофель ни к чему!),
Бык, лошадь с разной скоростью движенья
Бегут в тысячелетях потому,
Что здесь не властны цель, идея, касса —
Художник рисовал ни для чего!

И потому он встретится с Пикассо!
Который тут же спросит у него,
Как лучше останавливать мгновение...

И сквозь тысячелетия разговор
Отбросит враз все тотемы, весь вздор
Любого пожелтенья и старенья!
Такой же мастер он, как тот в Ласко!
А сговориться мастерам легко:

Есть первый штрих тех крепких бычьих шей.
Нет Прошлого.
Есть ноги лошадей.
Под ними кремня мелкого развал...
Картина — та же. Лошадь так же скачет
В тогда, когда её он рисовал.
Удача называнья — есть удача
Слить истинное имя для веков
Из тысячи случайных лепестков...

Тут места на стене совсем немного,
Но бык есть бык. И лошадь — просто лошадь —
Не магия охотничьей удачи,

Не образ тотемического бога.
Всё это проще и совсем иначе:

Вот бык себе бредёт, и лошадь скачет...

15 марта 2011

РЕКА ВРЕМЁН¹⁴

Увы, где прошлогодний снег?

Франсуа Вийон

Уж так устроен мир — не отмотать столетья.
Обратно в облака тот прошлогодний снег
Не всыпать. И рубец не лечат той же плетью.
И сколько ни шагай против течения рек,
А не отыщешь... Прав был некий древний грек!

Но кто нам объяснит теперь, что время — странно?
Что каждому лицу найдётся антипод:
Во встречных зеркалах Лукреция — и Жанна.
А кто из них есть кто, сам чёрт не разберёт —
Как мысль невнятная, Река Времён туманна,
В любой излучине — событий разворот:
Звенит калейдоскоп по берегам Луары,
То светлых башен лес, то из деревьев лес,
Скользит квадратом тень от паруса габары
По отражению бесцветных, низких, старых
Не южных, но ведь и — не северных — небес...

А между тем вся медь с каштанов облетела
На кучку злых руин, не ждущих перемен,
В Шинон, где восковым фигурам надоело:
Когда же, наконец, — штурм орлеанских стен?

Анжер высокой неприступностью морочит
Мушкетов, алебард и пушек кутерьму,
Он — толстых башен строй, он связкой чёрных бочек
Шестьсот весёлых лет топочет по холму.

Вот быстрый узкий Шер затерян в низкой чаше,
Парк Шенонсо зарос (тут фея — ни при чём!),
Дворец шести принцесс (не говоря о спящей)
Взлетает над рекой, цветами и мостом.

В аркадах шум воды, и рваными кругами
Пороги пенятся, играя с берегами.
Так гулкость галерей резвится на мосту,
Что ветер, суетясь и цветники ругая,
С платанов сдув листву, взлетает в пустоту:

А в небе — Амбуаз, и над водой так низко,
Вдруг тучку пронесёт, в расстеленном огне:
Мелькнёт закатом тень летящего Франциска
На сером в облаках (и в яблоках) коне.
И контур островка вдруг исказит бескровный
Над жёлтой над водой слегка скользнувший свет,
Минуя холм крутой с возвышенной часовней,
Где Леонардо... (Впрочем, может быть, и нет?)

Запутался в кустах и в мелколесье вздора,
На отмелях шурша, столетий мутный вал,
И в глубине лесов, где ноет мандрагора,
Вдруг — шахматный паркет гранёного Шамбора,

Вертлявых башенок бессонный карнавал.

В прозрачной вышине — аркады и колонны.
Над жёлтой крутизной взлетающий Блуа —
И шпилей тонкий взлёт, и первый взлёт Вийона,
И где-то хлопанье крыл спугнутой вороны,
И рифмой ко всему — король Гаргантюа.

.....
Безвестный кабачок на склоне пожелтелом,
Где римский акведук над старицей висит —
Тут подают всегда к столу речную мелочь,
Зажаренную так, что на зубах хрустит...

8-10 декабря 2005

ЁЛКА НА ПЛЯЖЕ

...Ну а если опять пересечь Бретань и на Ламанш вернуться,
Миновать меловые скалы Дьепа

с вертикальными чёрточками яхтных мачт... Или
Всё идти да идти, огибая залив — песчаное блюдо,
И вдруг наткнуться
На разукрашенную ёлку над бескрайным пляжем в Довиле!

Беззвучно позвякивает под ветром серебряная канитель.
(Самое важное, чтобы её тут на берегу, а не в комнате видели),
А шпиль церквушки — подобье стеклянной игрушки
чёрной графикой на небе выделен,
И уступы колокольни пирамидальны, как эта нелепая ель.

Вот потому и строки строятся из неожиданностей,
как внезапное головокруженье,

Или — если вдруг плющом покроется ржавеющий водосток...
Только всё неуместное ставит на место воображение
И выстраивает стихотворенье,
А то, что «положено» — просто пустой бумажный листок

1 марта 2011

* * *

Plage de la Palue

Синее-белое-жёлтое,
Море-пена-песок,
А над склоном опять синь шёлковая,
Срезана наискосок,

Два облачка в ней горбами,
Их колышет снизу трава,
Будто ищет глубинную память,
А находит только слова.

Может в жёлтом песке поищем?
Ведь что-то в него ушло?
Но песок, бесплодный и нищий,—
Только мокро и тяжело...

В лёгкой пене искать не стоит:
Чуть волна набежит на скалы —
И вместе с пеной растает
Всё, что туда попало,

Остаётся пошарить в море,
Под пронизывающий свет,

Только там, где он угасает,
Есть глубины, а памяти нет...

27 сентября 2012

ЛОКРОНАН
(Финистер, западная Бретань)

Городок двухэтажный гранитный,
И гранитный тяжёлый собор...
Монотонным кубическим ритмам
Подчиняется каждый забор,
Каждый дом из камней тёмно-серых
С амбразурами окон в стене
На соседний похож и размером,
И гортензией в каждом окне...

Будто кто-то сложил этот город
Тут, из кубиков, в день или в два,
Взгромоздил так немыслимо скоро,
Что за ним не успела трава,
Что четыреста лет в самом деле
Для строителя в час или миг
Стайкой чёрных ворон пролетели
Над камнями кривых мостовых,
Вдоль десятка тех улиц мощёных,
И обкаркав с обоих боков
Ерунду сувенирных лавчонок
И придавленный свет кабачков.

По всему невнимательным глазом
Ты скользнёшь и уйдёшь?..

Что ж с того:
Этот город запомнится разом,
Не отделаешься от него.
Память всю о граните и вздоре
Вновь уносишь, не ведая сам,
Что клочки твоей личной истории
Прилипают к гранитным домам.

2 июля 2012

БРЕТАНЬ, ЗАЛИВ ДУАРНОНЭ¹⁵

Тени чаек проползают как-то криво,
А совсем не пролетают над песком.
Двое тут на белых досках — средь залива:
И один из них с байдарочным веслом,
А другой, как гондольер, гребёт лениво,
Словно к столбикам причала за углом.

Только нет ведь ни причала, ни канала.
И куда там направляется доска?...
Здесь повсюду — бесконечное начало,
А конца и не предвидится пока...
Только где-то с морем слиты облака.

Есть потребность облаков в пустом пространстве,
И неважно, Одиссей ты или Кук,—
Ибо всякому нужны пределы странствий,
Точка отдыха для взгляда и для рук!

Хоть смотри из Коктебеля в волны Понта,
Хоть с моста у Сан-Франциско — так сильна

Непонятная потребность горизонта,
А бескрайность почему-то не нужна...

2 июля 2012г.

Па-де-Кале

Не мыс, а скорей полуостров,
Бегущая в воду земля,
На отмели — брошенный остов
Крошащегося корабля...

Он полуутоплен в Ламанше,
Забитый песком ненасыт...
И чайка над ржавчиной машет,
И что-то по ветру кричит.

Её бесконечные взвизги
Твердят над примолкшей волной,
Что это не судно, а призрак
Судьбы лицемерно-стальной:

Эсминец, обшивки лишённый,
Страшней, чем разрушенный дом,
Чем остов сгоревшей машины,
Что тоже молчит ни о чём —

А тут... Проржавелая память —
Про то, что давно... далеко...
Моря раздвигал он боками,
Как в древние годы — «Арго»...

Паллада тогда наказала
Язона, и вот отчего
Тяжёлая память упала
С подгнившей кормы на него.

И чайке, наверное, ясно,
Над чем она там ни кружись,
Что не для неё, так для нас-то
Синонимы — память и жизнь..

А это вот ржавое что-то
Напомнить пытается нам,
Что море есть суть поворота
К невнятному «дальше, чем там»,
Что вечно плывущая память
Подобна путям кораблей:
Не зря нас упорно к ним тянет,
Как к собственной жизни своей,

И ржавому остову ясно,
И пене, взлетающей ввысь,
Что пусть не для них, но для нас-то
Синонимы — память и жизнь.

13 июля 2011

ПЕТУШИНАЯ СОНАТА...

Год не слышал я петухов
(Париж таков и век таков —
Мир полон самых разных спектров,

Плевать, кто contra и кто pro!)
...Вдруг в полдень — в чьём-то там дворе —
Невидимое «Кукаре...»
И в двух минутах от метро,
От гулких пробочных проспектов —
В сто раз он более петух,
Чем те, в курятниках, на месте,
Где наш простой, привычный слух
И не отметил бы, что есть он!

А тут представилось, как вдруг
Он сотрясёт Париж: а впро-
чем в двух минутах от метро,
Где шинный шум мозги крошит,
Где медленно ряды машин
Прут, как фаланги Александра...
И полдень всё же, не рассвет,
И видится любой предмет,
Которому тут места нет —
Как в жёлтых листьях первоцвет,
Как среди ёлок олеандры!

Тот крик напомним нам одно...
А что конкретно — всё равно.
Но только каждого своё
К тропинкам выведет различным,
И всех других житьё-бытьё
Нам вдруг предстанет непривычным...

Дурацкий петушиный крик —
«Кукареку!» — в толпе предместий —

Значителен... да нет — велик
Лишь тем одним, что неуместен,
Что в двух минутах пеших он
От грохота метро!
Такой старинный пошехон
Из давней деревенской дали.

...Вот-вот забрякает ведро,
Акомпанируя ему,
А дальше ждёшь услышать «МУУУ!»

Но этого уж нам не дали...

8—11 июля 2011

Марку Альтшуллеру

Не страшно выглядеть старым,
Ну, подумаешь, грива белее...
Но потомку пиратов и гусаров —
С тростью гулять по аллее?!

Не раз тут помянешь известную мать,
Бормоча недовольное «Ах ты...!»
Как же эту дурацкую палку сжимать
В руке вместо румпеля яхты?

И всё же я жизнью доволен вполне:
Как никому повезло —
Ведь сегодня ещё остаётся мне
Байдарочное весло!

Веселится Дордонь в крутых берегах —
Встречной веткой шапчонку ссади...
(Но не надо о велосипедных путях
И о тысяче вёрст позади...)

От Балтики к Чёрному — и не раз —
Оставлял я невидимый след...
А теперь — никуда — хоть крути битый час
Мой комнатный велосипед.

И с него, хоть лопни, — а не разглядеть
Над степями рассветный лак.
Что ж, в соседнем лесу на скамейке сидеть,
И...
О чём я?...
Ах, да: ну как

Наблюдать сентябрьской листвы карнавал,
Да следить за вознёю птиц
Тому, кто совсем не последним бывал
В джигитовках донских станиц?
Ржали кони, шальной коростель скрипел,
И кругом серебрился ковыль!
(Там сегодня до самых калмыцких степей
От комбайнов — жёлтая душная пыль...)

Конский запах во сне — опять и опять
Ну, так скажете — повезло?
Да, хоть радостно сколько хочешь писать,
Только кресло ведь — не седло...

Пусть архангел терзает несчастную медь
Пусть без усталости дует в трубу,
Только что он сумеет тому нагудеть,
Кто не верует даже в судьбу!

Эта блядь не дала мне сидеть на коне
(Чтобы Киплинга переводил?),
И теперь помогает так весело мне,
Как Слоно́нку помог Крокодил.

2011

ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС

Рождество в Шартрском соборе

Ты привык, забравшись внутрь шкатулки,
Свет витражный видеть среди мглы,
Где слова уже давно не гулки,
И темны колонные стволы.
Под сплетеньем каменных подкрылий
Столько поколений тут прошло...
Закоптили, вусмерть замолили
Всех витражей звонкое стекло!
И в колоннах, и со сводом вровень
По нервюрам затаилась мгла...
Но не только шёпот суесловий,
Даже копоть к небу не дошла!

Так прошли века, года умчались
В темноту готических сплетений...
Только вдруг столетья раскачались

И в Реке Времён отрылись броды:
Засверкали стрельчатые своды
В закоулки загоня тени!

Гул органный вместо бормотанья
Прямо в небо музыку несёт!
Лазерное синее сверканье —
Метр за метром очищает свод!

Он тысячелетьем нам обещан
Этот благородный белый камень,
От старинной копоти очищен,
От молитв и прочих бормотаний...
Нам теперь перекликаться с теми,
Кто увидел новыми и белыми
Канелюры стрельчатых сплетений,
А витражи — яркими и целыми.
Так смотри глазами тех, кто строил
До тебя тут лет за девятьсот:
Белое, прозрачное, сквозное
Поднимает праздничность под свод.

С тягою земною в вечном споре
Аркбутаны гнутся кружевно...
И вертеп рождественский в соборе
Тот же самый, что давным-давно:
В нём под сенью камышовой крыши —
Люлька, празднично накрытый стол...
Вол смеётся, в четверть уха слыша,
Как болтает с лошадью осёл.

За дощатой дверью ветер веет
И сгоняет снег со щёк земли...
Если звери говорить умеют —
Значит их из сказок привели!
Гул органный вместо бормотанья
Речи их до неба донесёт...

Праздничное синее сверканье —
Шаг за шагом очищает свод.

1 января 2012

ТРИ ОДЫ ЮГУ

*А далеко на севере, в Париже...
А. Пушкин, «Каменный гость»*

1.

Сколько же можно так, братцы?
Холод мешает заняться
Самой весёлой судьбой!
А значит — вырваться надо
Из городского уклада:
В левом ряду автострады
Вой моя ласточка, вой!

Так из парижского бара,
С тёмных бульваров Пизарро
В южную яркость базара
Были броски — как мазки:
Тёплая ночь обнимала
Мудрой вознёй карнавала —
А по дороге снимала
Свитер, штаны и носки...

Мягче воды и одежды
Гладящий плотный воздух,
А если луна разбудит
Спящих на крыше дома —
То кожу щекочит звёзды,
И уж не только рубашка,
Тут не нужна даже рифма,
Так всё пальцам знакомо!

Зиму утопим, подруга
Раблезианского юга,
Вечная замкнутость круга —
Тоже, заметь, — чепуха!
Есть лишь одно повторенье:
В жарком, возвратном движенье —
Пусть иногда — утомленье,
Но — ни беды, ни греха!

В соснах и волнах и лицах
Столько веселья хранится —
Что от дождливой страницы
Не остаётся ни строч...
Новым стихам отзовётся
Звёздное эхо колодца,
Ветром по коже начнётся
Новая южная ночь!

2.
Юг — это дальний и ближний
Праздник уличной жизни

Повсюду,— куда ни глянь:
Он дурака валяет,
Смеётся, но правду знает.
На улицу жизнь выставляет
Любая тьмутаракань:

На Привозе, меж луком и рыбой,
В кучах ругани и улыбок
Толчётся одесский люд.
Ростов в дурака играет,
Рядом на венском стуле
Пузатый арбуз восседает...
И семечки продают.

На улице венецианской
С улыбкой слегка хулиганской
Сидит стеклодув муранский —
Стеклянные птицы поют,

А между Марселем и Ниццей
Базаром глядят все страницы,
Горный лес над волной искрится —
Триумфатор в лавровом венке,
Всё — во власти всеильного Юга:
Хоть квадратуру круга
Решить, как это ни туго,
И выкинуть невдалеке!

Солнце — в воду, и сразу
Станет уютней глазу,

К чертям хоть строфу, хоть фразу
Право — не жаль ни строч...
И новым стихом отзовётся
Звёздное эхо колодца,
И ветром по коже начнётся
Звонкая южная ночь...

3.

Двадцать лет изловить труднее,
Чем двух тысяч лет ахиною,

Оглянись — и камни Помпеи
Крякнут и оживут,
Молний зигзаг железный
Молниеносно исчезнет,
Выключив рёв и гуд.

И в тихом расслышав Слово,
Вожмётся картина Брюллова,
В глуби самой себя:
Центр прогнётся из рамы,
Статуи встанут прямо,
И даже Гермес упрямый
Выпрямится, трубя...

Люди к домам вернутся,
Где цело каждое блюдо,
Каменные собаки
Подымут беспечный лай,
Сельской античной завалинкой —

Каменными скамьями,
Рассядутся с фигурами зрители:
Играй, арфистка, играй!

Зиму утопим, подруга,
В волне средиземного юга,
Порочная замкнутость круга —
Она не жизнь — чепуха!
Только в возвратном движении
Вечно влечёт повторенье:
Пусть иногда — утомленье,
Но — ни беды, ни греха!

2008

ИЗ ЦИКЛА «ПРОВАНС»

1.
Утреннее удивление —
Бесконечным кажется день и...
Но наступает вечер —
И удивляться нечему...

Дубы, разумеется, кривы
С ветвями, жарой оголёнными,
И что-то искрится сзади:
Серебристые листья оливы
Только в сумерках станут зелёными
Под небом, выцветшим за день...

Глаз без меры зелени просит:
И к закату — на полчаса

Вспыхнут на мачтах сосен
Зелёные паруса.

Кстати, тут строчки Гейне
Упраздняются сами собой:
Никто ни о ком не тоскует,
А пальма — рядом с сосной.

2.
Стоять и смотреть над морем —
Масштабы могут смещаться.
Бабочки птичьих размеров
На олеандры садятся,

Дуги мелких волн притворятся
Следами морских коньков,
И останутся капли от солнца
Шарами жёлтых буйков,

А корабли существуют
Только пока они в бухте,
Ведь тех что за горизонтом
И на свете вроде-то нет...
Ну где они там кочуют?
И твой резон ненадёжен:
Винтами воду встревожат,
С глаз долой — и привет!

Тут реальна — и то на мгновенье —
Верхушка яхтного паруса,

А всё прочее — есть оно, или?..
Неизвестно... Скорее — нет.
Мы-то, конечно, знаем,
Что все они только уплыли,
Но доказать не можем.
С глаз долой — и привет!

22 августа 2012

ПРОВАНСАЛЬСКАЯ БАЛЛАДА

Для плавных холмов Прованса
Тысяча лет — не время,
В травах остались стансы
Жонглёров и менестрелей.
Твердят берега и море
Неповторимые ритмы,
В неумолчном их разговоре
И рифмы, и строфы скрыты...

Удар волны завершала
Рифма — бесценная новость:
Она незаметно вязала
В узел струну и слово.
То ль из морского гула
Являлся звук её слабый,
То ли с Востока на мулах
Её завезли арабы.
И тут, на холмах Прованса,
Хранят её даже деревья,
Но открывают праздник
Не каждому, да и редко...

Когда закат заслоняли
Олеандры, полкруга заполнив,
Между цветами сверкали
Солнечные осколки,
В розовом и зелёном
Закат под нашей горою
Оказывался неизменно
Ёлочной мишурою...
А снизу тянулись древние
Каменные удавы —
С невыносимой ревностью
Бамбуковые удары...
Бамбук исхлёстывал ветры,
Сгонял их ниже по склонам,
Чтоб без помех до рассвета
Эхом билось в колоннах,
В скрипе кустов гуляло
Стократ отражённое слово.
В бывшем зелёно-алом,
А к вечеру в тёмно-лиловом
Мире — зрительном зале,
Куда нас чудом пустили —
Кулисы что-то скрывали
Безудержностью бугенвилей,
Буйной волной лианы
Лиловой... Одно я знаю:
Вся сцена с лиловым экраном
От глубины до края
Была пуста. Или это

Был театр невидимок,
Но шёл спектакль до рассвета,
Неслышный, неуследимый...

В ночи облачка белели.
Мимозы от тьмы устали.
И голоса менестрелей
Снизу не долетали.
А может, и долетали
Сюда, только мы с тобою
По глухоте принимали
Их за урчанье прибоя.
В его монотонном ритме
Мы так и не уловили,
Какие там рифмы скрыты
Кулисами бугенвильей...

Войти в прибой по колено —
И рифмами менестрелей
Под утро морская пена
Не сможет не поделиться,
И в облачках постепенно
Лютни, пальцы и лица
Явятся...

Полуостров Жиен, 2000

СОЗДАТЕЛЬ

Арику Вернеру

В Андалузии, на юге, в Аликанте,
В переулке, на углу, в подворотне

Разместился старый стекольщик,
Стеклодув виртуозный... А верней —
Никакой не стеклодув и не стекольщик,
А Создатель стеклянных зверей.

Он подхватывает очень странной трубкой
Разноцветный хаос палочек стеклянных
И над жёлто-синим пламенем спиртовки
Сотворяет на глазах у прохожих
Всех зверей, а иногда и человеков.

Я купил и лиловую собаку
С чёрно-белыми до полу ушами,
И лису оранжевого цвета,
И Диану с натянутым луком.

А теперь, когда я слышу: Аликанте,
Или пью вино «Аликанте»,
Я опять вспоминаю человека
В жёлтом плоском берете вроде нимба,
Восседавшего на облачной подушке,
Бытиё сотворявшего так просто,
Сотворявшего чистых и нечистых.
...В жёлтом плоском берете, вроде нимба...

между 1999 и 2001

Тяжёлый юг. Тяжёлое вино.
И терпкое, как плющ на белых стенах,
Что оплетает узкое окно,

Где чёрные решётки неизменны.
Взгляд с улицы на узкое окно —
И стёкол нет, но всё внутри черно.

Вот так же в кружку глиняную глянешь,
В ней цвет вина вовек не различить —
Пить наугад, или совсем не пить?
Пока со света в темноту устанешь
Глядеть в чужое узкое окно:
Кто в комнате? Увидеть не дано.

В тяжёлый полдень медного чекана
На берег ветер скатится густой —
Он не остудит йодистый настой,
И пальцами не шевельнут платаны,
Не проявится чёрное окно.

Тяжёлый юг. Тяжёлое вино.

1992

* * *

Август был самодержавен и ленив,
И сады его устали от корон,
Он просил осенней ржави и любви,
Разморённой горькой ивовой корой.
Жёлтый пляж глотал фламандские тела,
И дыхание заменяло разговор —
Ты рукой большой и мягкой мне дала
Переполненный закатом помидор...

1966

...И тогда затянуло узором окно,
А ведь было оно на всю гору одно!
И кругом никого,
И лесам нет конца —
Так не думать бы, не поднимая лица,
Ни о льдинках,
Звонящих в ручье и во сне,
Ни о той, не проложенной в чаще лыжне,
До высоких боров, сквозь осинную гниль...
За окном завивается снежная пыль,
И в бесцельном полёте отяжелев,
Оседает, от ветра отстав, на стекле.

Выйти, или поспать до начала пути?
Как бесцельную кладь
В никуда донести?
Но лыжня отсырела,
Рюкзак — дырявый,
И лениво
Белесый замирает узор
На стекле:
Узких пальмовых листьев — корявый,
И широких бананных...
И это — резон
Не в осинках, а в льдинках
Слышать смутную весть,
И в узоре на стёклах
Предсказанье прочесть.

.....

А под пальмой на столике
Ледяной лимонад,
И у тёплого озера
Ребятишки кричат.
Ты на солнце прищурилась издалека,
Опираясь на локоть,
Ладонь у виска...

Неназойливый,
Но бесконечно твердящий прибой:
Ну и чёрт с ней, с намокшей лыжной,
Ну и чёрт с ним, с тогдашним тобой!..

За спиной — ванты яхт,
Листья пялит банан,
Сухо, жарко. И ветер.
И потеет стакан.

Но о солнечных пятнах,
О льдинках, звенящих в стакане,
Рассказал мне мороз на стекле,
Там, в начале пути,
Чтоб бесцельную кладь,
Ту бездельную кладь
Вот сюда донести
Через сонные,
В сосны вплетённые
Блики в тумане.

1955, Пашозеро — 1993, озеро Анси

Бегают по лесу листья
С бурундуками
вперегонки,
Прыгают по лесу листья —
Словно и сами —
бурундуки.

Носится по лесу осень:
Листок гоняется
за листком,
Носится по лесу пёсик:
Каждый лист кажется
бурундуком.

2003

Какое множество зелёных склонов,
Какие жалкие домишки ниже...
Что горше черепицы и бетона
На скалах, полусерых, полурыжих?
Над ними вечное, как в книгах, небо.
Сравнить по вечности — ну, с Римом разве!
И облака так весело и немо
Ползут себе на свой альпийский праздник.

А Рим — он, к сожалению, за горами.
Тут только Франция. Точней — Пьемонт.
Щебёнчатые скалы в синей раме
Из облачка творят ненужный зонт...

А скалы — то готические шпили,
То наподобье девушек в причёсках¹⁶...
Лишь перевал да считанные мили
Отгородили Юг. Италию. Роскошь.

Мы были тут вчера.
В деревне горной
На ярус ярус, громоздясь, теснится —
И вся поездка показалась вздорной,
Пустою дневниковою страницей.

Перевал Баталья, Альпы, 1999

ПИРЕНЕЙСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

*Сквозь туман кремнистый путь блестит...
М. Лермонтов*

1.

И окна в туманах невнятны,
И свет рассеян неровно,
И выцветают пятна
Памяти неподробной,
И выцветают тучи
От серого, талого снега,
И выступают сучья.
На фоне жёлтого неба,
А кроме жёлтого света —
Ну что ещё есть на свете?
Не оторвать от ветра
Ивы чёрные плети,
От их свистящего гнева —
Марта вздорную сущность:

На фоне жёлтого неба
Кривые чёрные сучья.

2.

Беззаботно сбежишь с порога,
Ключ — в кусты, а тоску — в репейник.
И пускай поначалу дорога,
Чёрная, как кофейник —
И пускай, не успев начаться,
Громоздит она новые беды —
Лишь бы не возвращаться
По своему же следу.

3.

Овечьи склоны лукавы,
Смолою капает ель,
Остатки лавы, шуршащие травы —
Лучшая в мире постель!

Так может, и вправду хватит
Мелькания городов,
И лучше, как Гёте, в халате
Протирать диваны годов?
Но не на диваны мы сели —
На ведьмино помело —
И — пустыня...
И нет спасенья —
И от скорости скулы свело!

«В нынешнее не вживаясь,
Настоящего не оценив,

Тупо к будущему взываем,
Да из прошлого строим миф»¹⁷

...А на козьих копытцах кто-то,
Не сатир и не фавн —
Иной,
Всё дёргает за верёвку,
Подозрительно схожую со струной...

4.

Тут, где в титанов древние боги
Кидались обломками скал,
На кремнистой блестящей дороге
Я в потёмках что-то искал...

В мешке утаили шило —
Вот и колет теперь глаза...
Разворачивается лопнувшей шиной
Накатившаяся гроза.
И польёт монотонная влага
С перекошенных Пиреней!

...Когда стану лохматой дворнягой —
Не кидайте в меня камней!

1996

Между пеной и небом,
На светлом песке отлива —
Морские кони Камарга¹⁸,

Прибоя белые гривы.
На всех прокатиться бы разом,
На всех, низкорослых как волны,
На всех этих белых спинах —
Тебе на волнах качаться,
А мне бы в сёдлах старинных.
До Африки прокатиться
Отсюда, где дождик да чайки,
И может, поймёшь случайно,
Кто — конь, кто — морская птица!
До завтрашнего рассвета
Доплыть, доскользить, докатиться
Под белые минареты
Сверкающего Туниса!

Стих ветер. Исчезла пена.
И серые, вал за валом,
Другие приходят волны,
Качаются медленно волны,
Как спины слонов Ганнибала.
Приходят волны, уходят,
Песчинки дней сосчитают
И пересчитают снова —
И вовсе они не похожи
На серых слонов Ганнибала:
Они — из моря другого,
Того, где чёрные скалы
Толпятся, срезая пену
И брызги вбивая в стену.

А в общем, все рвутся в когда-то,
Где не были и не будут,
А в общем, все ищут сказку,
Конец которой забудут
Между пеной и небом,
На светлом песке отлива...

1994

РЕАЛИСТИЧНОЕ

Да не набат — колокольчики листьев дубовых,
Вслушайся в их предпоследнее, медное, слово.
Ветер, вертясь над боярскою спесью каштана,
Рвёт позолоту с его распашного кафтана.

Да и не кровь — каплют ягоды между кустами,
Праздные яблони голыми машут хвостами,
Черноголовых синиц хлопотня у кормушки,
Кот полосатый, на крик их наставивший ушки...

Да и не вечер ещё ведь: дождинок блестящие искры,
Вот и сороки под чёрным стволом, суетливы и быстры,
Прыгают в жёлто-зелёном над мокрой травой.
И не экран — а веранды стекло раздвижное.

Buges, Loiret, 1997

ЧЕРЕЗ СОРОК ЛЕТ...

Сова над лодкой снизилась и взмыла,
Оставя в воздухе пунктирный след —
Клок памяти о бытии ином...

В лесу бургундском через сорок лет
Сова мазнула по стеклу крылом,
Не зная, что со мной уже такое было.

И, вслед за пролетающей совой,
Сомкнулся тёмный лес над головой.
И выскочил (откуда взялся?) заяц
В свет фар, перед машиной расстилаясь,
Зад вскидывая, хвостиком дразня,
С асфальта в чащу даже не пытаясь...
Но я-то знал — свернуть ему нельзя!

Там призраком остаточного света,
Пробившимся сквозь сосен силуэты,
За озером заката головня...
В подлеске с лешими болтают лары,
И проникают, проникают фары
В глубь времени, в глубь леса, в глубь меня...

Нет бывшего — есть наслоенье лет,
Есть заяц, в темноте почти лиловый —
Есть!
Есть и будут совы, совы, совы...
Следы дождя. И предзакатный свет:
Нет прошлого — есть наслоенье лет!

И совы есть! И заяц тоже есть!
Есть лешие — они совсем не стары —
И с лешими кокетничают лары,
Над озером монистами звеня...

И проникают, проникают фары
В глубь времени. В глубь леса, В глубь меня.

19 декабря 2009

*** * ***

Облезлая скамейка. Рейки
Среди вишнёвых лепестков,
Но не окрасить им скамейки:
Так ненадёжны, и не клейки —
Коврами пенятся с боков.
И даже самый лёгкий ветер
Сметает их, лишает сна...
Они как море на рассвете:
Из зеркала встаёт волна...

Подобно их неверной пене,
За катером, за кораблём
След — вспененное сообщение:
Оно исчезнет до прочтения
Как лепестки под ветерком.

27 мая 2010

*** * ***

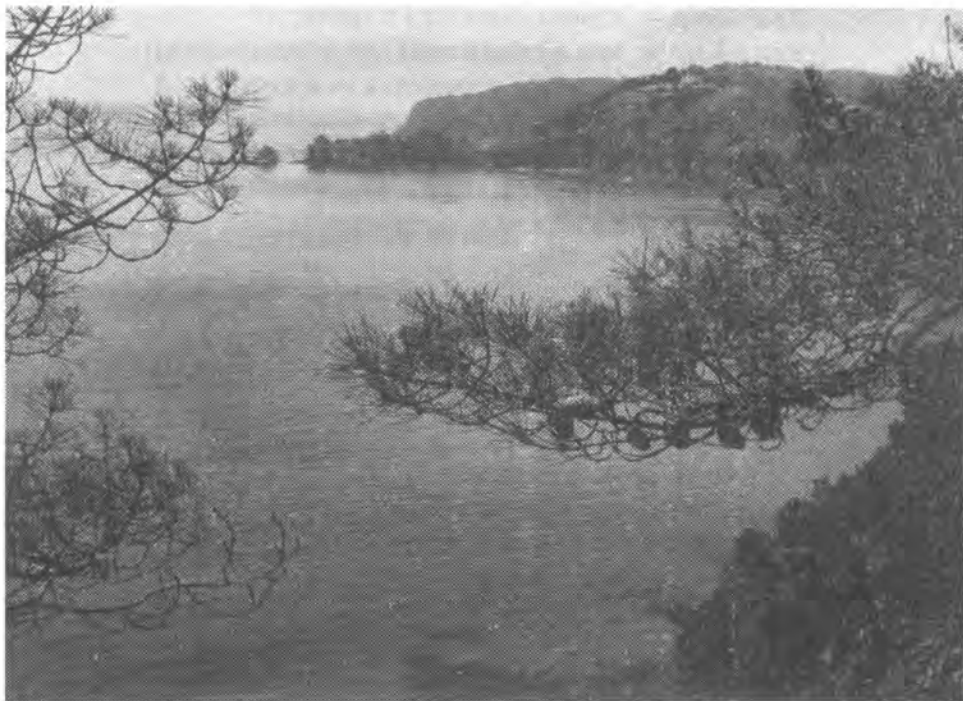
Как старый клошар от машин и зеркал —
К жёлтой Сене, к молчанью,
Как чёрный камень с бретонских скал —
В ущелье, к забвенью, к отчаянью,
Как враз — из фонарного в лунный свет,
Как на Таити — Гоген,

Как ветер — вдруг шептаться в траве,
Как в Китеж, как в скит в тайге,
Как в сон — больной, перепёлка — в кусты...
От лая, от гона столиц,
Как смертный грех несут в монастырь:
Всем телом — на плиты ниц!
Как с виселицы верёвка — вдрызг
От грохота барабана,
Как зверь затравленный — в нору, вниз,
Во тьму зализывать раны...

1976

По радуге бледного моста
Уходят в небо машины,
А радуга — только в три цвета,
Крутая, как этот мост.
Дорога уходит в небо,
А в небе давно я не был,
Но помню: бретонские сосны —
Над облаком в полный рост.

Сен-Назер, 1989

И расползались от самолётов по небу шрамы,
Потом сочились, не заживая, текли в закате,
А ночь по-заячьи

на поворотах неслась скачками,
Боясь созвездия Пса, что вот-вот её ухватит.

И нет спокойствия ни природе, ни человеку,

И автострада играет жёлтыми фонарями,
Бензоколонка беззвучно валится ночью в реку,
С портретом вышитого на шёлке грифона в раме¹⁹.

Бодают фары в зените тучку, на мост взлетая,
И убегают пунктиры алые вдоль дороги,
А там их сглатывает
 холма горбатого дуга крутая,
Не избавляя ночь ни от света, ни от тревоги.

И непонятно, куда деваться бездомной ночи
От той железной,
 от той парадной,
 от той нездешней,
Пока под утро истошным криком далёкий кочет...
Но не прогнать ему свет, ревущий из тьмы кромешной.
1992

...Это — о лете?
Гул океана.
Гул океана.
Эхо от туч.
Зелены сети,
Мокры и рваны.
Косо пробившийся
Бледный луч.

Чайка торчит
В асфальтовом небе.

Скала торчит —
Углом доска.
Песок — паркет.
Тучи — мебель.
Гул океана.
Шурш песка.

Гул океана —
Грубая туба:
Не выживают
Ни сакс, ни кларнет.
Гул океана
Глушит и трубы,
А уж о скрипке
И речи нет.

Гул океана,
Гул океана.
Дробь барабанная
Бьёт дождём...
Ветер —
Партия большого барабана.
Ветер к финалу
Готовит
Гром...

2006

Когда отлив ползёт с песка
За маяком Сен-Геноле,
За этой грудой круглых скал
Урчит Атлантика во мгле,
И чайки падают в туман,
И мы — одни на всей земле —
На самой маленькой скале
У маяка Сен-Геноле,

И нет ни моря, ни земли,
И горизонта нет вдали,
И за спиной туман стеной...
Ты видишь? Это — край земной,
Ты знаешь, он — не рай земной,
И всё же ты стоишь со мной
Под этим маяком немым.
Тут даже чайки не кричат
И молча падают в туман,
Тут — край земли;
А что за ним?

Но скалы серые молчат.
Отлив молчит. И те кресты,
Рыбачьих сейнеров кресты.
Тут ночь боится пустоты.
А ты
Боишься пустоты?
А я?
Не знаю. Я промок.

Песок и ничего окрест.
Лишь каменный тяжёлый крест
На перекрёстке двух дорог.
Они расходятся...
Куда?
И крест поставлен на пути.
А на любви? За что? Когда?
И перекрёстка не найти,
И горизонта нет вдали...

Но всё-таки — зови, зови:
Мы были на краю Земли,
Любили на краю любви.

Бретань, Сен-Геноле, 1978

* * *

Гвозди бы делать из этих людей...

Н. Тихонов.

Это колокола там звонят. И молчит телефон.
И внутри — тишина. Где же он расплзается, звон?
Никуда не выводит последняя дверь,
 сколько ни открывай,
И слетит с панталыку (и с рельс!),
не успев заблудиться, трамвай.

Глянь с моста —
Корабли тяжелы и бессильны
 в пустых лабиринтах портов,
И неспешная ржавь изгрызает железо бортов.

Нет ни дыма, ни паруса на горизонте...
Но в отлив осторожно потрогайте в устьях рек
Эти остовы древних судов деревянных,

И лучше не троньте
Проржавевший насквозь металлический век:

Старых бимсов и килей дерево благородно —
Ничего с ним не сделали море, время, река...
Только напца железность стареет, ржавеет уродливо,
Словно тех, пятистопных, изъеденная строка...

Это колокол, а не трамвай прорывает твой сон,
И молчаньем презрительным платит тебе телефон.

1994

* * *

Глядишь в передней по углам,
На тёмной вешалке — пальто,
Как будто точно кто-то там,
А приглядишься — нет, никто.
Ну, утешайся хоть бы тем,
Что мирны и беззвучны сны,
Гитарных струн как будто семь,
А приглядишься — ни струны!

Судьба-то вовсе не слепа:
В ковчег несчётных тварей Ной
Набил,— такая уж толпа,
А не осталось ни одной!

Ну что, без лампы Алладин?
Твой мир — он был для всех открыт,—
Зато теперь торчишь один
Среди растресканных корыт.
В сумятицу собьются сны
В толкучке мыслей расписной —
Как будто было две страны,
А в результате — ни одной.

Стоишь под радугой живой,
Но мыльным пузырём — итог:
Как будто свет над головой,
А приглядишься — нет, не Бог.

1995

ИТОГ РОМАНТИЗМА

И что в результате?
Пустые года, как метель.
И что-то некстати,
И кто-то уселся на мель,
И где-то, и как-то,
И всякого смысла лишён:
Ведь с первого акта
Ты в фарсе играть приглашён...

И разные вещи
Без толку тревожат меня:
Вот плещет и хлещет
Ковыль по коленам коня.
Ковыль?
Только снится,

Конь — тоже...
Так значит опять
Ни петь, ни молиться,
Ни плакать, ни думать, ни спать?..

Дожди
на антеннах,
И в окнах, как шторы, дожди...
Скандалный оттенок
Всего, что ещё впереди —
Ну, с бухты-барахты?
Но там, где воняет бензин —
Не белые яхты,
А дизельный чёрный буксир!
Сравни-ка сегодня
Скрипучий ржавеющий руль
Не с громом Господним,
А с грохотом старых кастрюль!

И новая дата
Опять прибавляется к тем,
И кто-то
Куда-то —
Помимо сюжетов и тем,
Да, где-то,
Да, как-то...
Пускай даже роль по плечу —
Спектакль без антракта.
И точно — я так не хочу!

1995

Ещё даже не остыли следы заката на лунном
 Небе,
 А уже происходит нечто:
 Ну, кто кричит?
 Не сойка, даже не дрозд,
 Над океаном — кукушка в дюнах?
 Так не бывает!
 Но беззвучно мигают
 Вопросительные знаки звёзд:
 Ведь не ты по ним, а они по тебе гадают,
 И ответ никогда не бывает однозначен и прост —

Поскольку всё простое — сложнее самой сложности,
 И нет никакой простоты. Да и кто там знает,
 Хуже ли она воровства?
 А ручей убегает...

И ни тебе, ни звёздам не угадать,
 что он с собой уносит.
 Может даже, что-то совсем неважное,
 А вот жизнь бедней: пропадают слова
 С каждым его поворотом.
 И замечаешь в конце концов,
 что и он ведь просит
 Хоть искру
 у отражающихся в его воде эфемерных огней,
 У этих вопросительных знаков, у этих мерцающих звёзд,
 Которые, не дождавшись, чтоб их истолковали,
 уплывают как листья под мост.

И оттуда твердят, что всё это уже было, когда-то было,
Что те же самые светящиеся буквы
 детство ещё уносило,
А никакой не ручей,
Что отблески ключевой воды —
 только нападение чего-то давнего,
причём с тыла,
И если вовремя повернуться,
 может, успеешь заметить, чей
Это взгляд...

Вопросительные знаки меняют тему,
И звёзды уже складываются совсем в иные слова,
Которые, как листья клёнов, соскальзывают по телу,
И пока их ещё немного — это листья, а не листва.

Но и она не замедлит — ведь не зря оттенки заката
На ней остаются.
Утром сам убедишься, что их цвет
Тот же самый, который так удивлял когда-то,
Будто с тех пор пройти не успело и двух-трёх лет...

2006

Туман скользнул незаметно, глухо,
И стало всплывать из ущелья вверх
Холодное озеро горных духов
Туда, до первых небесных сфер.

В палатке темнеет. Сумрак бездонен,
Твердит, что весь твой загар дневной
Доступен — пусть не взгляду, ладоням! —
А скучный дождь шебуршит за стеной...

Не знаю, сколько там лет осталось
(Наверное — и не надо знать!)
Ну что там за тряпкой? Дождь да усталость,
Всё, что с собой и не стоит брать...

А тут, в куполке трёхгранном, малом,
В этих касаниях наугад,
Меня обволакивал, вырастал он,
Заполонив всё пространство, загар!

А из палатки? Да нет же, не нужно:
Тканью предутренней темноты
Отрезан тот мир, чужой и простуженный:
И там, за тканью — всё, что не ты.

Crozon (Bretagne), август 1999

СЕН-ГЕНОЛЕ

«Пен-ар-бед» (по-бретонски)
и «Финистер» (по-французски) — это «Конец земли».
Сейнеры, белые домики, синие ставни,
Гранитный маяк Сен-Геноле торчит из камней,
«Пен-ар-бед!» — чайки выкрикивают своенравно,
«Стой! — чайки предупреждают — Здесь — конец!»
Врут они, птицы морские. Не кончено это:
Врут, как горизонта растянутая дуга...

Знаю: за ней — чуть постаревшего Нового Света
Низкие и кленовые берега.
Там тоже белые домики (но не синие, а чёрные ставни),
И, повторяю,— от клёнов рыжие берега
В воду Атлантики серой уходят плавно,
Листва лихорадочной осени — янтарная курага.

И если ручную бурю выпустить из стакана —
Клёны, облетая, правдиво расскажут тебе про то,
Что вот там, за горизонтом, по ту сторону океана...
Но чайки и здесь предупреждают: «дальше — ничто!»
Врут они, птицы: где-то посреди — ещё Атлантида,
А за ней на скалистой, песчаной, серой земле,
За кормой отплывшего сейнера исчезает из вида
Угол Атлантики и Бискайи — Сен-Геноле.

июнь 2004, Бретань

ЦЕРКОВЬ У МОРЯ

В пустоте шуршащей вся — от шпилья до дверей,
Распахнутых к морю близкому...
На истёртых плитах отраженья витражей
Дрожат опадающими листьями.

В зеркале отлива деревенский этот храм —
Опрокинутая в море вера,—
Каменные призраки расселись по углам:
На каждом из углов — химера.

Может люди вовсе никогда и не придут?
В зеркале песчаном химера лает,

И дожди, и ветры ей бока грызут,
Распахнутая пасть не умолкает:

Бесчувственно небо —
Ни надежд ни вер,
И не отделить от были небыль...
Химера выветренная — морду вверх —
Облаивает бессовестное небо...

Бретань, Penhors, 2008

НА КРАЮ...

Тут нет ни чёрта, ни бога,
Горизонт ли, берег — ничей,
Только голосом демагога
По гальке — болтливый ручей,
И не разобрать ни слога
Из его бесконечных речей...

И пена его белеса —
Нет в воде отраженья леса.

Бретань, июнь 2010

*** * ***

Небо снизилось. Небо — немо.
Но упорно и незаметно
Отделяет землю от неба
Бесконечный язык ветра.
Только он один-то и может
Тут хозяйничать, растекаясь,
Потому что края моря —

Мир, оставленный без вертикалей:
Ни ствола, ни куста — плоско.
Что ж удержит сию чашу?
Потому-то здесь так просто
Небо наземь ложится часто.

И могло бы лежать вечно
Надо всеми грехами земными,
Только длинный язык ветра
Простирается между ними.

Каждый камень кипит как чайник,
Пар ползёт в облака немо,
Подпирая и крылья чаек,
И всё то, что осталось от неба:
Что-то тяжкое, в синих дырах,
(Устарела дождя ересь),
И когда б не столбы менгиров,
Раздавило б оно вереск!

Гомонят бакланы, кроншнепы,
Их вдоль пены небо качает,
И когда б не скалы-кронштейны,
Раздавило б оно чаек!

А сейчас и чаек разгонит:
Их возня всё глуше и глуше,
И когда б не пружины прибоя,
Раздавило б оно душу...

июнь 2004, Бретань

ВЕТЕР

Если б небу — где хочешь (но не в этой пустыне), —
Наземь вздумалось бы соскользнуть, скатиться,
Удержали б его на верхушках лесные
Атланты, колонны, кариатиды.

А на плоском — ветрам не забьёшь кляпа.
И не цапля плачет, не чайка стонет,
И не скалы торчат из воды, — шляпы
Рыбаков, утонувших стоя.

И не камень кипит — сатанинский чайник,
Хочет паром крыло обварить чайке,
Водяные, накрывшись волн плащами,
По сигналу ветра сбиваются в шайки.

Набегают на мыс с быстротой коня,
Огибая скалу и взлетая ввысь,
Стелют белые бороды по камням,
Потому что это — последний мыс.

Сквозь бегущие тучи солнце — блюдце.
Но они и его разобьют наконец,
Оторвётся небо — камни в пену сорвутся,
И с земли сдует белый крахмальный
Бретонский чепец.

2004, Бретань.

ОДА-БАЛЛАДА
(о том, «как делать стихи»)

Не пишется. Не спится.
Бессонница — как страж...
На чём остановиться?
История? Пейзаж?
И где, какая птица
Рифмуется, кружится,
И стих впадает в раж?

А рифмы — как из крана
(видны, стены, штаны...)
Толпятся, как бараны:
(вруны, годны, полны...),
Ну, выверну карманы —
Слоны, бледны... Блины!!!

У кромки океана —
Бретонские блины!

На вересковой круче,
Над морем, прямо тут,
В толпе ветров колючих
Девчонки их пекут.
А ну-ка, глянь на солнце
И заслонись блином,
Сквозь блин предстанет солнце
Канатным плясуном!
Набег ассоциаций —
Размашистым пучком...

Не дай им разбежаться
И оглядись кругом:
Вон, тучка, что так хмуро,
Так медленно прошла,—
Да, это тень Артура
У Круглого стола!
А стол стоит над сопкой
С прибрежной стороны,
На нём горячей стопкой
Возвысились блины!

Внизу же — ни травинки...
(Ах, в мире всё — песок!)
Глотни-ка, по старинке,
Поджаристый кусок!
Вдали — залива глотка
Скалиста и черна,

Закат — как сковородка
Для нового блина:
Нальют в неё тумана —
И вновь вознесены
Над пеной океана,
Белесой, как сметана,
У края океана —
Бретонские блины!

Июнь 2004

БЛИННЫЙ СОНЕТ

Блин — символ солнца. И не зря в Бретани
Из древности гречишные блины —
Почти что герб заброшенной страны:
Последний мыс Европы в океане.
В нём — что-то из невнятных ожиданий
Неторопливой ветреной весны,
Он мне — важней других упоминаний
Той пушкинской, той псковской старины!

Ну как быстрее до масленой доплыть?
Пеку их в ноябре — поторопить
Приход весны в края, где солнца мало,
Не зря его старались заменить
Блином! И что б наука ни вещала —
Не рвётся историческая нить.

20 ноября 2011

* * *

На берег выйти можно:
Скалы тропу разжали.
Наверное, сходство ложно
С крымскими миражами,
Где белый ком тополиный
Ветром по склону таскало...
Над блеском слепого отлива
Солнце и чёрные скалы.

Бледно цветет вереск,
А в каменистых грядках

Басом ревёт ветер,
Путаясь в темных прядях
Водорослей лиловых...
Что это вдруг тихо?
Солью прибоя снова
Скалам в ночи тикать.

В море текут речки
И не переполняют,
Снова к истокам прежним
Кто-то их угоняет.

Не говори о прошлом,
Будто бы лучше было —
Память в салат крошит
Всё, чего не хватило,
Разве плетень — защита
Стаду перед волками?
Смех дураков трещит, как
Хворост под котелками...
Впрочем, о чём, зачем я?
Снова отлив — глянцем.
Солнце. Бретань. Кочевье.
Всюду быть иностранцем.
Когда-то ты был где-то...
Молчит, остывая, чайник —
Песня его спета.
Похоже, это — прощанье
С тем, чего больше нету,
И нет до него дела,

Здесь, на краю света,
Здесь, на песке белом..

Бретань, 1993

* * *

Крикливы птицы бретонских скал.
Плывёт гнилая доска.
Отливу — песка таскать, не перетаскать,
Отлив, прилив, бесконечность... Опять
Прилив, отлив, тоска!

Водоросли — волосы
 спящих каменным сном русалок
(Смолкает гул, дробящийся о скалу).
Когда—то, в глубине, её бронзовое плечо моего касалось...
(Сползает шорох брызг с рыжих камней,
Торчит зелёное что-то, как плоский лук).
Но через всё — приглушённый топот коней!

Они там, на юге где-то. И это —
Доказательство, что километры — враньё!
Звуки угасли, осталось эхо
(Только эхо того, что я когда-то слышал,
Но оно — моё!).
Эхо — оно даже нематериальной тени,
Которую ветер только что колыхал.
Эхо прошлого — это завтрашний голос
Ещё не пробившихся на свет растений
У серых и рыжих скал
На грани воды...

А я, давних столетий отлетевший осколок,
Когда ещё были кони,
Я к волнам ускакал
От берёз, от холода, от беды...

Ветер, будь добр,
Через пролив меня, как слепого, переведи!

Извини, у меня давно уже паруса нет ...

Crozon, Bretagne, 1999

* * *

На сером краю промокшего мира,
Чуть смолкнут прибой, ветра и грома,
Смыкаются в тучах последние дыры,
Смягчаются острые скалы Пен Хира²⁰ —
Их грани срезает, скругляет туман...

И всё: даже чаек не слышно в тумане,
А может, и чайки тоже молчат?

Но только прилив заиграет камнями,
И выдохнет шорох песчаных камланий,
Как все голоса наконец-то включат —

И вот нам расскажут — о чём небывалом? —
Те, разом порвавшие с немотой,
Те скалы...
Вот-вот — вал за валом —
По скалам...

Но не́ о чем...

Брызги.

Прибой.

2003

ПРИМОРСКИЙ СОНЕТ ДИЛАНУ ТОМАСУ

Дому в Бретани у залива Дуарнонэ

...Там средь стволов ещё светлее...

А.Ахматова, «Приморский сонет»

Мне никогда не оценить...
Нависшего над морем дома.
Вот если б тут жил Дилан Томас —
Ему бы — и писать, и пить.
Тут, где торчит над океаном
Не голубятня и не дом!...
А мне б — деревья и поляну,
Чтоб было зелено кругом,
Чтобы оленей, а не чаек
Кормить с ладони по утрам,
Чтобы взамен морской печали —
Меж сосен солнечные шали;
И чтоб синичий тарарам
Мне подтверждал, что день — в начале...

9 июля 2012

БРЕТОНСКИЙ НАТЮРМОРТ

Landevennec, Bretagne

В жёлтом хаосе низкого дрока
Между клумбами синих гортензий
Бродит ветер морской, нетрезвый,

И скрипят деревянные кресла.
А какой-то — в рыбацкой шляпе,
За столом, среди синих гортензий,

Пьёт, квадратную девку облапив.
До чего ж она некрасива!
...Парусина. Свитер. Палитра.

Чашки глиняные тёмно-синие
И шуршанье жёлтого сидра...
Некрасивы и чашки эти,

И кувшин, и аляповатый
Мнущий кучи гортензий ветер,
Будто синие клочья ваты,

Некрасивы на блюде мидии —
Всё, что смотрится поодиночке...
А вот если вместе увидеть —

Тридцать строк в единственной строчке! —
Этот стих остановит мгновенье
И подарит девке сиянье,

Он погасит и ветер нетрезвый,
И сердитого сидра шуршанье.
Озарятся клумбы гортензий,

Заблестит чёрно-розовым блюдо
От креветок и лаковых мидий,
Расцветёт в цветнике посуды
Вечер цвета заплаканной меди!

2002

СКАЗАНИЕ

**О древнем бретонском городе Ис,
о нечестивом короле Граллоне и его морском коне,
о принцессе Дахуте
и о ресторанчике в порту Дуарнонэ**

Вадиму Каплуновскому

(для голоса и шарманки)

В устье реки, в начале океана
Разнокалиберные мачты торчат.
Яркие машины в слезах тумана
По краям порта запаркованы в ряд.
Если с чёрных скал над заливом Дуарнонэ
В лунную полночь смотреть вниз,
Говорят, померещится в заливе на дне
Затопленный город Ис.

А может, и вовсе он был не тут,
А за мысом — где берег особенно крут...
Но если забраться на самую верхотуру

Холма над портом Дуарнонэ —
Руины городских стен,
Романскую церквушку,
Обломки дворца,
Заплетённую водорослями скульптуру
В тихую погоду видно на дне...

.....

Когда-то тут правил король Граллон,
Дочь Дахута была у него.
Говорили — она, мол, русалочья дочь,
Вот и молода оттого...
Кто её мать, сколько ей лет,
Едва ли знал и король...
Но не вянул шиповника розовый цвет
В волосах её, чёрных как смоль.

И два любовника было у ней:
Один — сам отец, Граллон,
А другого не видел никто из людей —
Но со страхом шептали: «Он».
Был Ис обнесён высокой стеной,
И дважды в сутки прилив
Окружал неприступную стену волной,
Равнину вокруг затопив.

Но ворота, в которые билась вода,
Были на ключ заперты,
И король клал ключи под подушку всегда
С наступлением темноты.

В объятых дочери засыпал Граллон,
И полночь, нетерпенья полна,
Ключи, не нарушив отцовский сон,
Вытаскивала она.

Только однажды Тот, Другой,
Опоздал, а принцесса ждала.
Повела она гостя в свой покой,
Но спешила так, что дрожащей рукой
Калитку не заперла...
Время за радостями пропустив,
Дахута, в глухом в полусне,—
И не заметила, что прилив
Уже подошёл к стене.

Не увидев, как сдуло со стула платье,
Спохватилась она, лишь когда
Золотые туфельки из-под кровати
В окно унесла вода.
И волну ощутив с холодной тоской,
Увидала Дахута сквозь сон:
Растаял любовник в пене морской,
А в спальню вбежал Граллон!
На руках её вынес из башни пустой,
Положил поперёк седла —
Вдруг лодка с площади городской
Епископа принесла.
Белый конь морской — в воде по колена,
Граллон уже в крепком седле,
И плевать ему на крик разъярённый

Епископа Гвеноле:
«Брось ведьму, грешник,— и город спасёшь:
Помолюсь — начнётся отлив!»
Но король на скаку ему крикнул: «Лжёшь!» —
В лодку плетью свалив.

Копыта били ночную волну,
Ложились воды пластом,
Ржаньем конь разрывал тишину,
Пену сбивал хвостом,
И разлеталась пена кругом:
И дороги он не искал,
И пред морским колдовским конём
Расступались теснины скал.

Налету распустилась одна из кос —
И только ночная тьма
Видела, как из её волос,
Цветок из полночных её волос,
Тот шиповник,
Что был розовее всех роз,
Покатился по склону холма...

.....

Переулки спускаются к портовым причалам.
В переулке три столика —
Кабачок под навесом густого плюща и
клумбы синих гортензий, тяжёлых как волны.
Из-за них выплывает хозяйка,
нам на столик ставит она
блюдо, морскими тварями полное,
и бутылку вина...

Длинна бутылка и зелена —
узорчатой плесени след,
будто бы прямо с морского дна
принесли нам этот обед.
А хозяйка в передничке, на золотых каблучках —
и неясно, сколько ей лет,
а в длинных, чёрных, как смоль, волосах —
шиповника розовый цвет...

1998

Мы как-то заночевали
В «бед энд брэкфаст»
В самой бретонской глубинке,
На опушке каштановой рощи,
Заблудившейся среди полей...

Хозяйка не только сдаёт пятёрку уютных комнат,
Но ещё у неё коровы, козы и прочая живность,
А дочка-студентка летом помогает ей.

Дочка — биолог третьего курса в университете Бреста,
Ещё в школе она могла выбрать,
Бретонский или английский будет у неё вторым языком.

Понятно, девчонка английский выбрала:
Ну, нет же в большом мире бретонскому места!
А что с ним будет потом?

Наверное, каждый год неизбежно
Люди лишаются ещё одного языка...

Но языки ведь пачками терялись и раньше,
И смотрели на это как-то небрежно,

Никто и не замечал общей потери —
И не только в средние века!

.....

Наконец-то лингвисты шумят,
Выпускают на эту тему за томом том,
Но даже в самой глубинной Бретани слышно,
Что по-кельтски говорят с французским акцентом...
Так что же будет потом?

Утром девчонка нам сказала, что ночью
Родился телёнок.
Пошли мы в хлев полюбоваться на малыша.
Он не мог даже «муу» сказать,
Только про вымя помнил знающим ртом...
Ну кем он станет,
Быком племенным? Или так, ни шиша —
Говядиной на прилавке?

Пока он тычется носом в корову неловко...
Но всё же — что будет потом?

4 марта 2013

Мы дошли до края света.
И гранитная часовня
(Эта низкая часовня) —
Над уклоном к морю...
Нету

Ничего, кроме часовни
И травы у края света.

Монотонный дождь.
И снова
Капли по плащам шуршат.
В тёмных и средневековых
Мы в плащах до пят.
И гранитный крест за нами.
Дождь косой, да серый камень...
Может там, за облаками,
Там за морем, может,— лето?

Мы дошли до края света...

Pointe du Van, Бретань, 1994

ИЗ ЦИКЛА «МИМОЗОВАЯ СЮИТА»

Мимозовая река вьётся по дну долины,
Волнами пробегает в хвойных
Раскидистых берегах...
А в Ницце стада велосипедов
На набережной солнечной, длинной...
Резко холодает к вечеру,
И мимоза торчит в рюкзаках.

Дети пищат над морем...
На холоду нестойком февральском
Голые люди вжимаются в пляжную гальку,

Кто-то по набережной — в ушанке,
А кто — за столиками под зонтиками в тени.
Пиво просвечивает на солнце,
Собаки и ролики вторят вальсам,
А люди обдирают с деревьев мимозу,
Как мы — черёмуху в Питере
В давние майские дни...

март 2012

Как сохранить кусок рассвета?
Поймать за хвост кусок весны?
Иначе тут же станет лето
Шуршать приходом тишины...
Не соблюдая этикета,
Оно оттопчет хвост весны,
Чтоб цвет вишнёвый сжить со света.

Закон цветения суров!
Нет лепестков — их песня спета,
И вот деревья зелены,
А ведь, пожалуй, было это
Важнее стен, видней домов...

Но вот — весомей всяких слов,
Лавиной, яростной и синей,
Вторгается орда глициний
Поверх деревьев и голов!

Как удержать весну вслепую,
Ладонью изловить рассвет,

Поверить, что апрель — не бред,
Ведь лето всё же существует,
А вот весна мелькнёт — и нет!

Она срывается с причала
И порт пред ней не затворить:
Заканчиваясь до начала...
Не зная, быть, или не быть!

31 марта 2012

НЕЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ ОЧЕВИДНОСТИ

Летом лето нам кажется вечным —
и зима научилась казаться
бесконечной в конечных пространствах —
дневном и ночном.
Эта сцена не удивляет
несменяемостью декораций...
Ведь не шашки стучат, или там, домино —
А простой — метроном!

Люди поздно взрослеют,
Бывает, что только под сорок...
Даже те, кто играючи распоряжался судьбой —
Потому ведь у нас и сегодня
ещё продолжается ссора...
Не с каким-нибудь воображаемым кем-то —
А просто с собой...

Всё равно, как ни ссорься,— сменяются шапки и лица:
Неизменность и скука — синонимы — разницы нет!

Тут пример очень средненьких Средних Веков
в самый раз пригодится:
Неподвижность царила, пожалуй, с полтысячи лет!

Так в серьёзностях веры Европа аж смех потеряла!
К счастью Средних (и наших!) веков,
Его Данте под лавкой нашёл,
Отряхнул от молчальников (или от пыли сначала?)
И отправил в «Инферно» — точнее на письменный стол!
А потом и Рабле подоспел...

.....

Летом лето нам кажется вечным...
И зима не умеет кончаться...
Даже в марте боимся, что вдруг не оттаит окно,
А ведь хочется что-то стряхнуть
и меняться, меняться...
Но мешает всему — метроном —
Всё равно он стучит: « всё равно, всё равно...»,

А и вправду ему всё равно...

2 августа 2012

*Как будто не все пересчитаны звёзды,
Как будто весь мир не открыт до конца....
Н. Гумилёв.*

Контрастность более всего присуща лету,
Тень тут была, но сдвинулась,
уступила место свету...
Из-за этого непостоянства так вот и катится лето,—

Случается даже, что кувырком...
Но скачущая светотень,
Кроме торопливости, не говорит ни о чём...

Цикада в оливковой роще прячется где-то,
Другая, ещё звучней, присоединяется к ней,
Голос у неё чуть иной — так эффектнее для дуэта —
И если поначалу укладывался этот сад
В строгую краткость сонета,
То сейчас он разросся и требует чего-нибудь покрупней,

Потому что комната раскрывается в сад,
Сад в рощу,
Роща в море...
Только морю некуда раскрываться...

А значит, не раздвигается мир...
Острова давно пересчитаны, названы
И в реестры занесены
В строгом порядке, как в словари слова,
И на всякие карты нанесены,
А карты затёрты до дыр...

И приходится в неземных пространствах искать:
Ну планету, ну ещё другую,
И в бюрократическом порядке
Мы их тоже спешим перенумеровать и назвать.

Поначалу в сонет укладывался
Этот небольшой сад,

А запихнёшь ли в 14 строк пространство?
Да и сад вон разросся во что-то,
И остаётся мне единственная забота —
Различать, да пересчитывать голоса цикад...

3 августа 2012

КОЛХИДА

В причудливых сумерках чёрным рисунком
Нависли третичные сосны Пицунды.
Им столько веков, что в сравнении с ними
Медея — совсем современное имя!

Курортники шумно уходят на ужин,
И море пустеет — пусть им будет хуже:
Да чёрта ль им в том, что для дерзостной кражи
«Арго» швартовался у этого пляжа,
Что эти же сосны глядели, балдея,
На ту, что была твоей тёзкой, Медея!

А ты, кахетинка, скажи мне, какими
Судьбами — такое античное имя?
Его мои дальние предки слышали,
Да буйволы те, что когда-то пахали
Кирпичную почву под зубы дракона,
Огонь выдыхая на панцирь Язона.
Вон этого древнего пламени блёстка —
От низкой луны водяная полоска,
Да только вот мне золотого руна —
Не на...

И вовсе тебя похищать мне не надо.
Ну, что ты сидишь?..

.....

Качаюсь на лунной дорожке в воде я,
И камушки в воду кидает Медея,
И светятся над аргонавтом без судна
Аргоны двадцатизэтажной Пицунды.

1970

ВЕЛИКОЕ ЗЕЛЁНОЕ МОРЕ

Чем к берегам Средиземным ближе,
 тем шире звонкий размах
Качанья цветов, бамбуков, сосен в долинах и на холмах.
Не нужно от воздуха или воды одеждой себя защищать!..
И колыбель человечества земля продолжает качать.
А значит на самом деле мы
 не взрослые и теперь:
Притворяемся мы «большими»,
 а сами опять и опять...

Это зелёное море — открытая в прошлое дверь,
Распахнутая... А там — Неаполь, Мессина, Марсель,
Одесса, Стамбул, Феодосия и... карты протёрты до дыр!..
Там кораблишки морских бродяг то и дело садились на мель,
От Гибралтара и до Азова — всё тот же ахейский мир!
А чем дальше ты от него, тем глуше
 нимф и тритонов хор,

Сюжет цепляется за сюжет — из мифа растёт роман,
Строка цепляется за строку — не повториться бы ей —

В себя вместит она хоть Илиаду, хоть Библию и Коран,
Хоть толпы песен, баллад, сонетов и то, чего ещё нет...
Смешает с красками южных базаров морей переменчивый цвет,
И рощи тысячелетних олив, и тень парусов по волнам...

Спектакли несчётных событий прошли —
Но сцена осталась нам!

11 августа 2012

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ У МОРЯ (Не по Ломоносову)

Едва отдышавшись у горизонта, раскланиваясь перед залом,
(Будто только что разразилось в картонную трубу стишком!),
Солнце к амфитеатру гор поворачивается задом,
Орать продолжая, пока
Краснорубахий закат не снёс ему башку палашом,
Лезвием узкой тучки...

Эта казнь ежедневна,
Потому что безответственная барабанность
Цикад, цитат, снова и снова
Ставит на ходули призраков давно безголовых,
И ни рыбы, ни крабы не знают, когда
этому настанет конец...
(Пой, пташка пой)!
Строки волн растекаются, как тесто Сальватора Дали,
Как случайно раздавленное слово,
Как туман над водой,
Как перепевы вранья, что вблизи мозолят глаза,
Но не смягчаются и вдали,

Только расплываясь, кажутся облачней на расстояние,
Даже приемлемей, чем на тех островках — птичий базар.
Непреложная истина каждого островка становится всё туманнее:
И в облачный общий кисель истории
Небесных барашков угоняет Макар.

А заводной соловей, хлопоча над пластиковою розою,
Не только на вкус,—
На жизнь на самую нагоняет коррозию...

.....

Бредни!

И вот —

Каждое новое стихотворение врёт,

Притворясь последним.

Так тюрьму свою снова обманывает звон,

Вырываясь в поток времён,

Как дождь, незаконный, который бьёт

По облаченью вод...

Кстати, прогуливаясь по берегу, надо бы не забыть зонт, а?

Пригодится в раскисающих сумерках, пока

Не схлопнулись небо и море на рояльной петле горизонта,

Как на нулевой отметке схлопываются века...

Борм-ле-Мимозá, август 2005 — Медон, сентябрь 2005

В МИМОЗАХ И СОСНАХ

Сад в который приходят спокойно

Черепahi и кабаны,

Сад, в котором скандалят сойки,

А глицинии — вместо стены,

Море слышно, хотя и не видно:
Между соснами мал просвет!
Этот сад с постоянством завидным
Повторяется 10 лет.

Повторенье!
Его постоянство —
Вот оно чудо света —
Это в нём дух когдатошних странствий
И все возвращенья в лето...
Повторенье — его постоянство —
Не девается никуда,
Пусть в секрете прячет пространство,
Та в реке, иль не та вода?
Да и та, иль не та черепаха?
Вон, которая там — в траве?
Да и та ли ящерка-гекко?
Или это правнук её?
А не всё ли равно? Лишь бы длилось
Сегодняшнее бытие —
Постоянство листвы мимозовой
Стоит зелени целого века!

Повторяйся, весёлое лето:
Те бескрайные Сальские степи,
И ковыльные и пустые,
Где полынной горечью пахло
От первых лучей рассвета...

Только так и смогут промчатся
Вот эти мимозы лихие

По той давней цыганской юности,
Что продлилась аж целое лето!

19 августа 2011

СОНЕТ БРЕГАНСОНСКОГО ПЛЯЖА

Серебряный песок — под Эйфелевой башней!
Купальников, зонтов и звуков пестрота.
Пусть Ницца валится с Аркольского моста,
И зал давно пустой, или спектакль вчерашний —

Неважно: меж кулис дракон — картон нестрашный,
Когда на сцене ты — а в зале темнота —
И всё наоборот — в невнятности всегдашней.
И размалёван мир. И сцена не пуста.

Под жёлтым кабачком на пляж у Брегансона,
Впечатавшись в песок, ложатся волны сонно —
Над ними — и мираж покажется судьбой:

Прикинься Осло-фьорд Марсельскою каланкой,
Иль парусом «доски» — блик над песчаной банкой,—
Но этот праздник есть. И он — всегда с тобой!

24 августа 2011

БАЛЛАДА ЮЖНОГО ЛЕСА

Где зелень заменила стены,
И где лесам равны сады,
И всё цветёт одновременно —
Не знают запахи вражды —
Базилику смешали с мятой

Ветра, гуляя меж холмов,
А по верхам — узор косматый:
Барокко пробковых дубов.

Под облачком кривым и белым
Подкрылья красные пестрят:
Фламинго так, от нефиг делать,—
Заэря дублируют закат,
Прозрачный, как стихи, в которых
Нет смысла заднего у слов —
И возвышается над вздором
Барокко пробковых дубов.

Пейзаж без басенной морали,
Без философской чепухи:
Природу просто пронизали
Звучаньем ветровым стихи.
Среди кривых сплетённых сучьев,
В мельканье беличьих хвостов,
Ещё узорней, ярче, лучше
Барокко пробковых дубов.

...

Как можно, сударь, здесь быть хмурым,
Где приютил несчётных сов
Шедевр лесной архитектуры —
Барокко пробковых лесов?

2 сентября 2011

...И вот затворяются деревянные решётки.
И двери отделяют лето от нас.

Ну, зачем его — заживо! Оно ведь чётко
Ещё существует!
И птицами кротко
Напоминает...

Но багажник набит. И последний час
Валандается между асфальтом и садом,
Машину подталкивает к автострадам...

А сад, сливаясь с другими садами,
Уже от соседних неотличим.
И лето, протёкшее между руками,
Под пальцами плывёт, как шашлычный дым...

Всё больше машин — и за, и перед —
Обгоняя друг друга: «на север, скорей...»,
И всё нереальнее те запертые двери,
И всё материальнее пять этажей...
И всё слышнее назойливый, несносный,
В дорожном гуле голос
архангеловой трубы —
А в нём растворяются и мимозы, и сосны,
И морская пена, и пробковые дубы...

20 августа 2009

Моя «переписка» с лордом Байроном.

Байрон:

СТАНСЫ, НАПИСАННЫЕ ПО ПУТИ
ИЗ ФЛОРЕНЦИИ В ПИЗУ.

Дни юности нашей — вот дни нашей славы,
И славой иной не дразните меня вы:
Все лавры истории древней и новой

Не стоят листочка плюща молодого!

Гирлянды из лавров на старческом теле —
Блеск майской росы на сухом иммортеле.
Когда голова серебрится седая —
На что мне венки твои, слава пустая?

Нет, слава, клянусь, что я не был ни разу
Тебе благодарен за громкую фразу!
Лишь в милых очах я прочёл, что с тобою
Их светлой любви я действительно стою!

В лучах этих глаз вижу твой ореол я —
Тебя в них искал я, тебя в них нашёл я,
И как бы твой свет ни сиял величаво,
Я знаю: не в славе — в любви моя слава!

Я:
СТАНСЫ, НАПИСАННЫЕ ПО ПУТИ
ИЗ ПИЗЫ ВО ФЛОРЕНЦИЮ²¹

Жоре Бену

Вдоль берега катится вечер
Дорожкой в слепых камышах,
Вон Байрон мне едет навстречу,
И стансы в колёсах шуршат.

Карета разъедется с фордом,
И слуха коснутся слегка
Две строчки печального лорда,
Но так — вроде взмаха платка...

Он едет к морскому закату,
А я к тем полночным холмам,
Но он-то вернётся когда-то
К своим меловым берегам!

Мир, в общем, устроен нестрашно:
Всё правильно станет опять.
Вот разве Пизанскую башню
Обратно никак не поднять.

Но башня и Байрон, и море
Остались давно за спиной,
Холмы флорентийские вскоре
Взойдут в темноте предо мной,

Картины созвездий ковровых
Погаснут одна за другой,
И лень флорентийская снова
Нависнет над каждой строкой,

И станет сонет непригоден
Для века верлибра и тьмы,
И строки «Еврейских мелодий»
Вернутся обратно в псалмы,

И реки к истоку от устья
Вернутся (с водицей морской!),
А новые «Стансы к Августе»
Вернутся к Августе другой,

Вернётся Вергилий в нестрашный,
Сценический, дантовский ад;
И только Пизанская башня
Все падает, падает, пад...

1998

* * *

Урбино пахнет резедой. Точней —
Урбино пахнет тёплой женской ночью,
Точней — Урбино пахнет резедой...
Но это, видимо, одно и то же:
При лунном свете голубеет кожа
У женщины...

Ночь.
Городок пустой.
Столбы его холодного собора,
Нависшие над пряной резедой,
Его порталы — острой темнотой
Не в силах помешать ночному пиру
Голубизны.

Меж камнем и душой
Спор в пользу резеды легко решится:
Тяжёлый купол лунности страшится,
Последний свет всегда за резедой,
Прозрачный запах кожи голубой
Не оттеняет — оттесняет прочие...

Урбино пахнет очень женской ночью
И — тёплой синью.
То есть — резедой...

между 1998 и 2003 гг.

КАНЦОНЕТТА

*Ямщик лихой, седое время
Везёт, не слезет с облучка...
А. Пушкин, «Телега жизни».*

Огни за стёклами вагона
Как спички чиркают в окно,
Мелькнёт бездонной ночи дно,
Как закопчёная икона.
А мне, пожалуй, всё равно:
В квадрате, где черным-черно,
Мне предъявите хоть дракона —
Георгию определённо
Завидовать не стану, но
Мне жить мешает лишь одно:
Стук рельс в начале перегона.
Потом становится темно,
И вроде — тихо, вроде — сонно...
Огни за стёклами вагона,
Года за стёклами вагона,
Как спички чиркают в окно.
Из них слагается канцона
О том, что у меня вино
Стоит на столике вагона,
И где—то там, нескоро — дно...
Так будет же повторено:

«Года за стёклами вагона
Как спички чиркают в окно»...

Поезд Париж — Базель, 2000

* * *

Ostia Lido

Под пальмами не было ни души.
Уткнувшись в набережную косо,
Заснули стада понурых машин,
Весь мир заполнили дрёмой колеса.
Дома притворялись, будто спят:
На окнах белые шторы смыкались,
Пытался не утонуть закат,
А в его душе волноломы копались.

Пенный ветер шуршал
Неизвестно о чём,
И по скалам бренчал
Звонкий луч за лучом...

Ловить эти звуки,
Терять их опять,
В судьбе копать и не раскопать.
И долго потом перебирать в темноте
Бренчащие слова —
те или не те?
Но не подберёшь,
Как ни шарь по земле,
Луч, звеневший, как грош
На гранитной скале...

1993

Шуршанье ящерок по солнечным камням,
И плющ, как плащ,
Под сонным ветром чуть упрям.
В осколках солнца мозаичные полы,
В пилястрах розовых зеленовата тень,
И через трещины классических затей
Шалфей пробился и лаванда, и полынь.

Сметает ветер листья с мраморных собак,
Раздует каменные складки белых тог,
Какой-то надцатый, а всё же римский бог
Вдруг подойдёт и спросит,

что мне здесь не так.

На фресках люди все чужие... Только тут
И с ними можно пообщаться тишиной,
Хотя они, всего вернее, не поймут,
Что не Империя за белою стеной —
Живые травы между мраморных лачуг,
Полусухой чертополох у входа в храм...

И только море не меняется ничуть,
И виноградники лопочут по утрам
Как при Антонии...

1993

ФЛОРЕНЦИЯ

Развалиясь, задыхаясь, старея,
День лежит у холмов на плечах.

Возвышается Синьория
Как пожарная каланча.
Тяжелы её флагов полотна,
Высока сетка окон пчелиных,
Зноем дышит ирис болотный
Над чернейшей бронзой Челлини.

У времён — своя картотека,
У истории — свои качели.
Чёрный привкус двадцатого века
У иронии Макиавелли...

В пыльный полдень гляди с Понто Веккио
Как ползут желтоватые воды.
Одиночество человека
Есть последняя степень свободы.

Разморённый скукой и ленью,
Просиди хоть весь день на ступенях
В переулке у дома Данте —
Не дождёшься его возвращения...

День уйдёт. Будет вечер длинный.
Окружат тебя жаром стены.
Резкий бег облаков старинных,
Перепутав лунные тени,
Превратит дома в гобелены,
Бесконечно сменяя картины...

Почему же ты сел на ступени

В переулке у дома Данте?

.....

У Челлини — чеканке учиться,
У Макиавелли — как издеваться,
А у этого флорентийца —
Научиться не возвращаться...

1994

* * *

Не на краю света,
Так на краю века
Как, перейдя Лету,
Войти в свою реку?
Войти в неё дважды,
Порвав судьбы петли?
Да разве так важно,
Течение есть, нет ли?
Коцит ли то, Стикс ли —
Различий тут нету.
Чуть ли не все стихли,
Не перейдя Лету.
И кто кому снится —
Кого ты тут встретишь
На берегу Стикса?
Одних, других, третьих...
Пенсионер важный,
Харон сосёт водку,
И напрокат даже
Тебе не даст лодку.
А вброд рискнуть — кануть.

Жди, соловей, лета,
Пока Сизиф камнем
Не запрудит Лету,
Внеся свою лепту,
Входя в свою реку —
И на краю света,
И на краю века.

около 2000

АНАКРЕОНТИЧЕСКИЙ ДИПТИХ

1.

...Атлантика, она — моя
Всей крутизною пенных ляжек,
Всей шириной округлых пляжей,
Всей бабьей сутью бытия.
Хоть молода — не молода,
Опять приманит — не откажет;
Зато и хороша тогда,
Когда волнуясь жадно, ляжет
На жёлтой простыне песка,
Чуть лицемерна, но легка:
Пусть не одна в неё река, —
Она и не подавит даже
Ветров утробных голоса,
Всей шириною мягких пляжей,
Всей крутизною пенных ляжек
Раздвинув скалы и леса!

2.

Жить без «мучительных романов»,

И не по нотам соловья,
Свистеть, не слыша барабанов:
«Синица я, синица я!»
Как Эпикур или Лукреций,
И с вольтерьянской прямотой,
Да с перцем вместо тонких специй
Жрать вечной лёгкости настой.

между 2004 и 2006

На развалинах Вавилона
Бородатые львы остались.
За спиной у льва — не колонна —
Указующий в небо палец —
Беспричинно и беспардонно
Он опять начинает гаммы,
А на небе — тёмные ямы —
Серых туч лохматые лона...

И под гаммы танцуют устало
Разыгравшиеся старухи,
На шершавой бумаге журналов
Откормив клыкастые слухи
Для своих лысогорских балов.

В жирных пятнах любая страница
Осыпающихся кварталов,
Но пока позолота им снится,
Завернулись в обрывки журналов
И слова, и чёрствая пицца,

И танцующие непристойно
Серых туч лохматые лона...

Бородатые львы спокойны
На развалинах Вавилона.

1995

* * *

Пора кончать петербургскую повесть —
Небо сдёрнуто над головой,
Осыпаются звёзды при каждом слове,
Обернувшись жухлой листвою.
Пора прекратить бесконечное бегство
От наизнанку надетого детства,
Жевавшего чёрный подсолнечный жмых,
Считавшего палку за главное средство;
И не ломать больше мельниц чужих.
Пора забыть вавилонскую башню,
И в прежние русла течения рек
Вернуть — и увидеть, что вовсе не страшно
Кончается варфоломеевский век.

Почему ж у Старухи не прятка в руках,
А краплёная — в звёздах — колода,
И на всех королях — двухсотлетний страх
Девяносто Третьего года?
Выбрось карты — уж лучше — калейдоскоп
Повертеть, чтоб стекляшки бренчали!
Чуть его шевельнёшь —
 никогда не вернёшь
Ни вчерашний узор,
 ни старинную ложь,
Ни того, что мелькнуло в начале —
Ну, встряхни раз-другой, но смотри, не спеши:
Дай подробнее разглядеть витражи.
Пёстрых пляшущих стёклышек нищенский шик —
Словно брызги на низком причале

Если был, если был он когда-нибудь, дом,
То остался он в Павловске, там, над прудом,
За вздыхающими стволами,
Где доныне живёт ещё эхо копыт,
Где за дальним мостом колокольчик звенит:
То ли прадед на тройке в столицу летит,
То ль обратно — бренчит кандалами?²²

Или это листва, бронзой статуй звеня
И шурша по кустам, обманула меня?
Или лось там топчет в осоке?
А в высоких аллеях закат и рассвет
Бродят вместе, когда посетителей нет,
Опираясь о воздух высокий.
Кто щекой к облетевшей осинке приник?
Или это...

...Промокнув до нитки,
Возле Генуи слушаю тяжесть камней,
Вижу — нити дождя всё длинней и длинней...
Надо сшить диссонансы разрозненных дней,
Как сшивает их в музыку Шнитке.

А тогда, может, чудом и схлынет вода,
Обнажатся затопленные города,
Ведь бывают Вторые Попытки?
И, быть может, ещё не последний час,
И, быть может, остался тот самый шанс,
На рождественской пёстрой открытке?
Ведь дозволено чудо хоть раз-то в год!

Вот пещеры морской открывается свод,
Известняк нависает слоями,
Словно ряд перевёрнутых ступеней —
Над зелёным качаньем подводных камней
Из глубин поднимаются тени огней
С расплывающимися краями.
Сквозь огни проступает знакомый фасад,
Где атланты слепыми зрачками косят,
Мох морской — как еловая хвоя,
Как рождественской ёлки всплывшая тень.
На верхушке — золоторогий олень
Затрубил мандаринной зимою...

Дождь прошёл. Пляж просох. Ничего больше нет.
Только волн лигурийских бутылочный цвет
И тяжёлая синь винограда...
Но чтоб этой печали исчезла хоть часть,
Надо в Рим и Венецию снова попасть,
А в Помпею уж лучше не надо —

Потому, что в руинах не стать молодым,
Потому, что в рябинах есть привкус беды,
Потому, что глухие тяжёлые льды
Обрекают моря на молчанье,
Потому что — на месте отчества — дым.
И, наверное, это — прощанье...

1994

Что там на музейных стенах?
Синий лес на гобеленах.
С гобеленов
Гиббелины²³ —
Чёрным гвельфам выдать перца...
(Только вот цена на перец

Непомерна...)
И пожалуй, это верно...

А вот в моём лесу — качаются деревья...
Да, у меня в лесу танцуют белки,
И ястреб,
Как скрипач, сутул и горбонос,
И мышка под кустом
Просеменила мелко
Под музыку
Угрожающего жужжанья ос...

2000

МЕЛЬКАНИЕ ЗА ОКНОМ

Этрусков облезлая охра,
Покрытая нынешней пылью...
И вылепленные дома
Вломились на склоне холма
В бурьян — но ничто не заглохло.
Вьюнков бело-синяя тьма...
И это — Романья-Эмилья.

А может — Эмилья-Романья?
Торчат тополиные свечки,
Да мелкие мутные речки
Устало урчат по камням.

И как непохоже на это
Глядится Италия Блока,
В которой и Рима-то нету...

Нет: лучше в неслепленных строках,
В небывшем, наверное, веке,
Увидеть этрусков следы
Там, около Чивитавеккии,
Где пальмы, да в охре пруды...

Шуршит вулканический пляж.
Стен серых облуплена глина,
И роются пёстрые куры,
Как будто написан с натуры
В манере совсем не старинной
Печальный, не южный пейзаж...

В туннели, туннели, туннели
Всё время вбегает вагон,
Туннели давно надоели...
А охра темнее, светлее,
Желтее, краснее сквозь сон...

Писать невозможно в вагоне...
И в зелени охра потонет,
И в море поля убегают,
А пинии слезят с горы,
Светлеют в закате и тают
От дымки морской, от жары...
Руины какие-то мимо...

И это — дорога до Рима?

1998

А в Риме — февральские маки
И кони фонтана Треви...

Мимозы в февральском Риме
Подсвечены фонарями,
А рядом... Не разобраться,
Кто пальма а кто — колонна...
Тритоны, люди и кони —
Всё — в синей небесной раме,
И на дыбы рвутся кони,
И звонко трубят тритоны...

Их слышат февральские маки...
А кони — копыта... брызги... —
Так рвутся они из фонтана,
Что если б не взгляд Нептуна...
Ах, как эти кони свирепы!

Тритоны фонтана Треви
Вовсю надувают щёки,
И раковины — как сирены...

На фотографии — странно —
При должном увеличении
Десятки портретов сразу:
И вроде — знакомые люди
Толпятся возле фонтана???

В кафе у облезлого дома

Ждут в полдень столы пустые...
Кого? Да, не знают сами,
А так, неопределённо...

Людей узнаём не всегда мы,
Не то, что знакомых клёнов!

Ну, кто там торчит у фонтана?
Ведь это чужие с чужими,
А рядом так близко — странно! —
Знакомое дерево в Риме! —

Да только ли тут? А в Питере
Торчит над Михайловским садом
«Петровский дуб», тот, где морды,
Вразброс и неровным рядом
Вырезанные кем-то,
Подмигивают знакомо...
И ловят меня на слове...
А есть ещё и в Ростове
Знакомое дерево — выше
Дедовского дома...
Оно меня знало тоже,
Когда был не выше скамейки,
Стоявшей в пёстрой беседке
Из дикого винограда...

.....
Так может эти деревья,
И маки в февральском Риме,
И раковины тритонов,

Трубящих в час неурочный,
И кони фонтана Треви
Не на открыточных фото,
А в этих небрежных строчках
Останутся для кого-то...

8 октября 2012

* * *

Века нанизаны на время
Как мясо с луком на шашлык -
Всплывут несообразно теме
Случайный отблеск, лишний блик —
И город вновь неузнаваем...
Вот — был гараж, а стал костёл...

Париж бахвалится трамваем,
Как будто снова изобрёл,

А в море торопясь с уклона,
И лепку Гауди беребя,
Ломясь за стены, Барселона,
Озлилась, вышла из себя

А Питер? Он построен плетью.
Таких других на свете нет,
Слепили за одно столетье
И выставили как макет,
Чтоб каждый день — другого цвета,
И каждый час иных тонов,
А людям кажется, что это —

Калейдоскоп забытых снов...
Зато уж в мозаичном Риме,
Где времена сквозь времена
Чужие склеены с чужими
Везде — от шпиля и до дна,
Так геометрия сломалась,
Что угол в круге растворим!
Трёх тысяч лет игра и шалость —
Рим, прорастающий сквозь Рим.

4 июня 2010

Аппиева дорога,
Лавровая зима,
Аппиева дорога —
Римская Колыма.

Пореем да жареным салом
Несёт на третьей версте.
У крестов конца не хватало —
Распинали на букве «Т».

От устриц и лимонов
Отбросы закат золотит?
Нет, медные легионы
Отдыхают на камне плит.

Рим загорается сзади,
И ясно, что Страшный Суд —
В трагтории «Quo vadis?»,
Где макароны жрут...

1979

Феликсу Ярошевскому

Замок Ангела стал музеем.
Первый век и двадцатый квиты:
Стали кошками львы Колизея,
Итальянцами стали квириты.
Итальянцы бастуют лихо,
Кошкам носят еду старушки,
По музеям ржавеют тихо
Гладиаторские игрушки.
Все руины пристойно прибраны,
Всё на месте — и пицца, и пьяцца...
Но когда засыпают римляне,
Львы по крышам уходят шляться.

1973

ТИВОЛИ
(обратная глосса)

В руинах виллы Адриана,
В глуши некошенной травы,
Хранят извилистые львы
Остатки плоского фонтана.
Волна холодного тумана
Сползает с тихих крыл совы
В руинах виллы Адриана.

Сползает с тихих крыл совы
Кривого месяца огарок
На кирпичи подпружных арок
И тьмой замазывает швы.

Вот — оживут зубцы и рвы!
Туман, невлажен и неярок,
Сползает с тихих крыл совы.

Волна холодного тумана —
Дыханье варварских богов —
С гиперборейских берегов
Катилась медленно и пьяно.
Вот расплясалась обезьяна
На трупах мраморных врагов —
Волна холодного тумана.

Остатки плоского фонтана —
Подобие сковороды.
Тысячелетья нет воды
На бронзе чёрного чекана.
В сухом свечении Урана
Не ждут ни счастья, ни беды
Остатки плоского фонтана.

Хранят извилистые львы
Тугие афоризмы Рима:
Что всё на свете повторимо
И то, что рыба — с головы,
И то, что истина незрима...
Но мусор высохшей листвы
Хранят извилистые львы.

В глуши некошенной травы
Лежат латинских слов обломки,

И спотыкаются потомки,
Но не теряют головы.
У них мозги не слишком ёмки,
Они с античностью — на «вы»
В глуши некошенной травы.

В руинах виллы Адриана
Сползает с тихих крыл совы
Волна холодного тумана.
Остатки плоского фонтана
Хранят извилистые львы
В глуши некошенной травы
В руинах виллы Адриана.

1973

ТЕРМЫ КАРАКАЛЛЫ

На белые с чёрным мозаики белые с чёрным чайки
Усаживаются важно, и на мгновенье влажно
Становится на полу...

Чайки не улетают — чайки на месте тают:
На чёрном мраморе белые контуры
На века остаются в углу...

А слуги пучками кидают в тяжёлые ванны лаванду,
Спорит голый философ с полуголым другим,—
А потом

Оба идут в таверну надраться, никак не подозревая,
Что элегический дистих Горация, рифму приобретая,
Станет русским стихом...

Катится ночь. И вот —
Неизвестно кто, зачем, у кого
Подсохшие лавры крадёт —
И смешиваются
Стен квадраты
С колоннами,
И спешиваются
Императоры,
А пешие статуи
Становятся конными.
Над ними фонарный белый шар,
И если взглянуть построже —
Неважно, форум или базар —
Почти что одно и то же!

.....

Во все глазницы глядит на Рим,
Вокруг себя Колизей:
Вдруг снова сведут с Палатина над ним
Больших полосатых зверей?
И цезарь в ложу изволит войти
В лавровом венке?
Да нет —
Тут полосаты только коты
А лавром пахнет обед...

2002

ЭХО РИМА

Ритм Рима — медлительное уподобление ритму
наших шагов, поднимающихся на Авентино,
но видна оттуда — только рельефная карта Рима.

Лохматые пальмы как меридианы вертикальны.
Рыжее — грозит с перегруженных ветвей апельсина.
А на чёрную широкополую шляпу старого падре
Падают лепестки, лепестки улыбнувшегося олеандра.
Ветер приносит, как запахи, ощущение ренессанса.
Город отсюда — писанный задник классического театра.

Внизу этажи, этажи жёлтой и рыжей охры.
Глохнут за ними, за Тибром, в Трастевере на берегу
Голоса посуды в тавернах, глохнет трамвайный грохот,

Глохнет шуршанье машин и колокольный гул...

Имя Тибра — в Риме. Эхо его — Тивериада
(Галилейское море? Озеро Генисарёт? Кенéрет?)
Маленький русский монастырь, или пустынь. А рядом —

Камни, сухие серые травы, да ослик серый.
Слабых медлительных волн незаметны ритмы,
Камни, на берегу плеща, бормочут молитвы,

И так нереальны, так далеки от Рима
Нервные ритмы
Мечущихся над кустами у монастыря колибри...

Имя Равенны — к имени Рима парное:
Какие бы тут Теодорихи в Тёмных веках ни гостили —
Второй это город на всё государство папское.

А вот базилика Apollinare Nuovo — тень Византии.
Мозаики: «овцы», «дары волхвов», «поцелуй Иуды»...
Полная тишь. Абсолютная. Смена стилей.

Почти азиатских колонн многоярусные груды.
Но в крипте — бассейн. Живые в храме плавают рыбы!
Памятью о ловцах человеческих душ, наверно.

Вот оно раскатившееся, бескрайное эхо Рима:
И колибри над Тивериадой, и рыбы в Равенне.
январь 2003

РИМСКИЕ ДЕВЯТИСТИШИЯ²⁴

Какой ты маленький, великий Рим —
Строка гексаметра — и та длиннее,
Когда она сползает, буквы грея,
С Яникула. Постой, поговорим
Про Circo Massimo, и про Энея,
И как весталку увести в аллею,
Про то, что наслоения веков
Нас, любопытных, всё-таки жалея,
Оставили куски черновиков...

И можно, Форум обойдя с боков,
За два часа пешком пройти вдоль Тибра!
Мосты... Трава... Феллиньевские титры
Прикрыли трещины особняков...
Опять подвальчик. Что ж, скамейку вытри,
И выпьем-ка за выпитые литры,
За то, что вот пощажены судьбой...

Пей хоть за выкрутас колонны хитрый,
За пинии, за ангела с трубой,

За «Страшный суд» в Сикстинской... Но постой:
Кисть Микель-Анджело не зря жестока —
Ведь может быть и вправду чьё-то око
Следит за Римом, миром и тобой?..
Не веришь тут в существованье тьмы:
Тут лето разливается без срока...
А ведь когда-то в Петербурге мы
Молились, чтобы синее барокко
Преодолело ужасы зимы...

Но я люблю узоры на стекле.
Их витражист-мороз под утро ле...
И всё же далеко не всё он может —
Вот Рим зимы не примет никогда:
Уродлив стал бы Тибр под коркой льда,
Но как его представить без азалий?
Скорей — без цезарей! Да уж не им,
Фонтаны — шумом в зеркале — сказали,
Что Апог, это — Roma, то есть Рим...

2003

АВЕНТИНО

*Над небом голубым...
Анри Волохонский*

В центре Рима,
В центре мира
Есть квадратный сад,

Он навис над центром Рима,
Зеленью неистощимой
Ослепляя взгляд,
И повсюду апельсины
На ветвях висят,

Этот холм над Римом выше
Остальных холмов,
И внизу желтеют крыши
Городских домов,
Купола соборов — мимо! —
Где-то там торчат,
И висит над центром Рима
Апельсиновый, незримый
Колдовской квадрат,

И на древние руины
Глядя с высоты,
Там катают апельсины
Всякие коты:
Серый, чёрный, рыжий, белый,
Наглый, робкий, хитрый, смелый...
В мире рыжем и зелёном не хватает слов
Описать неторопливо
Это истинное диво —
Волейбол котов.

Рыжим по уши заляпан,
Каждым когтем прав,
Некто катит рыжей лапой

Солнце в гущу трав!
Разбегаются кругами
И шуршат травой
Апельсины под ногами
И над головой.

Так висит над центром Рима,
Но от Рима спрят...
Апельсинами палимый,
Котьей мудростью хранимый,
Яркий, праздничный, незримый
Колдовской квадрат.
И проходят люди рядом:
Низкая стена,
А калитка, что из сада,
Вовсе не видна,
За калиткой вниз дорожка
Сто шагов едва...
Видишь, пробежала кошка?
А ещё пройдёшь немножко —
Деревенская дорожка,
Меж камней трава.

Ни палаццо, ни соборов
Не отметит взгляд...
Тут легко скатиться в город,
А вот как — назад?
Ничего не видно снизу:
Только склон холма,
Стен облупленных карнизы,

И дома, дома...

Меж булыжниками травка
Вдоль глухой стены,
Все дома, все церкви, лавки
От-го-ро-же-ны...
Как попасть на Авентино,
Этот холм холмов,
Где катает апельсины
Множество котов?

Сад исчез? Искать не пробуй
И не забывай,
Что волшебная дорога —
Эта сельская дорога,
И не всякому дорога
В тот котовый рай:

В ком хоть каплю зла людского
Заподозрит Кот,
Тот дорожку эту снова
Просто не найдёт.
Лишь немногим в сад старинный,
В тот квадратный рай котиный,
Где катают апельсины,
Путь укажет Кот...

Авентино, Авентино,
Не закрой проход!

28 июня 2007

FORO ROMANO

Обезглавленные аполлоны,
Капители в густоте травы,
Непристойно выглядят колонны —
Тоже иногда без головы...
Ты, идя на форум с ипподрома,
Останавливался иногда
На ступеньке голого проёма
Двери ниоткуда в никуда.

Запеклись кирпичные провалы,
Как следы прямоугольных ран,
А сквозь них глядится небывалый
Беспредельной синевы экран,
И теперь не верится, что кто-то
Даже не заметил никогда
Толщину кирпичного пролёта —
Дверь, что ниоткуда в никуда.

Пару тысяч лет — совсем немного
Тут патриций гордый и квирит
Собирались к пьедесталу бога,
Августа, что вечно говорит,
Так с тех пор всё что-то говорит.

Что ж когда-то было тут? Да травка...
Козы тут паслись. Ну, а потом
Тут была, наверно, чья-то лавка,
Чья-то жизнь и чей-то скромный дом.
Ведь простая жизнь, она такая:

Ходишь незаметно, сквозь года
Сам не замечаешь, проникая
В дверь, что ниоткуда никуда.
А быть может никакого дома
Тут и не торчало никогда —
Просто так всю жизнь она знакома,
Дверь из ниоткуда в никуда —
Жизнь без перемен, без перелома...
Лишь стена, глухая, как беда,
Небо открывает из проёма
Двери ниоткуда в никуда.

Площади? Башки веков летают
Там, с незримой плахи палача,
Где история напоминает
Цвет запёкшегося кирпича
Вся!
От троглодита до проклятой
Тени, нам курочившей года,—
Прёт, безглавая, как торсы статуй
Тоже ниоткуда в никуда...

26 марта 2010

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ЧУДЕСА

Разлетались ангелы по Риму
И трубят в беззвучные тромбоны,
Крылья шелестят неуловимо,
В ветви пиний прячутся вороны.

И одетый чопорно и строго

(Петербургский всё ж таки профессор!)
Вместо кузнеца Данилы — Гоголь
Сел на дрессированного беса!

И поводья взяв двумя руками,
Под дождём, лупящим по плащу,
Он пришпорил чёрта каблуками:
«Живо — в Рим! Не то перекрещу!»

Он запарковался под платаном,
Привязал свой адский транспорт крепко,
И себя похлопав по карманам,
Сел за столиком в кафешке «Греко».

Пётр-апостол буркнул: «Не положе...»,
Помянув и ту, и эту мать,
Но сегодня даже он не может
Чёрта с римской улицы прогнать!

Ангелам велит трубить тревогу,
Только им в подпитье дела нет,
Что вот в Риме лакомится Гоголь
Кучею пирожных и конфет...

Крылья шелестят неуловимо....
Над асфальтом и над чёртом сонным,
И танцуют ангелы над Римом,
И трубят в беззвучные тромбоны.

2 января 2012

МЫС РА

Pointe du Raz, Finistère, Бретань

Над головами сонных маяков
Мадонна неспасённых моряков.

В басовых скалах гул — обрывки слов
Всех бывших и не бывших катастроф.

Из всех, кто принесён был той волной,
Последним
Прихожу на край земной.
И шумно обнажает пена дней
Седое одиночество камней,
Где замерли у времени в тисках
Три купола на тонких маяках.

Три серых башни сложатся в одну,
Чуть выше пены небо натянув,
Чтоб занавес его ещё висел
Тут, где земля окончится совсем,

И в узких облачных полосках лент
Бетонный колыхнётся монумент.

1997

МЕА!

Если время стреляет как птицу влёт,
Если время стекает с морщин как пот,
Как стекают остатки дождя на кают —
И ветер считает их на скоростях,

Как приставшие к стёклам листья,
Как снежинки первые, как пустяк,
Не замеченный в рощах предместья,

Торопись:

Из групповой фотографии с надписью «Время»
Вырезают ножницами одного за другим,
И дырки, в плотной бумаге зрея,
Пропускают не память — фигурный дым.

И несолнечный день, и туман как сметана,
Сквозь него — только мутного солнца глазок...
Это — время пожухлой листвой платана
Улетает за ветреный горизонт,
Это — время вертится возле вечных вещей,
Вроде Сириуса, Любви и того же Рима,
Обтекая их, как скалу ручей,
И опять вырастает новый мир, тот, ничей —
Не из глины, брёвен или кирпичей —
Из ничего сотворённый рифмой.

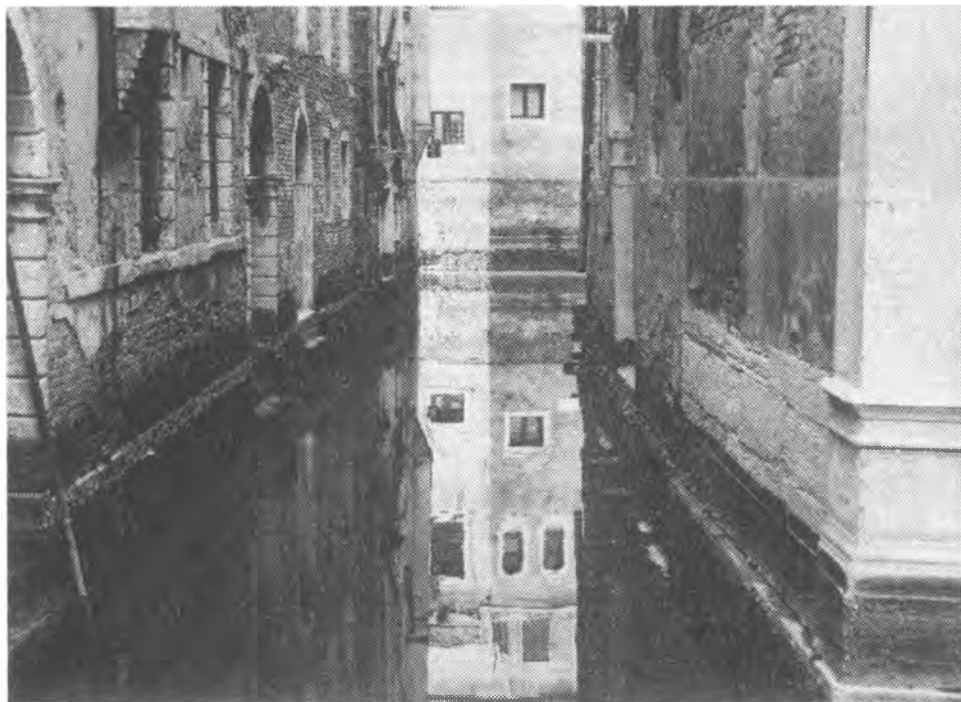
2004

Лиловый камень вместо тучи,
...Колонны тонкие, как пальцы,
В них ветер плачет монотонно.
Пригнулись травы, разбегаются.
Земля и небо — всё лилово —
Готово с грохотом распасться.
Уже белы одни колонны,

Колонны тонкие, как пальцы,

Ах, как же всё случилось скоро:
Под исполинским камнем тучи
Колонны хрупкого фарфора...

Рим, Форум, 2005

ИЗ ЦИКЛА «ВЕНЕЦИЯ»

* * *

Ну вот, мы и дома —
В Венеции нашей сырой,
От римского солнца
Нырнем в душевный покой.

Не там,
Где оркестры
Да фрески в толпе голубей,
А в тёмных
И тесных
Проулках, где ветер грубей.

У Рыбного
Рынка,
Где серый гранит в чешуях,
Мелькнёт серебринка
В ленивых волнах — не волнах...

У столбиков
Пёстрых,
Где зыбью — то вверх, то вниз —
Гондолы,
Как сёстры,
Посплетничать собрались.

1992

* * *

Там, где гулки узкие кварталы,
Там, где даже в полдень — полутьма,

И над переулками каналов
Охрою бордовой дома,
Где открыты лавочки пустые,
И коты блестят от тишины,
Только из ближайшей пиццерии
Голоса людей еще слышны —
В этой тесноте, сырой и тленной,
Ночью — словно жабрами дышал...
Нужно было тут же, непременно
Выйти, выйти на Большой Канал,
Где тяжёлых волн бескрылый танец
Беспокоит утренний туман,
И единственный венецианец —
В чёрной треуголке Шагинян...²⁵

Чёрные гондолы, выгнув спины,
Пляшут на волнах небывших рек,
Окна — отражения дельфинов,
Тех, что тут не плавали вовек!
Крытый мост Риальто — узкий терем —
Напружинил тяжкую дугу,
В ней остаток облачка потерян
И рассветом сыплет на бегу.
Рваного тумана укоризна
Не смутит промозглую судьбу...

Только брызги, северные брызги
Долетают к львиному столбу.

1990

* * *

Продаются лукавые маски.
А листвы в этом городе мало.
Сыплет ветер аккорды неясной
Мандолины с Большого Канала.

Лёгкий вечер. Тонкие струны.
Холодней дыханье асфальта.
Крики чаек слышны от лагуны.
Толчея на базарном Риальто.
Расшумелись в каменной раме
Волны, взбитые катерами.

Не хочу их пенного гула —
Наугад сверну в переулок,
В ту стеснённую стенами высь,
Где двум лодочкам не разойтись.
В тёмных лавочках прячутся сказки,
Только этих сказок концы —
В воду...
И никакой огласки...

Продаются лукавые маски
И лукаво молчат продавцы.

1992

РЫБНЫЙ РЫНОК В ВЕНЕЦИИ

На Большом Канале, где выстроились палаццо в стиле нечистого,
кичащегося мавританской примесью барокко,
над чёрным лаком гондол, которые безнадёжно ждут туристов,

над полосатыми причальными столбиками от пристани сбоку —

Рыбный рынок.

Он опустел: в полдень всё закрывают.

Кончен бал. В ящики со льдом — непроданное добро.

Уборщики змеящимися шлангами смывают
с прилавков чешую — карнавальное серебро.

По мрамору, ещё грязному, базарно крича,
бродят, клюют что-то чайки — все, какие бывают на свете.
Но занятые уборщики чаек не замечают...
Впрочем, это взаимно, надо отметить.

Одна громадная переваливающаяся чайка
в пижонском сером жилете
гоняет, оставляя красный след, большущую голову тунца,
другие — помельче — веселятся не завидуя, или эти
только делают вид, что не завидуют, чтоб не терять лица?

Но где же тельняшки, соломенные шляпы,
квадратные плечи весёлых продавцов?
Фартуки кокетливых торговек, тяжёлые, жёлтые?
Только валяются хвосты скумбрий, головы лососей и тунцов,
да кое-где потроха цвета крови и жёлчи.

Чудовищная чайка — единственная хозяйка
базарного праздника без ненужных людей,
а может даже, на краткий час, и Хозяйка
Канала. А может — и Венеции всей.

2003

ИЗ ЦИКЛА «ВЕНЕЦИЯ. ЗИМА»

Жалоба кота

Блик солнца съёжился в углу.
Сполз незаметно по стене,
Ему на мраморном полу
Так неуютно... Вот и мне.
Пустой венецианский дом.
Тоскливо прячась от туристов,
Тут на диване я с котом.
И за стеной играют Листа...

— Нет, чтоб Вивальди, чёрт возьми! —
Мурчит мне полосатый кот —
Морока с этими людьми,
Ну, всё у них наоборот...
Не знаю уж, какой властитель
Наляпал тысячи мостов,
Но город на воде, простите,
Не предназначен для котов!

Я зимой купил в Венеции
шутовской колпак с бубенчиками,
Карнавал недавно кончился,
но остались колпаки...
Да и маски не распроданы,
хоть давно в них делать нечего:
Все баутты по домам сидят
и сдыхают от тоски.
Да... Остались колпаки...

Я вернулся из Венеции
и пристроил шапку пёструю
Где-то рядом с книжной полкою,
и теперь уж навсегда
Между полкой и компьютером
дребезжат его бубенчики,
Шутовской колпак — на глобусе —
там ему и место. Да!

* * *

Холодный ветер от лагуны...

А.Блок

Ветра не слышно. Не воздух, а холод.
Зеркало чёрных каналов. И там,
В злой тишине, есть единственный голос:
Только шаги по своим же следам...

Где-то огни над лагуной пасутся.
Не отлипает от холода плит
Воздух недвижимый... И города блюдце
Только твоими шагами звенит,
Их повторяя над холодом плит...

Воздух недвижим. Не воздух, а холод.
И в пустоте — всё от тех же шагов —
Где ни пройдёшь, остаётся осколок:
Звук, отражённый от всех берегов.

2008

ПЕСЕНКА ШУТА

Говорят, что шуты — несерьёзный народ,
Говорят — средь людей по мозгам в лёгком весе я,
А получается — наоборот,
Ибо я — шут по профессии.

Кто имеет бубенчики над головой,
Тот отличен от всех в человеческом месиве:

Хоть колпаком, но торчит над толпой,
Ибо он — шут по профессии.

Если ждёшь холодов — надеваешь пальто,
Если маску надел — ожидаешь репрессии...
Роли шута не минует никто,
Кроме... шута по профессии.

1968 (из кукольного спектакля «Всё повторится»)

* * *

...И был дождей фальшивый лак,
И нетерпение такое —
Как мальчик тот, что просто так
Зачем-то джинна беспокоил;
Добро бы гнался за строкой,
Какой-нибудь там небывалой,
Добро б — трясущейся рукой
Ощупывал углы подвала, —
Так нет же: шарил наугад —
Где попадя, без всякой цели,
И не было таких рулад,
Которые не надоели,
И не было таких картин,
Которых жизнь не отменила,
И не огонь, не дым, не джинн —
А было только то, что было:

И город, полный кутерьмы,
И пригородов сонных бредни,
И монотонность той зимы,

Что оказалась не последней,
И как обломки медных ламп,
Как новонайденная Мекка,
Был тот четырёхстопный ямб,
Не устаревший за три века.

12 марта 2000

*** * ***

Конец Фауста — это как Симеон:
«Ныне отпускаеши». Так и получилось.
Неважно, что и адресат, да и стиль — не тот...
Ведь и то, и другое — сдача на милость:
Так славно признаться, что ты — банкрот!

Но жаль на банкротов мне тратить время,
Задорого взятое напрокат,
Важней, когда вдруг спохватываемся в ноябре мы,
Что вот, ещё в мае упущена строка,
Что всё ленивей — в дождь из-под крыши.
Что недели бегут не по одной, — гуртом...

И всё меньше читаешь, всё больше пишешь
И о том, что всего не успеть, и о том,
Что жизнь бездонна, но не бездонна,
Что вот ещё скатываются капли с весла,
И что пусть уродлива, пусть никчёмна,
А всё-таки та Атлантида всплыла!

Медон, 26 августа 2004

Ямб связан с осенью. Но не
Её, а ямба я боялся,
(Банальность что ли мнилась мне?)
Зато сливался дактиль вальса
С листвой, кружащейся в окне,
Хоть осень, в общем, не по мне.
И об неё я спотыкался
Не раз и в яви, и во сне....

Нет, лето всё же многозначней...
Над средиземною волной
Кружит мир лепестков прозрачный!
Он олеандровой стеной
Скрыт от еловой чащи мрачной,
Скрыт с пиниями (и со мной)
От шума улицы ночной,
От рока музыки стальной,
От грядки дачной пастерначной,
От города и городка...

А вальс?.. И вальс умолк,
Но, вроде —
Копытный стук издалика —
Там скачет год верхом на годе,
А я пойду пешком, пока.
Ведь ясно же, что ноги ходят
До той поры, пока строка
Звучит...

15 января 2012

Эти камни болтливы, а те — бессловесны,
Ко всему мы привыкли.
Кто Европу в Европу увёз, неизвестно:
Зевс ли, бык ли?

Мир, где боги всё возятся между собой —
Жизнь в романах и ссорах! —
Ограничен людской мифогенной судьбой
В Средиземных просторах...

Мир, в котором не сыщешь начал и концов —
Ну, спалённая крепость,
Да убитых побольше, чем было бойцов —
Именуется «эпос».

И Аякс, и Ахилл, и Арес, и Зевес,
Сочинителю вторя,
Грозным криком трясли основания небес —
Пострашнее, чем в Торе.

Да сравнить ли ходьбу по Синайским холмам
И сердитых сограждан торжественный гам —
Сорок лет Моисея —
С пёстрым шляньем по греческим по островам
Хитреца Одиссея?

А пока Одиссей шлялся по островам,
Да по койкам Каллипсих,
Претенденты на руку жены его там

Рок-н-ролл или липси...

Всё танцуют, да пьют из его погребков,
Ну и жрут эскалопы...
Но откуда взялись целых сто женихов
Для одной Пенелопы?

Кто, когда сляпал постмодернистской рукой —
Эту книгу, где вместе —
Сатирический трёп, и роман плутовской,
И роман путешествий?

Кучу книг самых разных — мы тоже смогли...
Но длиннее, скучнее
Или, может быть, Эко на пьянке взял и
Сочинил Одиссею?

9 июня 2012

* * *

Привычно, даже уютно,
что лето переоденется в зиму,
И зима — переоденется, или уступит лету.
А самые грандиозные происшествия быстро становятся
Позавчерашними известиями.
Вот Римский Форум на гравюре — был и есть,
Тут тебе и колонны, и неровный кусок стены,
А вот автобус какой-нибудь — мимо — и нету!...

Изображения остаются,
Альбомы становятся все пuzатей,

Картины с каждым их возвращением
Глядятся ещё живей...
Тут и осознаёшь: жизнь твоя — одно измерение,
И совсем другое — недолгая жизнь собаки,
И уж вовсе другая мера для мышки,
Деловито шастающей по дому,
Ну а для деревьев время ползёт совсем по-иному...
Так правда ли, что человек — мера всех вещей?

Возраст собаки —
По сравненью с возрастом мыши — вечность
Но мышь об этом и знать не может...
Ну и возраст дерева
по сравнению с возрастом собаки — вечность,
Но ведь собака об этом не знает тоже...
Иногда я завидую псу,
Спущенному с поводка в лесу,
Когда без особенного азарта
Собака занята чем-то, чему-то рада,
Но главное — не думает, что вот завтра
Ей будет что-нибудь очень надо...

Банально?
Не более, чем это стихотворенье.
А подумать — ничего, кроме банальности на свете нет...
И выбирать новизну,
Или обновлённое, но всё-таки повторенье,
Требует само чередование зим и лет.

2 августа 2012

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Осень явилась разом, и не прося пристанища,
Замельтешила узором дубов, узкими листьями ив,
(Будто опять «Турандот»
старик Антокольский поставил,
И свой, и вахтанговский замысел наново перекроив).
Осень осиновою мелочью засыпала холмы у моря,
Отменила хвастливость роз и скромность яблонь,

Но, противозаконный, там где-то,
в опустелых Содоме и Гоморре,
В полумёртвой, медленной тишине заливается зяблик. Зяблик...

И я снова леплю строку из бретонских, холщёвых пейзажей,
Из зелёной бегучей волны Средиземного моря, из
Капризных парижских набережных,
Из смятых созвездий, и даже
Из самого этого неконкретного понятия: каприз.
Что ж, пускай себе осень гасит свечение брусничных бусин,
И зелёный, в медной кроне, отливающий лаком орех,—
Но не смолкнет, звенит бронзой клён,
Но церквушки — белые гуси,
Где-то пьют и пьют студёную воду северных рек...

11 марта 2006

Есть три эпохи у воспоминаний...

А.А.

...Ещё три запаха я знаю у растений:

Один — с рассвета над базарами висящий,
Другой — цветущий — запах женщины в постели,
А третий, мрачный — из лесной болотной чащи.

Ещё — три возраста: один — за жизнью гнаться,
Второй сам за собой бежит и дни, и ночи,
А третий — только бы ни с чем не расставаться:
Не зря он первым обернуться вечно хочет!

Ещё — три голода: один — простой, как корка,
Другой извечный, никогда не утолимый:
Ладоням гладко, а губам и телу — горько...
А третий гонит так, что всё на свете — мимо,
Кроме стиха...

18 апреля 2011

СТИХИ О ПРОЗЕ

А. Кушнеру

*Ум ищет божества, а сердце не находит
Пушкин*

А была ли она — благодать?
Та, простая, которую только
Можно бунинским часом назвать?
Без сомнений, без смысла, без толка
Устоялась уездная мгла.

Как щедра ты, небесная милость —
На перине купчиха томилась,
Не иначе — студента ждала.

То ли «Нивы» измятый листок,
То ли скука апухтинской блажи,
Всё впечатано в память, и даже
Из за леса дымок да свисток...
Эту глушь станционных платформ
Бунин как-то сумел — без описки:
Ямщики, паровоз, гимназистки,
Лошадиный рассыпанный корм...

И закат перед криком совы.
Эти сумерки, сад... и вопросы.
И медовы тяжёлые косы,
Что обёрнуты вкрут головы.
Эти пухлые, душные руки
Под сосной разливавшие чай...
Грань веков, ты прекрасна — прощай.
Только память — зубастее шуки.

И на год взгромождается год...
Не по щучьему что ли велению,
Всё давно похоронено под
Лепестками вишнёвых деревьев,
Расплылись, растворились в дали
Монастырские синие главы,
И поля не сберечь от потравы,
Да и книги в усадьбах пожгли.

Видно впору твердить наизусть
Разбегающиеся приметы:

Это ровная жёлтая грусть,
Это гроздь черёмухи, это —
Одичалая, злая сирень,
И в рассветах тяжёлая мята,
И забытая где-то, когда-то
Вековая кленовая лень.

Хоть бы набережную в Крыму
Отличить от церковной ограды.
Прав Толстой: ни к чему никому
Колокольни, молитвы, обряды...
Что молиться? Уж лучше письмо
(Не забыть только марку наклеить!)
И дойдёт оно к Богу само
Покаяньем о тёмных аллеях.

1996

ПОСЛАНИЕ АЛЕКСАНДРУ КУШНЕРУ

*Известный, в сущности, наряд,
Чужая мета:
У Пастернака вроде взят.
А им — у Фета.*

.....

*На всякий склад, что в жизни есть,
С любой походкой —
Всех вариантов пять иль шесть
Строки короткой.
А.Кушнер.*

Чуть начал этот стих писать
И вспомнил сразу,

Что тут придётся повторять
Ритм, а не фразу:

Фет, Пастернак, и Кушнер... (и...
И я туда же!)
Что? На один мотив стихи?
Какая лажа!

Коротких строчек карнавал.
Не сходны те, и...
(Тут Бродский тоже побывал:
«Пьяцца Маттеи!»)

Пусть даже строчки на рога
Полезут к чёрту...
(Ямб, думаете? Ни фига:
Пеон четвёртый!)

.....

Перед рассветом город пуст,
(Сны — по фасадам...)
А лес? Не зря строфа и куст
Ветвятся рядом!

Неисчерпаемость лесов
Совсем не значит
Однообразия стихов —
Тут всё иначе...

О прозе важно говорят:

«Не всем по силам»!
Так нам ли в их калашный ряд
С кувшинным рылом?

В романах уйма суеты,
Да беспокойства...
А у стихов, сам знаешь ты,—
Иные свойства.

Есть и кларнеты в их роду,
И барабаны....
За строчками я в лес иду
Как за грибами...

22 октября 2011

НЕЗАВЕШЕННОЕ ОКНО

Проходя переулками незнакомого города, кривыми и длинными,
Особенно к вечеру, когда становится полутемно,
И каждый твой шаг удивлён зыбкими, сменяющимися
картинами,—

Вдруг останавливаться перед домами, красивыми и старинными,
Спугивая дроздов за узорными решётками палисадника —
Это ведь всё равно,

Что пользуясь книгами, или даже статуями и руинами
Подглядывать за древними греками, как в чужое окно.

Или — в пещере, где живопись аж семнадцати тысячелетий,
Рассматривать портреты животных, из которых порой одно
Нарисовано на другом... Быки и лошади эти
Тоже подсмотрены через чужое окно!

Невелика разница — разглядывать ли соседку, развалившуюся на
диване

(Мимоходом, в распахнутое окошко, на доступном для глаз этаже),
Или кариатиду принять за прохожую в вечернем тумане,
Или стоять перед Венерой Джорджоне, виденной не однажды уже?

Истории, кажется, нет... А, возможно, и быть не может:
Хоть в камне, хоть на бумаге — так немного запечатлено!
Ну, предположим что с улицы вечером случайный прохожий
Просто от делать нечего заглядывает к тебе в окно...

Что он видит? Случайный миг...

И не по чьей-то воле

Тень от прошедшей жизни — в застеклённых отрывках дана...

А вот когда быки или лошади просто пасутся в поле,

Или дрозды перед носом скачут —

Нет чужого окна!

28 октября 2011

Тем, кто в чашах готических не был,

Трудно даже вообразить,

Что готика колет небо,

Чтобы совесть его пробудить...

Да? И только-то?

Ведь, едва ли —

Чтоб у неба совесть была...

Но от всех, кто тут прежде бывали,

Остаются частички тепла...

Где-то новенький замок строят,
Так, как строили некогда их:
Каждый камень отёсан рукою,
Возят лошади что-то такое,
Да и рвы там — лопатами роют,
Известь гасят... Машин — никаких!
Только всё-таки замок этот —
(Ни следа в нём, ни памяти нет!) —
Лишь театр, где актёров нету,
Декорация давних лет.

Можно выстроить хоть Нотр-Дам,
Даже вообразить себя «теми»,
Но никак не пройти по следам
Тех, кто там оставлял свои тени.
Но зато — вдруг представишь едва,
А уж память приводит к тебе их
(Ну, как рифма приводит слова,
Но отчётливее и грубее).

Будь то Прага, Париж или Рим —
Ни концов, ни начал не найдёшь ты.
Тут важнее приметы того, что
Всякий век перемешан с другим...

Хоть конечно, Адаму и Еве
До Джульетты и дела-то нет,
Но мерцают в фонтане Ди Треви
Серебристые рыбки монет.

8 ноября 2011

СЕГОДНЯ

Ненужные книги толпятся
В шкафах, таких же никчёмных,
И край 21-го века
Уже успел приподняться
Над этажами переполненных полок,
Лакированных, пыльных и тёмных.

Когда-то в Кириллово-Белозерском монастыре
В писарской опустелой палате
Письмо в Печоры собратьям своим
На сером бумажном квадрате
Писал отец Никодим:

«Вот и кончилось наше искусство,
С досок делают дюжинами книги,
Будто пряники печатные пекутся!
И по почерку теперь не узнаешь,
Кто писал-переписывал ту книгу,
Ибо все одинаковы, ну точно
Как подрясники в ризнице ночью!
Нет на буквицах ни золота, ни киновари,
Даже имени того, кто годами...»

А на этом письмо и обрывается...

Прошли пять веков Гутенберга.
А ещё — бесписьменной кучею
Времена до Гомера, когда-то...
От всего остаётся в лучшем случае

Обломок музейного экспоната,
А порой — лишь вторая дата!

Но по книжным магазинам народ всё толпится,
Будто претендуя на очевидное знание,
И никто ни клочка прошлому не отдаёт:
Ни желтизну бумаги, ни её шуршанье...
Так цепляются хоть за шорох полутёмной страницы,
Хоть за растресканный кожаный переплёт,

Даже за невнятные запахи пыли...
И кажется, всё так просто,
Ну как будто курткой заменили пальто,
И о нём давно позабыли...

А вот что потеряли и что получили —
На самом деле не знает никто...

7 января 2012

РИФМОВАННЫЙ ГЕКСАМЕТР

Тут кругом ежевика росла,
а сейчас и малина. Не странно?
Да и яблоня выросла там,
где недавно был чертополох,
А ведь всё это просто последствия
давнего урагана —
Ну того, что пол леса
с собой за какой-нибудь час уволок!
Он как раз прошумел
по границе двух тысячелетий,

Свято место — не зря говорят — не бывает пустым:
Вновь наполнился лес:

 взвился вереск в лиловом расцвете,
Рядом праздничный папоротник
 оттеняет узором кусты.
Старый лес был владеньем
 властных дубов, да зазнаек каштанов.
Но его феодальная суть,
 устарев, отжила как слова...
Новый лес распестрился, расцвёл
 на открывшихся солнцу полянах,
Чтоб напомнить о том,
 что бывают ещё и цветы, и трава!

Пять веков Гутенберга кончаются
 как-то внезапно и резко.
Значит — книге с папирусным
 свитком Египта сравняться судьбой...
Разве нашим домашним библиотекам
 отыщется место,
Где экраны всех видов и форм
 им грозят дымовой трубой?
Сколько водки, однако, ни делай —
 виноградные выживут лозы,
Сколько лайнеров ни понастрой,
 над морями шумят паруса,
Сколько сшито верлибров
 и прочей нарочитой сомнительной прозы,
Но гекзаметр и ямб сохраняют свои голоса!

9 апреля 2012

ВЗГЛЯД НА НЕЧТО

1.

Ох, как завален стол передо мной!
Обилие предметов обосновано,
Но всё же ограничено стеной,
А замкнутость пространства продиктована
Причиной неотвязно возрастной...

Привычно всё своё, как чашка чая —
Хоть ближний лес, хоть стулья вокруг стола,
И что мой стих, меня не замечая,
Подсовывает к носу зеркала...

2.

Вот шкаф — альбомы, книги и кассеты —
Ну, белый потолок над головой
А вот интересуют нас предметы
И времена, поросшие травой.
Тот быт, которого давно уж нету,
Чужой — нам интереснее, чем свой.

Чуть отодвинешь чашку из-под чая —
История, качаясь и тощяя,
Капризно нас подталкивает в путь.
Куда, зачем зовёт, сама не зная...
К примеру, на Алезия взглянуть.

3.

И словно ты пакет с прошедшим взрезал:
Так что ж там смутной памятью дано? —

Мечи. Щиты. Верцингеторикс. Цезарь...
Крошёнйй камень, ржавое железо,
Банальное фалернское вино...
Хоть амфоры пусты давным давно....

4.

И хулиганит память: всё, что скрыто,
Вдруг явится откуда ни возьмись.
Между археологией и бытом
Нет пропасти,— есть только взгляд и мысль?

Вот миска, из которой к Пацюку
Вареники скакали в рот той ночью,
Под Рождество, и видим мы воочью
Сквозь время и весёлую строку,
Что миска стать должна музейной миской...
Неважно, что колдун набил живот —
Всё дело в слове Гоголя — и вот
Вареники веками не прокиснут!

5.

Своя географическая карта
У каждого, отлична от других.
Порой апрель случится прежде марта
И серой прозой обернётся стих...

Предмет ещё не текст, но текст за ним
Выходит неминуемо из тени.
Как только вдруг его мы проясним,
И сам он прыгнет в рот, как тот вареник:

Так Гоголю перо, так ведьме веник,
А памяти предмет необходим!

6.

Глухая неизменная крапива...
Въезжаешь — деревенька тут была —
Меж домиков пятиэтажка криво,
Да рядом три каштановых ствола...

Среди бульжников — остатки рельс
Когдатошнего давнего трамвая...
Нередко заглушая голос месс,
Полвека тут ходил он, огибая
Округлый пруд... А над прудом ветла
И церковка (от времени кривая)
Из жёлтого песчаника — цела.

У церковки почти тысячелетней
Неистово магнолии цветут,
И одуванчики, чтоб стать заметней,
Всей желтизной заглядывают в пруд.
Всё, как тысячелетие назад,
И вдруг... нет, не колокола звонят:
Но что-то тут играет с тишиной?
Давно минули времена трамвая...
Откуда ж, маску с времени срывая,
Он возродился, хоть слегка иной?

А в церковке рядок старинных книг...
Они — не рельсы, возвратишь ли их?!
И в стороне две нитки новых рельс...
Пусть не Христос — так хоть трамвай воскрес!

7.
Асфальт — он серый, гладкий и пустой.
Заменены асфальтом — и недаром —
Панели по старинным тротуарам,
Те, что звались лещадною плитой,
Или пеньки торцовой мостовой
(Их плашками тогда именовали)
И молотами их в песок вбивали,
Плотнее подогнав одну к другой.
Любая восьмигранником затейным
Смотрелась... Их убрали. На Литейном —
Последнюю в тот год, в тридцать седьмой...

8.
«Я и пейзаж» сменяется с годами
на « я и интерьер»... Почти в любой
Квартире неизменно правит память
Всей археологичной чепухой.
Вот фотография в старинной раме —
Прочти-ка, что таит за слоем слой...
Так археологичны интерьеры —
Превыше всяких мер и всякой веры.

9.
Тюльпаны в вазе — вовсе не не предметы,
Им выдан статус временных жильцов.

А впрочем, и на нас есть та же мета,
Поскольку их судьба в конце концов...
Как для кого — мир комнаты — таков.
Но и пейзажу ведь не чуждо это:
Не настоящим остаётся лето,
Пока его листва не влезла в стих.
И существуют вечно — не предметы,
А то, что было сказано про них.

14 апреля 2012

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

Перебирать как бусины минуты
День состоит из них, да не совсем,
Ведь в нём запутываются как будто
Десятки никому не нужных тем
Лежащих в беспорядке беспричинно
Как на столе не слишком-то пустом...
И выбрать ту, где промелькнёт машина
Под радугой, как под цветным мостом

Перебирать, ухватывать мгновенья,
Заткнув часов невидимую течь,
Чтоб как-то избежать осуществления
Каких-то никому не нужных встреч

Так, чтобы тень осталась только тенью
И разве доказательства нужны,
Что вспыхнувшим сиреневым цветеньем
Все мелочи опять отменены

30 апреля 2012

Всюду, куда б меня ни занесло,
Я брод находил и в огне.
Уздечка, баранка, педаль и весло
Надёжно служили мне,
Я честно чужим был в толпе людей,
И жил как попало, без всяких затей,
И по фигу мне хоть святой, хоть злодей —
Собака и чайка куда важней,
Да светлый тополь в окне.

И радостны мне хоть закат, хоть рассвет,
Держу я перо, или плеть, или плед —
Но знаю — особенной разницы нет
Меж цирком, и просто судьбой.
А ценная чаша мне, или бадья?
Да лишь бы полна была по края!
Какую бы роль ни разыгрывал я —
Всегда остаюсь собой!

28 октября 2012

ПРОСТО ТАК...

Чертить что-то архимедное палочкой на песке,
Лопать козий сыр, попивать разведённое вино...
А лет через пятьсот вдруг придёт
Дикарь в железной кастрюле на дурацкой башке,
И вот уже многое немисливо усложнено!

А настоящее всё из простых игрушек произошло, как ни странно:

Как поэмы — из мифов, и романы из притчей про дураков,
Даже электроника в конечном счёте — из рыбки, той деревянной,
Которая была первым компасом эллинских моряков.

Дикость вечно полна значительных ритуалов:
И спустя лет ещё... ну, скажем, опять пятьсот,
Каких только выкрутасов история не наизобретала:
Всякие пушки, да кринолины, все несчётные «сверх...» и «под...»...

А когда эта важность ритуального быта
Расхулиганившимся Возрождением потеснена была,
Она подарила на прощанье нам растресканное корыто:
Вернуться к античности Европа так ведь и не смогла!

Настоящую Элладу мы ощущаем в почти музыкальном желанье
Сыр и маслины жевать, пить вино, топтать куда-то сквозь курчавый
пейзаж...

Это легко удаётся, если оставить за бортом вниманья
Все солидные сочиненья, прежде, чем их нащупает карандаш...

Вот морковка для ослика святого Мάρтина,— это достойно!
Или — когда Пан, из озёрного тростника смастерил свирель...
Настоящая история — не интриги, да войны,
А смена сказки сказкой —
Неожиданный результат, а не цель!

25 ноября 2012

О СТИХАХ, ГЕОГРАФИИ, СОБАКАХ и т.д.

Баллада

Из волн морских стихи придут
С чернофигурной вазы в лаке,
И вот гомеровские драки
Перед глазами оживут!
За сотни лет, за кучки дней
Не сдвинешь прошлое на палец:
На карте разглядит скиталец
Следы ахейских кораблей!

И карты, и стихи хранят
Сказаний тёмные осколки:
Хоть атлас взять, хоть книжку с полки —
Они былое оживят.
Сам Аполлон согласен даже,
Что в серой суматохе дней
Не хуже карты стих покажет
Следы ахейских кораблей.

Envoi

Чтоб Вы, мой друг, не заскучали,
Рабле напомнит Вам: «Налей!»...
Плюх! — И отыщутся в бокале
Следы ахейских кораблей!

Триолет 1

Из волн морских стишки придут,
Отряхиваясь как собаки,
Улягутся у ног Бетаки,

Затявкают: «Мы тут! Мы тут!»
И к чёрту измы все пошлют
И все мистические знаки...
Из волн морских стишки придут,
Отряхиваясь как собаки.

Триолет 2

Следы ахейских кораблей
В стихах, как на воде, остались,
Они в веках не заплутались,
Следы ахейских кораблей!
О старых формах, не жалея:
Сплетенья строк не утерялись —
В стихах, как на воде, остались
Следы ахейских кораблей.

18 декабря 2012

ПЕРЕД НОВЫМ ГОДОМ

В четыре часа ещё светло и совсем не зима.
Не очень украшены даже витрины, мимо которых
Надо протиснуться под цветные лампочки.
У входа в кафе сгущается полутьма,
И проходя в глубину,
Прикасаешься
К обрывкам чужих разговоров...

Так забавно притворяться тут посторонним
И подолгу разглядывать виденное не раз!
А зачем?
Никто ответить не сможет...

Важней подождать, пока неопределённый час
Уступит место вечеру, который болтающих не потревожит...

А когда выходим,
Сначала фонарь заглушает полусветящееся окно,
Нарисованное на сумерках желтеющим силуэтом,
И велосипеды мелкими фарами полосуют стену,
А потом вокруг фонаря становится и вправду темно,
Но тьма сгущается так негромко и постепенно,
Что хочется поймать подвижную грань
Между ней и светом.

28 декабря 2012

ЁЛОЧНЫЙ СОНЕТ

*Плюшевые волки,
Зайцы, погремушки.
Детям дарят с елки
Детские игрушки.
К. Симонов*

На трактор нападает Дон Кихот,
Козлёнок разлетается в осколки,
Играет с медным саксофоном кот,
Ёж со слоном встречаются на ёлке,
К ракете прилипает рифма «волки»...
Включим-ка свет... Ну что произойдёт?
В окошки домиков скользнёт восход,
А может лисий хвост помашет с полки?

Тут повар врёт, что мушкетёром был,
Медведь на скрипке танго запилил,

И мяч бурчит что он не шар, а призма...

Семь лампочек мигнут — зажгутся пять...
Но ты едва ли станешь утверждать,
Что Новый год — источник абсурдизма.

3 января 2013

Бронзовые музы
На «Двенадцати дорожках» в Павловском парке
Даже на фотках
Напоминают о тех, с кем я когда-то дружил...
Где они все?..
Об этом знают разве античные Парки,
Или чужих городов безвестные этажи,
Стены, да клетки окон...
Непонятно, чего ради
Людей безнадёжно прячет
Многоэтажный дом?
Вот и лето скрывается в жёлтой осенней громаде...
Ну, где ромашки, лаванда, мята?
Аккорды осени однообразны, как метроном.
А если от чего и зависят, так от времени суток: это
Ночь пропускает их нехотя в напряжённое бытие...
Вот и лица в памяти — неизрасходованные обрывки лета —
Вламываются в осеннюю ночь
И хоть немного, но перекраивают её!

13 сентября 2012

Живём на грани того, чего не знаем,
А неизвестное — всегда в засаде...
Один за другим убегают — и всё краем, краем
Автобусы по автострате.

В них люди пересыпаются,
 как на откосе галька,
От виражей и толчков просыпаются,
От беготни суетливых минут,
Или от некрутых поворотов лет...
Никак не могут себе признать
И всё сомневаются —
Ненадёжен
Любой предмет!

...Заходят двое
 в двери деревенского «Макдональда»,
Заглядываю им вслед —
А их — нет...
Они уже где-то,
Куда спешит уходящее лето...
Оно пока что медленно
 поворачивается к нам спиной,
И зачем-то в особенно ярком свете
Простого, ничем не примечательного дня
Оборачивается то деревом, то стеной —
И все малозаметные метаморфозы эти
Тоже оказываются клочками меня:

Ведь что-то должно напомнить зимой
Про этот прибой или этот пёстрый ветер
Который пока ещё спит на ближних горах.

Может, он сам и напомнит хоть раз-другой
О лесных белках, о морских катерах,
Или выдумает что-нибудь... ну, например, о китах...
А вот что расскажут чёрно-синие гроздья винограда,
Хранители памяти — мидии эти,
Пристроившиеся на кустах, кустах, кустах...?

Сентябрь — 25 ноября 2012

*** * ***

*...чтобы Адам дал имена им всем
«Книга Бытия 1»*

У музея Орсэ чугунные звери
Бродят туда-сюда,
Бронзовый зелёный львище
У метро Данфер застыл на страже,
И удваивая, медленно уносит вода
Куда-то на запад, в море,
Городские пейзажи.
Город не встроится в строчки о нём никогда,
Да и статуи этих строчек о них не заметят даже...

Человеку только человека — невероятно мало,
Пусто у Мёртвого моря, где даже и птиц нет...
Так может геральдических зверей в истории столько мелькало,—
Не только, чтоб кто-то происхождением похвастался через
сотни лет?

Люди — единственные летописцы
Того, что случается и с природой, и с ними.
Для кого это всё пишется?
Да для себя самого!
Ну, зачем Адам давал каждому зверю имя?
И кто бы смог оценить ерунду эту, кроме него?

Хошь не хошь — мы — единственное явление природы,
Способные сохранить Книгу
Бытия своего и не своего,
Летописцы собственной летописи —
Пишем годы и годы...

А что ещё мы делаем кроме?
Да ведь действительно ничего!

10 ноября 2012

Разрушается прочное:
Камень, к примеру, не вечен...
А вода? Что с ней сделается, с водой?
Время — тоже вода.
И зная о том, — делать нечего —
Пофилософствуй над темой, с виду довольно пустой...

Разнообразие пейзажей живёт —
Только в царстве средних широт!
Не случается так изменяться
Ни тропическому лесу, ни снежной пустыне...

Проходя по улице где нет деревьев,
Видишь, как время стынет...

А у меня за окном качается тополь,
И пёстрые листья в окно,
Как чьи-то записки, шлёт...

Нет зримого времени, если оно
Только стрелки часов —
 не привязана к ним погода,
Бега мелких минут и разглядеть не дано:
Бесследно теряются разрозненные обрывки года —

Ведь так мы и ждали бы в тропиках, пока случайный банан
В пасть залетит, как листок, в окно занесённый, или
На севере рыбу, долго над прорубью сидя, ловили...

А в наших широтах — время как хулиган
 Свистит, размахивает кнутом:
Всё здесь и сейчас.
Никаких тебе там «там» и «потом».

26 ноября 2011

Личность летнего дерева скрыта листвою
И от взглядов так заслонена...
Лишь когда всё осыплется — только зимой
Разглядишь на стволах письма.

В этих чёрных узорах живут письма —
В них древнейшая мудрость есть,
Ещё в те, в те записанная времена,
Когда некому было прочесть...

Ну какую же клинопись можно сравнить
С тесным текстом, с древесной корой?
Разве что... вот когда-то... и так... может быть —
Был пограмотней зверик лесной?

Да не только в лесу. Даже тут, во дворе
Тоже скрыто немало всего,
И не думай наивно... что в тёмной коре
Не рассказано ничего,

Кто б сумел разобрать эту вязь. Да, постой —
Повесть до-временных этих лет,
Если нам не прочесть уж и вовсе простой,
На снегу хоть вороний след?

Впрочем крестик вороний читать? Ерунда:
Всё же не забывай о том,
Что безграмотный и человек завсегда
Расписывался крестом!

Личность зимнего дерева перед тобой,—
Но как взглядом ни шарь по стволам,
Никому не дано идиотской судьбой
Разобрать, что написано там...

Буквы там в завитках, а не просто узор,
Столько смыслов упрятанных есть —
Так взлетающий в готике старый собор
Целиком никогда не прочесть.

Скрытый в переплетениях витражей,
Персонажей и символов ворох
Нам рассказывает многоцветностью всей
То, что знать нам дано о соборах...

А собор ни один не похож на других,
И органно звучит — не бумажно —
И раскручивается, как медлительный стих,
Где всё стройно и чётко и важно...

Контрфорсы ли, своды в пути к облакам,
И лесной безымянный труд,
Мир забрасывает безвестным векам,
И не знает — найдут — не найдут...

Ну а вдруг этим текстам и впрямь повезёт
Хеттской письменности судьбой?
Или — как той записке в бутылке, что вот —
На песок нам выносит прибой?

1 ноября 2012

*** * ***

Читать актёры не умеют:
их так заботит «выражение»,
что стих обычно прозой блеют,
лишая ритма и движенья...

Читать поэты не умеют:
фальшивый темперамент пены,
где каждый слог ударный — злее,
чем завывания сирены !

Ни то, ни это — ни к чему мне,
Как захламлённая дорога,—
То правильно, а это шумно...
Вот разве что спросить у Бога?

Конечно, всем давно известно,
что дважды два по-божьи — пять,
но всё ж узнать бы интересно,
Как будет он стишки читать?

1 февраля 2013

ТЕРЦИНЫ НИ О ЧЁМ...

Мы память спутаем с картиной за окном,
Да так старательно, что разделить их сложно,
Но память подведёт: завалит бараклом! —

Невнятен переход,— граница невозможна...
И между « это — так» и зыбким «так... пока...»
Всё — лишь закатный свет — тревожно, ненадёжно,

Как стих, что в клещи рифм не втиснула строка,
Случайным взглядом вдруг поймать на фоне свода —
Скользнут над головой — и сгинут облака!—

Изменчивость! Сюжет надёжен, как... погода!
Зачем, чужие кадры заменив собой,
Суёшься в воду ты, не разузнавши брода?

И видишь сам себя, как негатив пустой!
Ведь время украдёт всё, что не срифмовать, и
Что сдуру позабыл ты закрепить строкой:

Что плохо, мол, лежит, хотя б должно лежать и
Пропало всё! И гон времён не сохранил:
У времени вошло в привычку воровать и...

Орудия письма на новые сменил —
Забыл, как пишут авторучкою старинной,
А вот велосипед — остался тем, чем был,

Да и любой предмет, увязанный с рутиной,
Чем повседневнее, тем проще заменим:
Ну, как пейзаж — какой-то жанровой картиной.

Пусть в каждый зыбкий миг меняет форму дым,
А вот себя-то как почувствовать тогдашним?
Текст прежний на снегу припорошён другим...

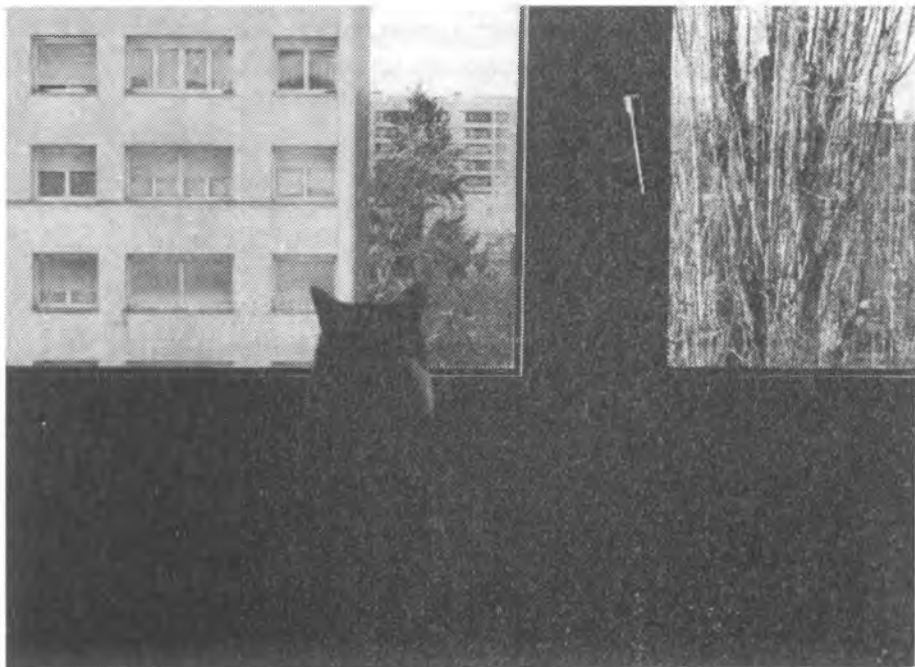
Ну, что написано на заснеженной пашне?
Тех слов и не прочтёшь: их время унесёт,
Как в дальние века построенные башни.

Вот зябликом скакнёт минута или год,
И всё перечеркнув, что ты когда-то помнил,
Вид новый в ту же точку времени вплывёт!

Теперь ищи-свищи! Ни тут же, ни потом, ни...
Есть ворох спутанных потёртых кинолент —
Ты запросто заблудишься в их куче тёмной.

И вспомнишь ли, о чём подумал в тот момент?

5 февраля 2013

В РИТМЕ ХЛОПАЮЩИХ КРЫЛЬЕВ

Синица в тополь залетела, затерялась
Так, что её не разглядеть в наброске кроны,
И тут же вдруг слетела с дерева ворона —
Ну что в башку её воронью затесалось?
Забросить тополь, уступить его синичкам?
И не на дуб, или па крепкий край колодца —
Уселась, дура, изменив своим привычкам,
На тонкий куст, который так под ней и гнётся.
Она в листе едва намеченной сидит. И —
Вдруг крылья выросли весёлой заморочкой,
Да не вороньи, что уж там ни говори ты,
Но и не те, что людям выдают пииты,
А просто птичьи — вдруг захлопали над строчкой!!!!

И не об азиях о всяких, да европах,
О судьбах мира и других вещах нескромных —
Пришлось писать об этих птицах-недотёпах,
Стишок увидев с парой крылышек никчёмных!

Но что поделатъ с той сорокой, да синицей,
Ведь так и лезут обе в басенную схему...
Но суть — не в заинтересованности птицей,
А в том, что ритмы нам навязывают тему...

18 марта 2012

ТРОЙНАЯ ОДА К ВРЕМЕНИ

1.

Французского стиха старинный шестистопник
Зачем-то вдруг меня запряг в своё ландо

И гонит, не поняв, что старый русский гопник
Мог спутать фа-диез с тяжёлым нижним до.

По-разному звучат все эха, память, стены...
На странные куски весь город раскрошив:
Вот чашка и бокал, вот руль — но всё мгновенно —
За стёклами кафе, за окнами машин.

То выторчит кабак, то пробегут витражи,
То бронзовый большой зелёный зад коня,
А кто мимо кого плывёт — неважно даже,—
Я торможу, или
Бульвар, в виду меня?

Вон бронзовый Бальзак с внимательной усмешкой
Следит за сотнями прилавков и витрин.
Ну что ж, месье Бальзак, ты продолжай, не мешкай,
Их множество вокруг, а ты ведь тут — один!

Машинам миновать насмешливого взгляда
Не разрешит Бальзак! Король бульвара — он,
И это неспроста: ему ведь было надо
Договориться с не-надёжностью времён!

Чем медленней идёшь, тем торопливей время,
Вот ты спешил, бежал, чтобы ползло оно...
А чуть замешкайся — оно танцует с теми,
Кому шестнадцать лет: ему ведь всё равно!

Оно прикинется то веком, то моментом,
То стянется в клубок — само себе назло...

Ну а пока — стучит по всем бордовым тентам
Назойливым дождём, чуть замутив стекло,

Мы смотрим из машин — оно остановилось,
Топочет в тротуар, или бурчит «Спеши»,
Стоишь на улице — оно (скажи на милость!)
Уже за стёклами мелькающих машин!

Кто за рулём один — тот в самом деле едет
Вдвоём: ведь позади незримый пассажир,
Он долговечнее гранита или меди.
Ты видел взгляд его?
Ну что ж — перескажи!

Поток машин плывёт, ритмично обтекая
Недвижные дома, ограду Тюильри...
Что ж, всё текучее — судьба его такая —
Прочнее каменного, что ни говори!

2.

Рим. Тибр всё течёт, и ролью ротозея
Вполне доволен! Как ни злись, как ни гони —
Смеётся дьявольски, что арки Колизея
У реставраторов выпрашивают дни...

Вот так и питерские злые наводнения:
(Предчувствует вода асфальтовое дно!)
В трамвайных окнах — тоже вечное движение,
А что там движется, воде ведь всё равно!

За окнами темно, и тут уж не до гонки...
А что разрушено — в стекле отражено.
Бегут по встречным рельсам силуэты конок,
И призраки дворцов, и всё, что снесено...

3.

Бывает анонимное существование...
Чего? В том-то и суть, что это ничего —
Для нас обычно принимает очертанья
Деревьев ли, домов... Невесть куда его
Заносит... Нас оно и зорче, и упорней,
Точней определить его я не готов.
Быть может, это слов невысказанных корни —
Слов, или может снов?

Полёт сов и часов...

(Не сами птицы. Нет!) Важней процесс полёта,
А кто куда летит... Мотив никак не нов...
Куда-то как-то кто-то с чем-то для чего-то...

О, если бы найти хоть что-то глубже слов...

5 февраля 2012

СТОП-КАДРЫ

Ту простую истину,
Что разные жизни на разных движутся скоростях,
Как-то мы далеко не всегда замеча...
У деревьев, собак, у людей, у кино
Время по-разному выделано и в разных дозах дано.
А всё, что мы помним — только стоп-кадры

В мелькающих безымянных ночах.

Настоящую непрерывность
 не поймает, как языки огня.
Вот кино — только жалкая попытка
 грубо имитировать движение времён.
Мелькают разные минуты
 одного безымянного дня,
А взглядишься пристальней —
 и окажется вовсе не он!
Или вот — с привычного места
Продавец на базаре пропадает на два-три дня,
А потом появляется снова
И тогда он опять существует, хотя бы лишь для меня.

Но откуда потребность возвращаться
То ли в память, то ли в реальность,— да просто в сон,
И где разница между возвращениями теми и...
Вот в таком-то месте было то-то...
Всякие мелочи вырастают
Буйной рощей переплетённых растений
Из незаметного
 ностальгического зерна времён.

Скажешь — вехи?
Но случайной вехой может быть хоть та, хоть другая...
И цветущий куст, и важный селезень, и цвет машины,
 мимо которой ты как-то прошёл.
Одни стоп-кадры остались, хоть на стенку вешай,
А других как не было — ведь такая большая

часть этих кадров постепенно заглохла,
будто удаляющееся жужжанье пчёл.

Нет, самую непрерывность —
Как бы ни был Хронос рассержен,
Не изловишь — только стоп-кадры,
 сколько б ни было их.

Ну, так будь благодарен памяти
И за те картинки, что случайно удержаны,
Ведь из каждой может вырасти хоть какой-нибудь стих!
7 апреля 2012

Три обезьяньих божества
Прикованы к одной цепи.
В ночи, когда молчит трава,
Смотри — на цепь не наступи!
Они висят к стене спиной.
Вот этот глух, а этот слеп,
А этот нем. А за стеной —
Мир гулок, светел и нелеп...

Лес шевелился, как вампир,
Река брела своей тропой,
Глухой глядел сквозь чёрный мир,
И слушал тишину слепой,
Их деревянный мир был пуст,
Но было что-то вне его...
И не отняв руки от уст,
Молчало третье божество.

И только цепь была виной,
Что этот глух, а этот слеп,
А этот нем, а за стеной
Мир гулок, светел и нелеп.

Но лопнула однажды цепь —
Немой по-прежнему молчал,
И только тот, который слеп,
В ночи от ужаса кричал,
Но не слышал его глухой,
И тихо плакал третий бог:
Он — зрячий, чуткий, но немой —
Всё знал, и высказать не мог...

1975

* * *

Я вижу музыку порой
Геометрично, ощутимо,
Так, будто бы неверность дыма
Вдруг обретает жёсткий строй.

Необъясним аккорд Равеля —
Зеркальный отзвук тишины.
Над ргутной тяжестью волны
Горизонтально он расстелен.

Волна? Частица? Странный шаг:
Чем ближе он, тем отдаленье
Бесспорнее...
У поколенья

В крови звучит он — не в ушах.
Кровь тяжела и неясна,
Как настроений перемены...
Пустынных горизонтов стены
Дрожат, когда в них бьёт волна.

.....

Бах. Высший рационализм.
Готических соборов латы.
В диезах стрельчатой токкаты —
Математический каприз.
Он не влезает целиком
В концертность нынешнего зала:
Сломалась вертикаль хорала,
Придавленная потолком!
А если так, без потолка,
Чтоб только небо — над органом?

Но в нашем климате туманном
Ему мешают облака.

1967

ЦВЕТОМУЗЫКАЛЬНОЕ

Ветры с цепи сорвались,
Сметают последний нестойкий и серый откуда-то дым!
...Как в оркестре под взмах дирижёра
вступают цветенья одно за другим.
Хулиганистый джаз или оперная суэта?
Или так — симфонические нарциссы
вторят россыпям кизилового куста?
А в просветах квартала ветер размашистой волей

Залепляет оконные дохлые стёкла
Гигантскими лепестками бело-лиловых магнолий!
Это — что? Скрипки сакуры розовой, или гобои лимонных
форзиций?
(Лишь вступили бы вовремя — тут любой инструмент
пригодится!)

Ну а скоро ль — сирень?
Кларнетист вдалеке лишь слегка прикасается к дырам,
Нет, мелодия эта никогда не бывает проста!
И звучат вариации
Возобновлённой потребности
в тонких контактах пунктиров
с повторяющимся миром —
Чтоб не вернулась зимняя пустота...

(Малый барабан, он же — бескрайняя поляна гиацинтов):
Тра та та-та!!!

март 2011

МАЛЕНЬКОЕ ЕХИДНОЕ ТАНГО **Стишок «на предъявителя»**

*Тоска по родине — давно
Разоблачённая морока...
М. Цветаева.*

Чего Вы плачете? Не верю, что о чём-то.
О ком вы плачете? Пожалуй о себе:
Что не хотите носа высунуть из комнаты,
Да о своей (вполне сложившейся!) судьбе!
Живите так, чтоб на весь мир тянулись нити

К любому дереву и зверю — ко всему...
А по кому тот чёртов колокол звонит? И...
Поверьте, фиг с ним! Он звонит ни по кому!

Ну да, Вы помните — там, у Хемингуэя,
А, вижу вспомнили, ну вот и хорошо.
У Джона Донна, впрочем, если быть точнее...
Ну как, Ваш приступ ностальгии не прошёл?

Ведь ностальгия — только кажется по месту.
Она — по времени. Так будет поточней.
А все отчизны (все на свете, если честно),
Не стоят сотни самых зимних ваших дней.

Тоска по юности?... (её зовут иначе?)
И на неё тож наплевать: сирень цветёт!
Найдите пятый лепесток своей удачи,
Пусть из туманов город прошлого встаёт —

Но лишь затем, чтобы на улицах весенних
С самим собою — носом к носу за углом!
Себя тогдашнего... Ну помнишь, в воскресенье...
(А про тогдашнюю — про ту? Не будь ослом!)

С собой не встретился? — так на фиг эти улицы?
Ну чем, скажи, сегодня хуже чем вчера?
Ну разве то, что днём и к вечеру — не удится,
Так рыбку надо, говорят, ловить с утра

А прошлое — оно ведь только тем и славно,

Что в нём скрывается тень будущего дня...
И это главное — листву пускает главное,
Десятилетий желтизну зазеленя!
И красноватые ещё побеги вётел
Изумлены сплошным нашествием весны.
Что — Моисей? Один горящий кустик встретил,
А тут — моря неопалимой купины.

«Судьба играет человеком — не иначе —
А человек себе играет на трубе»
Без лицемерия признайтесь, если плачете,
В том, что Вы плачете...
Всего лишь о себе!

2 мая 2011

ИЗ ЦИКЛА «ХУДОЖНИКИ»
Иорданс, «Бобовый король»

Пьёт король в лиловой шляпе,
В деревянных башмаках,
Бабу-Фландрию облапив —
Ах!

Что за руки у фламандки,
Жарче щёк!
Пьёт король — чего ломаться!
Пальцы — в спелое плечо!
Пиву питься, бедрам биться
Так, чтобы скамья трещала,

Чтобы рамам
Со стен валиться
На другой стороне зала,
Где утрехтские мещанки
В кружевцах до подбородка
Ханжески выглядывают
(или кротко?)

...Что за ляжки у фламандки!
Пена солнечного пива!
Пусть на вечер короли мы —
Да зато над целым миром!
Соль земли мы!

Славься, соль
Пота!
Жар земли вспотелой!
Белой
Властью тела пьян король.

Что за титьки у фламандки —
Не схватить двумя руками
Дважды блещут полнолуны
Возбуждёнными сосками,
Блещет, по бокам стекая,
Горьковатый зной...
Что за титьки у фламандки!
Каждая — как шар земной!

1963—1970

ПЕЙЗАЖИ

Есть картины, которых никто никогда не писал,
И едва ли напишут...

Вот: чёрное что-то нигде... (Или где-то?)

И окошко. Одно. Далеко. В полной тьме —
Разделённые рамой четыре квадратика света...

Или солнечное озеро спрятано так среди скал,
Что не движутся даже круги на воде.

И вода неподвижней камней.

Вдруг пейзажи Моне разорвут невозможность
Неподвижности,

Переделают зиму на лето?

Еле заметным колыханьем нимфей,

...Но не знаю когда. И не знаю где. И не знаю, чей

Вот такой например пейзаж:

Облачка — жестяные, наподобие скрученной стружки,

Берег — в злом узловатом дреке клонится к траве и к пескам,

Всё приземисто.

А над океаном шпиль одинокой церквушки

Разрезает шнурок горизонта напополам,

Повернёшься ли к морю спиной, и назад поглядишь —
Эти слишком тяжёлые камни, гранитные домики, плесь...

Плесень на черепице кривых и приземистых крыш,
И гортензий с ромашками странно-нелепая смесь...

Да. Пейзаж. Остановленный миг...

Ведь ничто на картине не сдвинется ни на йоту.

А вот звуки — бегучие, вроде мгновений,— не удержать,
Как заставишь на месте остаться слова или ноты?
Устремленье стиха (да и прозы!) —
не бумага: к столу не прижать...

20 января 2011

* * *

...вдруг стало видимо далеко во все концы света...

Н. В. Гоголь

Смесь окон, статуй, лиц и улиц, и картин...
Вот так из зала в зал среди времён ходи ты —
А если век на век немного накати,
То кажется, что их края слегка размыты.

...И был невнятен мир — и был всегда в дали,
И был огромен мир, и требовал отваги —
Тут даже корабли немного смогли:
На карте — близко всё. Но это — лист бумаги!
«Охота к перемене мест» бьёт в барабан,
Немногим удалось на вкус её отведать,
Ведь там, где год в пути потратил Магеллан,
Едва успеешь ты два раза пообедать!
В какой-то краткий клип стеснились даже сны...
Вёз почту пакетбот — недели две как будто!
А мы с тобой нимало не удивлены,
Что марка и конверт в музей почти сданы,
И на твоё письмо ответ — через минуту.

Тонкие плоскости кадров секут друг друга,

Чуть подрагивая, но никого не тесня,
От сложности силуэтов слегка звеня,
И кажется — решена квадратура круга:
Пёстрыми перекрёстками разрезаны города,
Улицы — веерами во все стороны света,
Неуследима озорных площадей чехарда,
А переулки — их разменная монета.

В смешенье греческих кратёр и римских чаш
Несходство абрисов сотрётся непременно:
Пизанской башни крен не отличим от крена
Той меловой скалы, глядящейся в Ламанш...

Уж триста с лишним лет мы раздвигаем мир,
А он — сжимается: всё оказалось рядом!
В одно лицо слились Наполеон и Кир,
А вакханалию легко смешать с парадом.
И суть не в том, чтоб дёргать струны ветхих лир,
Да из почтения к заболтанным балладам
Листать старинный том, зачитанный до дыр,—
А в том, что взгляд легко смыкается со взглядом...

29 января 2011

ЭКЛОГА СИЛЕНУ

Вот помпейская фреска!
Как пляшут вакханки и скачут сатиры!
Дионис чем-то занят? Его почему-то тут нет?
Эй, Силен! Дай шматок что ли свежего козьего сыра!
Перекинь через этот ничтожный провальчик
В три тысячи лет!

Во, спасибо! Поймал!

А теперь расскажи мне про эти оливы,
И откуда в лесах беотийских разросся такой виноград?
И с чего все вакханки — с манерами оперной дивы?..
Разберись-ка! Да, тут девятнадцатый век виноват!

Так... без козьего сыра Эсхил бы, пожалуй, и выжил.
Не случайно трагедии первые в мире — его.
(То есть «пенье козлов»)... Ну, октавой чуть ниже, чуть выше...
А насчёт молока... Но козлы, извини меня, не для того!..

А вот как без козлов обойтись чудаку-Эврипиду?
Никакого тут хора не хватит: актёры нужны!
И копытца надёжней котурн, хоть и хилые с виду,
И трагедии — ах! — персонажами густенько заселены!

Времена и вообще-то плотнее набиты людьми, чем пространства,
Вон смотри, той оливе, наверно, не менее тысячи лет —
Не под ней ли король-трубадур тут с Бертраном де Борном ругался,
И брнчали на арфах вдвоём, пока их не разгонит рассвет?

Заселённость у дядюшки Хроноса — многоэтажна,
А Пространство всего лишь по плоскости населено...
Стенка Тёмных веков... (Как ты через неё перебрался отважно!
Да, Силен, ты силен, хоть и не протрезвел всё равно).

Знаешь, Аристофан тебя прочил нередко в герои,
И поэтому, славный Силен, мы с тобою дружны,
Ну, Мольер тебя передел в Сганареля, не скрою...

Почему Ботичелли не привёл тебя в свиту Весны?

2 июня 2012

Витражи, витражи, витражи —
Пёстрый хаос людей и вещей —
Дай увидеть прозрачную жизнь
Сквозь безумие алых плащей.

Закружи, закружи, закружи
В голубом и зелёном огне,
Отличить бы искусство от лжи
На прозрачной, неверной стене.

Расскажи, расскажи, расскажи —
Как прошёл он, тот сумрачный год,
Как сбылось, что остался он жив
И окончил крестовый поход?

Удержи, удержи, удержи
Скакуна своего на краю,
Отчего до сих пор он дрожит,
Как тогда, в той пустыне, в бою?

В хаотическом беге огней
Пёстрых солнечных бликов ножи —
И неверья и веры сильней
Витражи, витражи, витражи...

1997

СОБОР

*...Творение безымянное и коллективное...
Лишь готическое искусство в своём аскетизме
по-настоящему пессимистично.
Томас Манн, «Волшебная гора»*

...И с неба падает вода
В готические города
На трёхэтажные фасады
С крестами балок меж камней,
И шесть веков скрипят с надсады
Под грузом крыш, страстей и дней;

Смывают шорохи дождей
Забывтый цокот лошадей,
И улица узка...
Но небо разодрав, над ней
Ввинтились шпили в облака.

...Взлетать, взлетать, и не взлететь...
И каждый ярус — поколение.
И не дожить до завершения,
Недотесать, недопотеть...
Одним сутулым аркбутанам
Глядеть на плиты площадей
Легко...
За сумраком дверей
У стен с крутящимся туманом
Среди стволов колонных рощ
Струятся трубы над органом —

Блеск вертикален, словно дождь.
И взлётом жёлтых капель дышат
В тумане свечи, и хорал
Всё глуше, всё плавней, всё тише,
Как будто музыкант устал.

Сам Бог устал за те века
Чертёж держать над облаками
И терпеливо ждать, пока
Вручную окрыляют камень,
И с неба падает вода
В безвозрастные города.

А Бог устал...

1997

CŒUR DE LION (сирвента)

В общем, король он был безответственный.

Но какой поэт!!!

Вольтер

На узком флаге огненного цвета
С квадратной башни скачут в облака
Оранжевые львы Плантагенета,
Почуяв самое начало лета,
И жёлтый дрок, и Средние века.

И трубадура крепкая рука
Терзает лютню — хоть, пожалуй, это
Совсем не королевская примета —

А в небе, лёгком от дневного света,
Видна луна бледнее молока...

И по Востоку смертная тоска
Со струн стекает, как плюмаж с берета,
На бархат королевского колета,
На кружево упавшего платка...

Ох, не пускайте в короли поэта,
Затем, что слишком звонкая строка
Опасней, чем внезапная комета.
Уж лучше — с бубенцами дурака,
Который не поскачет на край света,
Не отличит сирвенту от сонета,
В бой не полезет из—за пустяка...

.....
Оранжевые львы Плантагенета,
Рыча, вздымают тощие бока...

Gisors, 1997

ЧАСЫ²⁷

(Мюнхен, 1480)

Над часами башни
 гномы танец начали,
Вкрадчивы и медленны их шаги...
Вот как стражи времени
 время растрачивают,
И вокруг красавицы вьют круги!

Фаты хлыщеватые — похоть, гармония,

Фески да тюрбаны (а шаги — всё длинней),
Праздничный гротеск, пантомима иронии —
Гномы-басурманы прекраснее людей...

Как тут не мешают они
 проповеднику?
И ведь вылезают каждый божий час!
Как не превращают
 в ярмарку обедню?
Как тут прихожане
 не пускаются в пляс?

...А в Везл^е²⁸ на капителях —
 черти с мужиками,
И свиные хари — добрым людям на страх,
В Нотр-Дам химеры — матерящийся камень...
Славное кощунство есть в готических церквах.
между 1997 и 2000

НА МЕСТЕ НОТР-ДАМ...²⁹

Солдатская латынь бродяги Юлиана
Звучала тут, где чуть не тыщу лет спустя
Вознёсся каменный готический костяк
Во славу одного небесного тирана.
А Юлиан вернул богов и пренебрёг
Единым Господом — хоть был он император:
Ведь чтоб вернуть Олимп, стать надо демократом,
Тоталитарный дух и есть единый Бог!

Как возвратить тот мир, где не сочтёшь дриад? —
У каждой признаки и право божества —
Но козлоногий Пан не лезет править морем,

И пьяный Дионис не посещает ад,
Зато — божественны хоть ветер, хоть трава,
Не верящие в бред о монопольном вздоре...

2000

ЗАМЕТКИ К БИОГРАФИИ АБРАМА ТЕРЦА

25 февраля 1997

Все биографии — враньё чужих столетий —
С Гомера повелось такое,
а затем —

Хайям, Вийон, Шекспир...

Их не было на свете?

Тогда уж Терца, точ-

но, не было совсем!

А кто же был?

Да Пхенц³⁰, и — запер дверь...

...Гуляй в подшитых валенках теперь,
А рядом — Пушкин с тросточкой и в шляпе³¹
(Или в цилиндре? Разницы тут нет!)
«В запасе вечность», как сказал поэт...
(Ну, тот, что паспортину держит в лапе).

Един в трёх лицах — Пхенц, Абрам, Андрей,
«Спокойной ночи» буркнув из дверей³²,

Опять за старенький компьютер сел,
Опять, наверно, чем-то новым занят...
Но как теперь узнать! Пхенц улетел...

И что ещё он *там* нахулиганит?

7 ноября 1998

ПАМЯТИ СТАНИСЛАВА ЛЕМА

Борису Стругацкому

Один из нас. Разве чуть постарше.
(Что врать-то? Ведь ты — не только о нём.)
Но как Йону Тихому ты расскажешь?
И надо ли рассказывать, да и о чём?
Заткнёт он, что ли, тряпками чёрные дыры?
На факелы Сириус разберёт?
Луну раскрошит? Ведь не хватит в мире
Камней на порядочный памятник... Так вот:

Хоть монументы, хоть жалкие камни —
На кой они сдались, те сепульки, ему?
Хоть выруби экраны — не станет темнее
Настолько, чтоб — похоже на эту тьму.
Какая рифма теперь, кроме «немо»
И верно сливается с именем его?
Или разыскать в лабиринте неба
Какую-нибудь новую? Для чего?

«Куда нам плыть?» Вот — пустая палуба.
Что ж, люк задрай, иллюминаторы закрой.
Сколько ты книг туда ни затолкал бы,

Полка всё равно останется с дырой.
Так вот и молодость наша провалилась
В чёрную дыру мимо всех планет...
А теперь, поверь уж, сделай милость,
Что на звёздах жизни и вправду нет,
Что изменилась звёздная карта,
Что не сочинитель романов, не имярек —
А в две тысячи шестом, 27-ого марта
Умер «Не календарный,
Настоящий двадцатый век».

2006

НА ТЕМУ «ИЛИАДЫ»

*Время — лишь одна из форм виденья мира
(как из окна вагона)*

Д. Лихачёв

Я сжигал корабли не затем, чтоб никто не вернулся,
Я сжигал корабли потому, что прошедшего нет.
Я сжигал корабли оттого, что назойливое веленье пульса
Подгоняло пройти через новый (опять!) континент.

Ну а в даль заглянуть?
Но тени скал, серые и отвесные,
Закрывали тропу,
по которой я к новому морю шёл налегке,
И казалось — изменяются даже рисунки созвездий,
А не только
расположение их на небесной доске.

Не цвета и не линии — всё-таки что-то осыпалось листьями,

Искрами, летевшими не из костра — а в костёр.
Да, осыпалось ближнее, а далёкое стало близким,
Потому что обычные расстояния превращались в простор.

А у этих понятий противоположно значение,
Почти так же, как между словами «Да» и «Нет»,
Так же, как только в крайних точках замирают качели,
И для них начинается обратный отсчёт лет...

2002

ХАОС

1.

История — домище
Где выход и где вход?
Уж тут, ни принц ни нищий
Порога не найдёт...
Но в лабиринт залезши,
Изволь с волками выть...
Какой же это леший
Порвал, скотина, нить?
Нет, не без мысли задней
Запутал он пути:
Тут даже Ариадне
Дороги не найти...
Улисса Пенелопа
Ждать вовсе не должна...
От Азии Европа
Едва отделена:
Гуляют там номады
Потеют города,

А в городах — парады,
Жара и холода...
Ах, до чего ж невежливо
Разлаялись ветра:
Они от мыса Дежнева
свистят до мыса Ра!
То яростного вида
Круглятся облака,
То мрачного друида
Мохнатая рука...
И сохнут фараоны
В глубинах пирамид,
И тень Наполеона
За Цезарем торчит...
Гугниво гугеноты
Поют свои псалмы...

Ну, пусть ответит кто-то:
При чём
Тут
Мы?

2.
...Потому что всё на свете,
А точнее сам «весь свет»
Состоит из двух вот этих
Слов коротких: «Да» и «Нет».

Бог и чёрт, мужик и баба,
(Дам — не дам — и все дела)

Середина-то хотя бы —
Где?
А вовсе не была:

Плюс и минус, море — суша,
«Лёд и пламень» — в общем, прав
Был во время оно Пушкин,
Двух знакомцев описав.

Стрелам и пчелиным жалам
Ход обратный запрещён,
Да и сам-то Бог, пожалуй,
Улица с односторон...

2008

...Только латынь колокольного голоса.
День, кончаясь, прячется от всего,
Один на один остаёшься с городом
Лицом к лицу —
Никого.

Так послезакатная, так пустая
Наползает сумрачность, так
Отблески от стёкол отлетают, тают,
Льются в наползающий мрак.

Полночь.
Полно же удивляться, приятель,
Если в уличном, многолюдном,

Затуманился ты, завертелся некстати
В смеси фонарного света с лунным.

Льётся латынь колокольного голоса,
Литой литании холодная бронза:
Голодно голый
Колотится колокол —
Полно:
Поздно.
Крыши и деревья голые, сонные.
Им, наверное, всё равно
То, что в колокольных накопились звоны,
А звонить-то некому давным-давно...

2001

ЭЛЬСИНОР

1.
Под эспланадой, где призрак разгуливал,
Ловят на удочки камбалу.
Пахнет сосной и тмином на улицах
Датского берега тут на углу
Швеции с Данией.

Лебеди в море
Качаются, молчаливые, скромные,
Клювы пачкают (думают, что моют),
Их гоняют дизели разных паромов,
Дым солярки ложится на скалы тёмные...

Балтика справа, а Северное — в другую сторону:

Вода остается водой, и землѐй — земля,
И Офелия занята, как всегда, вздором:
Бредѐт за травками в перепаханные поля...

2.

...Вот в чём вопрос!
Гамлет

...Итак, Офелия занята всё тем же вздором:
Бредѐт за травками в перепаханные поля.
А принц матерится
над заглухшим подвесным мотором:
Всѐ, мол, интриги дядюшки-короля...

Но мать-королева так прекрасна!..
И Гамлет мучительно ищет ответ
На главный вопрос:
Почему, неясно,
С деверем можно, а с сыном нет?

2001

*...Есть время искать и время терять,
время собирать и время рассеивать...*
Экклезиаст

...И сам изменяешься лишь от того,
Что видел, что слышал, вдыхал..
Кожей помня
Лес, море, свою и чужую постель,
Уют площадей и размашистость комнат,
Дороги, собак, новогоднюю ель,

Лиловый прибой бугенвилей
и белый —
Жасминов...

Так вот — география тела:
(Брось карту — на ней лишь глубины да мель) —
Вот тут на ладони, наверно, Брюссель,
А это — Флоренция въелась в колено,
Затылок печёт? — что ж, как видно Палермо,
В хребте холодок — Царскосельский лицей,

Венеция плещет в глазах, не смолкает,
И солнце идёт петербургским ночам,
Витражные розы Париж распускает,
А Рим предъявляет начало начал ...

.....

Теперь, улыбнувшись и дням и годам,
Раздай по молекуле всем городам,
Всем креслам, где сел хоть на миг,
всем садам,
Зверям или женщинам —
Так, чтоб остаться
Во всём,
чего жизнью случалось касаться...

2001

Эдип, ну при чём тут трагедия?
Ну и что же, что Иокаста
через двадцать лет оказалась?..
Ведь баба-то какова!!!

Надутая ветром луна взлетит
шариком жёлто-красным,
от яркого света спрячется белеющая трава...

Останься зрячим, Эдип!
Не цветаста, не разномастна
цыганская шаль в ночи: узоры бледны и легки,
исчезла дневная тяжесть,
исчезли тяжёлые розы,
Ночные цветы — табаки!
Белые, зеленоватые — притягивают прозрачные росы...
Так морскую пену тащит луна, запирая устье реки.

Запах ночных табаков — женский, неистребимый...
Ну, и что же, что белые —
И легчайшая пена бела!
Из пены ночных табаков луна Афродите делает.
Какие там клумбы, Эдип! Качаются белые мимы,
их, тонких, целое море,
чтоб она по волна́м шла...

Ну и что же, что Афродита,
что ночью шаль не цветаста,
что луна так легко отбеливает
розы, не нужные ей?
Ну и что же, что кажется дико,
Что тебя родила Иокаста,
Что табаки эти белы, Эдип?
Бывают ещё белей!

2001

МОЗАИКА ОДНОЙ НЕДЕЛИ

1.

Работаю по возможности аккуратно.
(по правде говоря, не умею аккуратно).
Как всегда
вылавливаю из бледной памяти пятна —
На бумагу их!
Прорисовываю, чтоб всё же понятно...

Вот — уже три слова вытащил из небытия!
Запятые их пригвоздят, но —
Два из них — раз, и обратно!
Ищу ещё:
Необходимо это...

А, кстати, правда ли, что завтра — конец света?

2.
Первому веку глянуть в лицо:
Юнон небронзовых прелести,
Усмешки лысых мудрецов,
Цезарей крутые челюсти.
Им, кто Республику пропил,
На хвост не насыплешь соль:
Стекляшки в калейдоскопе —
Вот она, вся их роль.
Ну, а матроны, которые...
Впрочем, чёрт с ними, с матронами —
Но зачем унитазы Истории
Стыдливо зовутся тронами?

3.
Дыры:
память моя —
ломтик швейцарского сыра,
Источник
слов, самых точных —
бездонный, как билиiardная луза...
Да что там

флейта—позвоночник?
Сыграй на барабане пуза!

Смейся, Аристофан,
как можно неприличнее,
Утопим с тобой и цитатчиков,
Да и весь постмодерный бряк:
Сдохла симметрия,
жизнь как прежде — ассиметрична:
Барокко, возможно, выживет,
А классицизм — никак.

4.
С чем же рифмуется, тысячелетье?
И для чего оно было на свете?
Не так-то легко понять
По глухому гулу ещё не стихов,
а того, что должно ими стать.

Ведь даже сбитые с последнего ритма,
Даже потерявшие чувство меры,
Но только найдя хоть к чему-нибудь рифму,
Мы и живём после нашей эры!

5.

(Пейзажи Рылова)

Вот — утомление от ветра
Ультрамаринового цвета,
А ветер плотности такой,
Что не проткнёшь его рукой.

И в малахитовой траве —
Зелёный шум по синеве,
И шевелятся облака —
Закинутые в небо камни,
И кажется, что жизнь легка мне,
Да я и сам твержу — «легка!»

6.

...А когда отмахнёшься от скуки тумана —
День как день, обычный, но возле —
К весёлому жёлтому миру Сарьяна
Привязан верёвкой серенький ослик...

7.

Добрая лохматая псина тычется носом в колени,
Чёрная, медлительная на суше, тяжёлую лапу кладёт,
Пляж пустой, и, конечно, я занят, но тем не менее,
Свинство — не обратить вниманья, поэтому приходится от-
кладывать книгу, или карандаш и записную книжку,
В данный момент чесать за ушами — важней всего...
И пускай себе остаётся пустая страничка
И на месте стихов, и на месте автора самого.

2001

НИ ОТ КОГО НИКОМУ

Перед бретонской церковью, гранитной серой,
Перед колокольной, узорной прозрачной,
Где фоном лиловые тучи — как стены,
На тяжелом прямоугольном постаменте кальвера
Знакомая евангельская многофигурная многозначная сцена:

Храмовые стражники тащат Христа на верёвке как пса,
Рожи римских солдат толпятся вокруг креста...
Да, деревенский художник лепил не без умысла это:
Соседям за что-то он так отплатил неспроста
(Не то чтобы карикатуры,— так, насмешливые портреты).
Ну, и себя не забыл, поместил в эту группу тоже—
Автопортрет вместо лика Христа!
А рядом — любопытных соседей разбойничьи рожи...

Всё на свете — портретно.
 Но сегодня едва ли поймём, кто — о чём...
 И не это ли нам хотели сказать
 Мастера Ренессанса лицами напыщенных «неизвестных»?
 Или, вот, — более полувека тому назад —
 Фотография мальчика в курточке щеголеватой и тесной...

Ну, а Венера в Лувре, или внушительный Зевс в Эрмитаже?
Статуя — тоже посланье в будущее...Так что же нам
Могли бы дать истинные имена тех персонажей,
Если это чьи-то соседи, или чьи-то любовники даже?
Вон у Гейнсборо
Мимо глаз глядит неизвестная леди
с громадного полотна...
Если все портреты, скульптуры
И всё прочее — просто посланья
В белый свет, как в копеечку? Вот и она...

Но ведь у Фидия или Рембрандта соседи имелись тоже!
И как бы узнать, пусть не адреса — хоть имена!

Ну отправитель, вероятно,— художник,
А кто адресат?

Так что же?

Вселенная, возможно, имеет форму вопросительного зна...
Но где знак ответа?
Не придуман ни для одной письменности и поныне!
Почему?

Так вот и бродят письма, изображения
и прочие странники всемирной пустыни...
без отправителя, без адресата —
Ни от кого никому...

Портреты на стенке музея толкутся, как на поляне овцы,
Но даже у овец есть иногда имена...
...Эта рукопись, может, и не сгорит,
Может, даже в какие архивы прорвётся...
Но толку-то что, если каталога нет,
И никто его не сотворит?!

11 ноября 2011

*** * ***

Когда двадцатый век расхвастался богатством,
И лик его предстал, травим и насеком,
Он сам себе не смел в невнятности признаться,
Чтобы в себя взглянуть фасеточным зрачком.

На вогнутой стене всё зримей проступают
Таинственных нимфей болотные мазки,
В цилиндре из стекла — раскрошен и запаян —
Собор, дробящийся на отблески реки.

Рассыпалась в волнах закатная осанна.
Изрубленный туман упал, свернулся, сник.
На скатертях подгнили яблоки Сезанна,
В подсолнухи Ван Гог запрятал жёлтый крик.

Белёного Пьеро сгоняет в тень кулиса,
И Маха сонная раскинулась в траве,
А в танце сплетены по прихоти Матисса
Пурпурные тела на нервной синеве.

А в миг, когда Дерен протиснется сквозь темень
И сутинских шутов накроет тень земли,
С брезгливостью глядит растёкшееся время
В тестообразный мир Сальватора Дали:

Тягучести его ни в клочья разорваться,
Ни плоть свою слепить в один весомый ком,
Чтоб смог хаос веков в невнятности признаться
И в глубь себя взглянуть фасеточным зрачком.

Портрет зеркальностью беспечной раскрошили:
В стеклярусах дробясь, зовёт жонглёров Климт,
И с похотью смешал уродство жизни Шилле,
Фигуры утопив в оттенках жидких глин.

Разъята музыка на струны и колонны
(Козлёнок ли, абсент?
...И шаль взлетит волной),
Пикассо, бычьим злом и лампой опалённый,

Играет на землю обрушенной луной.

И помня, что над миром властно только Слово,
Что в нём заключено начало всех начал,
Над вечной нищетой, над скукой местечковой
Влюблённые взлетят, как им сказал Шагал.

20 августа 2007

ТЕНЬ РЕНЕССАНСА **(Флорентийский отрывок)**

...И вот — переплелись мечта и шарлатанство,
И святость с подлостью гуляют по земле
В обнимку — не разнять! — как ханжество и пьянство,
Как свиньи в небесах, и агнец на столе...

И вот — нашёлся тот, кто — запросто ль? — но сможет
На завтра и вчера со стороны взглянуть,
Кто истину, враньё и парадоксы сложит
Все вместе, какова бы ни была их суть!

Кто — он? Да, мой двойник. Он призрак персонажа,
Которого никто не произвёл на свет,
Он может быть шутом, матросом, стряпчим, пажем,
Художником... Или — трактирщиком... (Но нет:
Трактирщик не пройдёт). Пусть будет чёртом даже,
Монахом, наконец — он всё равно — поэт...

Сквозь занавески душ он наблюдает время
А сам вне времени,— зато повсюду вхож,
И сущность смеха он, и мусор всех полемик,

Он всех религий бред, всех философий ложь!
Он их — из рукава — как фокусник — и мимо:
Ведь он переживёт их все, в конце концов,
А с ним — Бокаччио, шутник неустомимый,
И Микельанджело, не слазнящий с лесов,
Где тряпки всех сивилл и всех пророков рож
В капелле с потолка копчёного висят,
А там, в углу «Суда» чёрт (на меня похожий!)
Из лодки грешников веслом сгоняет в ад.
А если выпала свободная минута,
Он, в меру вездесущ, мастеровит и лих,
Льёт бронзу в мастерской с лукавым Бенвенуто,
Лоренцо Пышному нашёптывает стих,
И в траттории он сидит с Маккиавелли,
И хлещет кубками иронию: ведь он
Знал, что «Властитель» есть издёвка, в самом деле,
Вполне пригодная для будущих времён.

Теперь мы скажем «стёб»...

2007

БАНАЛЬНОСТИ

1.

Только существование неподвижного чего-то
(Ну, города, или дерева) говорит о том,
Что встреча с человеком, цаплей, енотом
Была, и может повториться потом...

Да, мы с деревьями знакомы ближе,
Чем с разными птицами и зверьём лесным:

Ведь самый невзрачный куст — неподвижен,
И знаешь точно, где встретишься с ним!

Или Карл Великий перед Нотр-Дам в Париже,
Как место для свиданий — просто необходим!

Так город становится напоминанием,
Внешней памятью, гарантией того,
Что обратил на себя твоё вниманье
Человек, о котором больше ничего
Ты не знаешь, и...

Ведь при новой встрече
Дом узнаёшь — а человека — не всегда,
Даже куст как знакомый бывает встречен,
А кто-то, где-то? Ни нет, ни да!

2.

Лишь тогда могла быть написана «Одиссея»,
Когда нельзя было даже послать письма.
А представьте мобильник в руках у Одиссея —
И Гомер от безделья спятит с ума.

С наличием связи уходы — не уходы,
Теряется их реальность...

И потому
Телемах потратил на поиски годы,
Что заведомо было ясно ему:

Раз Средиземье и есть вся планета,
Ну, кто же обшарить её не готов?

И отец, конечно, отыщется где-то,
На каком-то из множества островов,
И неколебимая уверенность в этом
Тогда и была основой основ
Того, что приключения выдумывал не тот,
С кем они приключались, а тот, кто про них,
Ничего не зная, сидит и ждёт,
Сочиняя прозу, или даже стих...

Чем меньше мы знаем, тем воображенье
Работает красочней и живей,
И сегодня — нам тошно от повторенья
И сюжетов, и замыслов, и всяких идей.

19 апреля 2012

ИСТИННО НОВОГОДНЯЯ БАЛЛАДА

Памяти Франсуа Вийона

Нет! Всем известный Новый год
Бывает только на бумаге!
А тот, кому поют овраги,
С зимой никак не совпадёт!
В кустах расслышав птичье пенье,
Наверно, и слепой поймёт,
Что истинное обновление —
Начало лета — Новый Год.

Ну, праздник с ёлочной фольгой
Придумал римлянин когда-то.
Ему понадобилась дата —
А месяц? Тот или другой...

(Фантазия так небогата!)
Никчёмных правил скучный свод
Придётся отменить, ребята:
Начало лета — Новый год!

В лесах свет отделён от тьмы,
Когда сирень граничит с липой!
Вверх едет кто-то велосипый,
Ещё скрипя после зимы,
Хоть в застоявшейся педали
Клочки зимы торчат, но вот
Над ухом листья зашуршали:
«Начало лета, Новый год!»

Как Гераклит, смешай, Адам,
Звон лирных струн со звоном луков!
Пусть густота зелёных звуков
Аккомпанирует дроздам!
Всё неотцветшее цветёт,
Напяливая неустанно
Зелёную хламиду Пана,
Начало лета, Новый год!

Ну, бард-приятель, твой черёд:
Беги-ка за своей гитарой!
Ко всем чертям обычай старый —
Начало лета — Новый год!

17 мая 2012

МОЙ ВАЛЬС

*...Ни груз грехов, ни груз седин...
Хоть жизни так узки врата,
Своей судьбе я — господин,
Своей душе я — капитан!
Уильям Хейли*

...Ну, пускай даже боцман, а не капитан,
Но из тех, кто за словом не полезет в карман,
Этот вальс...
Эй, стой! Не начать ли с конца?
Но портрет начинают с лица!

Память первая. Вот где начало начал:
Киностудия. Гул голосов до утра.
Павильонные съёмки.
Из них по ночам
Светят в детство юпитерá.
То я — вдруг фокстерьер,
То царицын пират —
(Как пра-прадед!) А взрослые всё говорят,
Что шпана, что драчлив, как десяток щенят...

Дальше — память вторая:
Гром взрывов навис.
Бомбы. Пламя. Мороз. Равнодушие стены...
Эта память вовек не простит им войны!
За блокадную зиму съел полчища крыс.
И — с ведром на Фонтанку, по лестнице вниз...

А тринадцатилетний (совсем уж другой) —

В музыкантской команде под Курской дугой...

Память третья — заверчен шальной карнавал:
Я к студенческим спорам и к вальсам приник,
И кого-то колол мой несносный язык,
И паркетами набережной, где причал,
Белой ночью — с кем ни попадя — танцевал...
А сентябрьский рассвет, иронично упрям,
Выползал из-под тёмной аркады двора
И показывал фигу ночным фонарям,
Где на Невском Бернини разок потерял
Два куска колоннады Святого Петра...

.....
...А кругом исчезают один за другим,
Но об этом — молчать....

И позорно молчим.
Не по новым каналам плывёт теплоход,
А по трупам...
(Та жизнь лишь Гомера и ждёт,
А уж «Дни и труды»? Провались, Гесиод!)

Вот четвёртая память: Я должен и ей —
Отколовшись от тьмы ленинградских огней,
Оказавшись вдали от столиц и людей,
Я подростков учил в школах диких степей,
Где листва только снится (как Блоку покой) —
(Скрип бедарок, свист жаворонков, топот коней,
Не знакомых с тетрадкой и чёрной доской!
Для чего-то выписывал «Крокодил»,
И с цыганкой-циркачкой медведя водил,

И — верхом по весёлой степи — вместе с ней!
Всё легко доставалось... а запах беды
Этих лет?

Гей, по ветру! Мне всё — до балды!

...«Грибоедов» булгаковский — Литинститут.
Антокольский, как Воланд, знал Времени суть:
«Если сам не согнёшься, тебя не согнут»,—
Нас учил он —
«Да здравствуют Время и Путь,
Не робей и рискуй, нерасчётливым будь,
А помрёшь — берегись, не воскресни!
Ну, а песни?
А песни споёт кто-нибудь!»

Стук времён бил по стыкам быстрее и быстрее...
(То кружилась земля — вовсе не голова!)
Я в театре играл самых разных людей,
Чёрный плащ... фрак... кольчуга... «слова и слова»...
Был весь мир — как Шекспир! — и театр и музей...

Да, ещё — о музее: вот мой кабинет
В тихом Павловске.
Гелиотропный рассвет
Гнал в окно листья липы и гроздьях стихов
На тяжёлые книги с корешками веков...

Переводы?
Чтобы чудо чужое сберечь,
Брал поэта за шиворот, делал своим

И тащил его, грешного, в русскую речь:
И границ не искал меж своим и чужим,
И отечество — дым!

.....
Только дым, всё удушливей день ото дня,
Из отечества выкурил всё же меня,
И в чужой самолёт,
Сквозь заслон из погон
Я — насвистывая вальс, как цыганский барон...

Не синица — журавль мне судьбой был дарим:
Как кому повезёт — и не Крым мне, а Рим!
(А вот «медные трубы», по моему, — хлам.)
И Париж завертел свой цветной тарарам,
И под Эйфелевой каланчой
Я, журнальный Левша, подкователь блохи,
В микрофоны «Свободы» читаю стихи
Сквозь глушилок старательный вой...
А ещё — за рулём...
За летящим окном
Автострады сплетаются в беге ночном...
(Я давно не люблю никаких поездов).
В шумный век жизнь — мозаика масок и слов,
И кружит-мельтешит карнавал городов,
И просвечивают,
Сквозь вихрем танцующий стих,
Словно кадры Феллини, одни сквозь других:

Витражи флорентийские в отсветах смальт
Каруселят —

им не уместиться в строфе,
В той, где Вена стучит каблучками в асфальт
По бульвару Монмартр от кафе до кафе,
На Сан-Марко, где площадь похожа на зал,
А в Лагуну втекает Обводный канал...
Листья ивы осенней раскружились...
А там,
Где цепными мостами скрипит Амстердам...

В лабиринтах ли улиц,
В громе вальса того,
Разве стал бы я кланчить Ариаднину нить?
Ну кого ещё, кроме себя самого,
И благодарить, и винить?
Рожу в кровь разбивал? По своей же вине,
Стиснув зубы — когда ещё были они —
Звонкой строчкой-подпругой затягивал дни,
Как весёлых коней!
Что там ни говори,
«Жил счастливее всех, как Четвёртый Анри!»

Ну, цыганка спросила бы: «так что ж — на руках?»
Что скопил ты, и что от судьбы уберёг?
Вот:

Уздечка, в латуни начищенных блях,
Серый парус,
Да ритмы объезженных строк!
Не боюсь ничего, кроме горных высот,
Да бегущей за бортом бездонной воды...
Не люблю оверштага. И мой поворот —

Фордевинд — на воде оставляет следы!

Пусть архангел на Суд созывает трубой!
Все, кто хочет, судите! — Я прав пред собой!

Отряхая чужую и пёструю ложь,
Не орлом, а стрижом беззаботным кружа,
Я всегда отвечаю ударом ножа
На блеснувший, ещё недовынутый нож.

И когда в новый раз окажусь я НИГДЕ,
Всё равно я оставлю следы на воде,
В изначальной ночи —
И опять прокручу эту ленту назад,
Чтоб в начале — Медон,
А в конце — Летний сад...
(Ох, как «юпитера» на «Ленфильме» слепят...)

...Я ещё не родился. Молчи...

20 августа 2007

* * *

Саше Бириштейну

...Мой полинялый балаган...

А. Блок

И дождик. И жёлтые фары горят,
И снова спектакль окончен.
Мой кукольный, мой несерьёзный театр
Таскает потёртый фургончик.
Когда по асфальту, когда по пустой
Забывтой дорожке бульжной

Под нудный аккомпанемент дождевой
И в толще жары неподвижной.
Пора останавливаться и чинить
Обрывки былых декораций,
Но не потерять путеводную нить
И главное — не запинаться.
А куклы стары. И устала рука,
И вышел из моды актёрский...

Но надо давать представления, пока
Есть силы и... зрителей горстки.

2 июня 2012

*** * ***

Дождь за окном и нагие каштаны —
Чёрный орнамент по чёрному фону...
Что ж, это только эскизы, картоны
К спектаклю ночному, невесть какому:

Не пьеса — обрывки импровизаций,
Не сюжет, а невнятных конфликтов суммы,
Это орнаментом смутным толпятся
Не актёры, не куклы — эскизы костюмов.
И нет тут места ни тексту, ни теме,
Ни заднику, ни занавесу, ни плафону,
И зрители себя ощущают не теми...

Чёрный орнамент по чёрному фону.

2003

* * *

Рассвет, набитый под завязку птичьими голосами,
Легко накатывался на сонный бетонный дом,
И каждая жёлтая кисточка его касаний
Одно за одним распахивала окно за окном.

И никто не верил, что на свете бывает вечер.
А если бы даже узнать по голосу
каждую из птиц,
То всё равно нищим людям ответить нечем
Этому оркестру дроздов, малиновок и синиц!

А тот,
кто облака запустил, как воздушных змеев,
Кто научил каждый листок уважать себя самого,
Наивно думал: «Ну а вдруг хоть кто-то понять сумеет
Что такое утро предназначено вовсе не для него...»
Медон, 2003

* * *

Оливковые туманы.
Неровно рассеян свет.
И ненадёжно, и странно.
И пониманья нет

Путей коршуна в небе,
Путей воды по скале,
Путей корабля в море,
И своих — на земле...

Может всё это — чьи-то игрушки,
Но зачем, хотелось бы знать,
Чистить авгиевы конюшни,
Да сизифов камень катать?

А ветер, падая в море,
Свистит у тебя в ушах:
«Тюрьмою и сумою
Помечен обратный шаг!»

Трогает струны лучей
Кифаред у скалы белопенной:
«Не ищи дороги прямой,
Чем та, что вокруг вселенной!»

Мокрой палубы светлые доски
Скрипят у тебя под ногой:
«Из путей на любом перекрёстке
Всегда выбирай другой».

2003

* * *

Стеклянный вечер на снегу
Лежит, и лень ему подняться,
Как он сумел так распластаться,
Стеклянный вечер на снегу?
По скользкой улице бегу
В толпе витринных иллюстраций,
Стеклянный вечер на снегу
Лежит, и лень ему подняться.

1965

ЗИМНЯЯ ДОРОГА ВДОЛЬ ЛЕСА

*Ни огня, ни черной хаты,
Глушь и снег... Навстречу мне...*

АСП

*Зачем мы тут и что нам надо,
Где только снег — и ни огня.*

Р. Фрост

Проезжаю, чуть примяв узором шинным
Снег беззвучный с лунных туч. И не темно.
Безразлично, из кибитки, из машины —
Три квадрата на снегу освещено.

Хлопья снега чуть не с блюдечко размером
Так планируют в запое тишины,
Что скользят по днищу тучи тёмно-серой,
Под которой три окна освещены.

Ну а что за теми окнами? Однако
Им спасибо — близкий лес не так уж дик... —
Вон камин, диван, лохматая собака,
А над ней пейзаж Монэ, да полки книг...

Начинаешь поневоле притормаживать,
заглядывая в каждое окно.
А хозяина не видно... Может даже,
Что его вообразить запрещено?..

Ну, а снег кружится медленно, бесшумно.
Хлопья вроде бы не падая, скользят.
Этот снег напоминает неразумно

Хоть о том, что было много лет назад,

Как два раза заходил ты в ту же реку,
Как плевал на все «везло» и «не везло»,
Хоть о том, чего и не было отвеку,
Что могло бы... Или вовсе не могло?

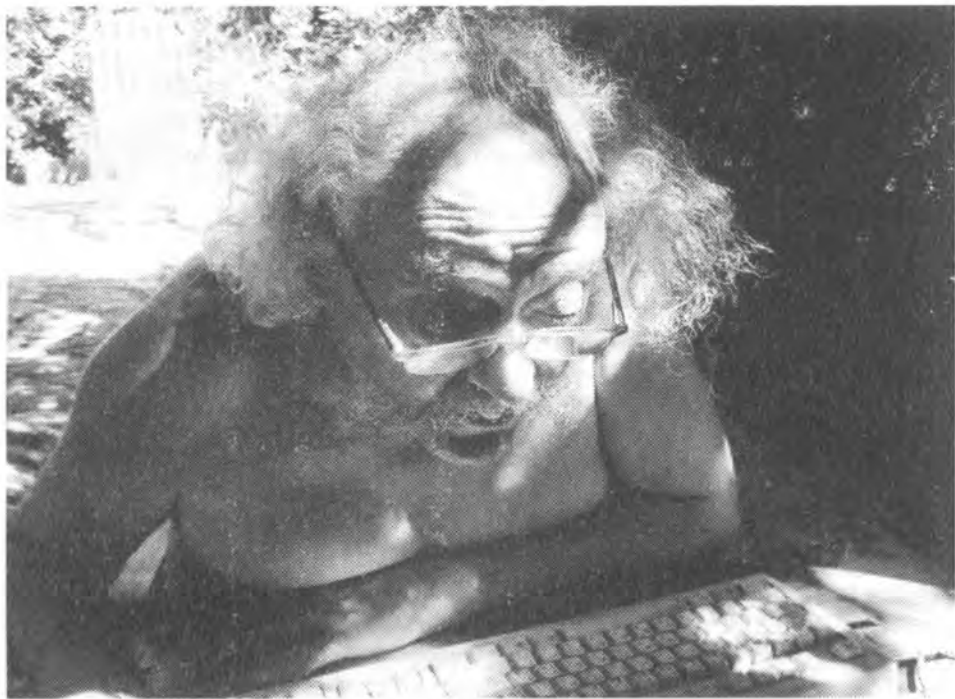
То, что было — можно снег смахнуть и снова
Приоткрыть полузамёрзлую траву...
Ну, когда-то в ней затерянное слово,
Да и всё, что приключилось наяву...

Но зачем перебирать, скажи на милость!
Ведь таких воспоминаний — хоть мешок!
А вот памятью о том, что не случилось,
Из-под снега можно вытащить стишок!

Да хоть тот, где «ни огня ни чёрной хаты»,
Или Фроста — тот, где озеро и лес...
Ну, а может быть — свой, новый, небогатый,
Но зато мне лично сброшенный с небес!

Нет, я мериться ни с кем не стану ростом,
Только в окнах освещённых вижу тут,
Что в пространстве между Пушкиным и Фростом
Эти строчки место где-нибудь найдут...

17 января 2013

Le Gaou

Там где нет суеты городской,
Там где лес, там где берег морской,
Где кустов и цветов кутерьма,
Где шумит, незнакомый с тоской,
Сад, взбегая по склону холма —

Нет помехи для глаз и ума!

Перечитывать книги, года...
Перечитывать лес и людей...
Но из многого — что навсегда
Остаётся картиной твоей,
Той, не гаснущей ночью ли, днём,
Нависающей над бытиём,
Непохожих связав наугад,—
Только сад, только сад, только сад.

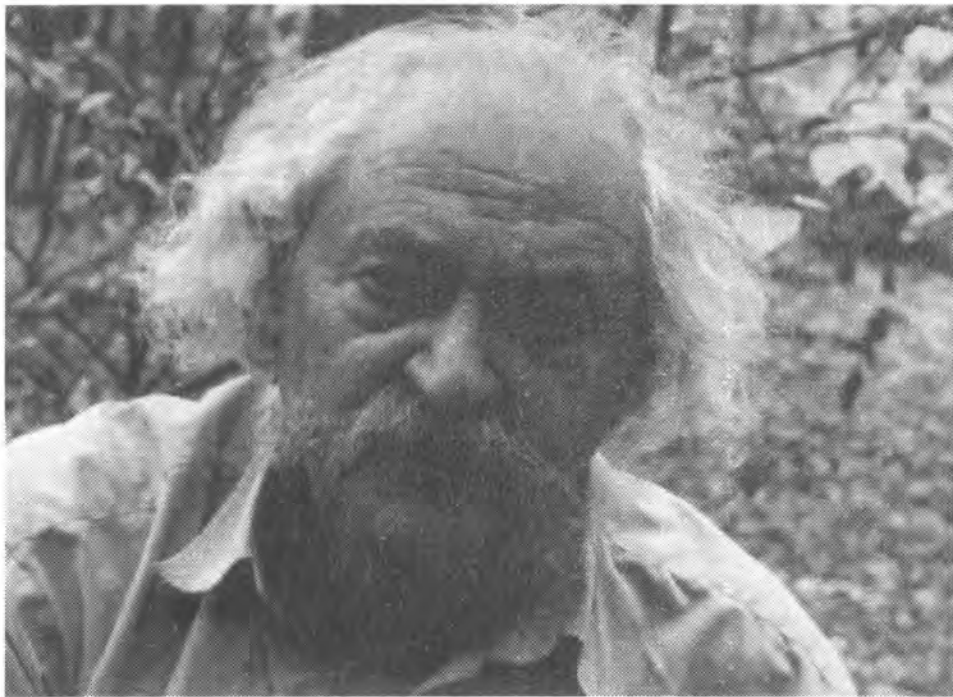
Что в тетрадку ты не записал,
Испарится, как в луже вода?
Ну, нашёл — и плечами пожал —
Разве я написал? Но когда?
Никого не согрело пока
То, что сделал полвека назад.
Как бы суть ни была велика,
Всё, что создали мысль и рука —
Только сад, только сад, только сад!

Музыканты меняют места...
И привычно им, и не впервой—
Перечитывать ноты с листа,
Человечков, что вниз головой
На пяти на ступеньках торчат...
А вот музыка в них ли?.. Постой,
Зазвенит небывалой струной —
Только сад, только сад, только сад...

Этот мир отделён не стеклом,
В нём живут, а не просто глядят.
Что останется в мире кривом?
Не открытье, не книга, не дом,—
Только сад, только сад, только сад...

1 ноября 2012

ПОСЛЕ СМЕРТИ
(из стихов середины марта 2013, *редакция моя.*—Е.К.)

* * *

Дерево корявое и сухое,
Звероподобно похожее на кого, на что?
Тень роняет, наклонясь над водою,
И невнятно: а где тут что?

Точно можно сказать только, где солнце,
И что вокруг него полутемно,
А ты вдруг себя чувствуешь то ли занесённым,
То ли своевольно вошедшим
В недописанное полотно!

Но где отражения, а где просто тени?
Что рядом, а что как будто и вдалеке?
След ухваченных объективом чудных мгновений —
Этот странный пейзаж, не написанный никем.

Но и тень, и отражение
Зверообразной коряги,
И отражение солнца, подёрнутое туманом,
Всё-таки прячется на полотне, или на бумаге,
Всего верней —
Где-то между Врубелем и Левитаном...

март 2013

*** * ***

*Только поэзии дано соединять
«далековатые понятия»
Пушкин*

Только снег сбежал, и ещё нет
Ни травинки — но вот уж написан
Меж кустов, по-мартовски чёрных,
Блеск — мазки золотых нарциссов,
Над промокшей землёй — ответ рыжий —

И цветок так привычен с виду,
Но сощурю глаза — и увижу —
Блеск нарциссов в лесу под Парижем
Станет куполом Инвалидов...

Ну а между столбов золочёных
Под квадригой, где кони дыбом,—
Золотые трубы тритонов
В облаках продувают дыры.

И когда в эти дыры неожиданно
Луч косой проскользит воровато,
Пусть тебе не покажется странно,
Что видна — на фоне заката —

Двух столиц потёртая слава:
Слева дева и справа дева —
Аллегория Сены слева,
И Невы аллегория справа...

И неважно, в центре Парижа,
Или в тёмном лесу Медона
Трубный отзвук и отсвет рыжий
Нас настигнут определённо:

На мосту ли, в лесу ли мы были?
Всё равно сквозь ветер бессонный
Мы едва ли бы отличили:
То нарциссы поют нам, или
Золотые трубы тритонов?..

*Медонский лес — Париж,
мост Александра Третьего, март 2013*

ПАМЯТИ ШЕСТИДЕСЯТЫХ

Нет, сегодня пока ещё в лес не ходи:

Соло ветра.

Под соснами голо.

Без грибов через солнце грибные дожди,

Через солнце, и ветер, и холод...

И не нам эти дни для чего-то даны,

И не выжата тема поныне.

А лихие стихи? А бурливость весны?

Это будет в другой половине...

Там, где марево шестидесятых годов —

И копание в книжных развалах,

Там, где барды — пускай даже без голосов —

И стихи в переполненных залах,

Понедельник тяжёлый, мол, день, говорят.

Может, это и так для кого-то,

А для нас месяцами, годами подряд

Он всегда начинался в субботу!

Вот тогда не бывал дождь грибной без грибов!

И решалась любая проблема

То вдруг живописью тех уда́лых годов,

То весёлою мудростью Лема,

И стих с прозой мешался, и с музыкой — быт,

Бойко имя скакало на имя,

И космической жаждой был вечер набит,

И дожди все казались грибными...

Эти ж, мартовские,— лишь похожи на них
И синиц не разносятся звоны,
И ещё не оттаяли проза и стих,
И купаются в лужах вороны...

И события день не сливают со днём:
От двадцатого век отгорожен...
Сколько ты в эту стенку ни бейся — хоть лбом —
Непрерывность найдёшь ли? И всё же —

Не всегда вырастали стихи из неё,
И дожди не всегда монотонны...
Но присутствие не обнаружало твоё,
Мёрзлый душ принимают вороны...

Наплевать им, что дождь и туман впереди,
Что забыла весна своё имя:
Для ворон на грибные похожи дожди,
Но грибов-то не будет за ними!
Затеряются строки в пустотах затей,
И глухие верлибры не станут звучней,
И никто не заметит вороньих дождей,
Посчитав их с чего-то грибными...

март 2013

* * *

Ощущение повседневной тревоги
Легко сменяется ощущением пути,
И на первый план выступают иные заботы...

Ты дома не замечаешь, что вишня за окном начала цвести,
А из машины цветущий терновник, белые повороты,
И сам уже не точно уверен — а кто ты?..

Может и оттого,
Что воздух меняется со сменой ветра,
И у каждого ветра свой знакомый вкус:
Вот у раннего юго-восточного —
Привкус — перелопаченной земли!
А в конце весны всё смешается. Оттого ли,
Что травы, или те деревца расцвели,
Или вон тот непонятный куст?

Только виноградник, забытый в зимних пустотах,
Даже когда проскакало время цветочных затей,
Пока ещё лишён и намёка на живое что-то:
И не представить, что этим чёрным палкам придёт охота —
Стать источником зелёных пиров фигурной листвы
И тяжёлых лиловых кистей!

Это Бургундия.
Выйдешь из машины —
Виноградник от края горизонта до другого края.
Сколько тут можно часов монотонно куда-то идти, идти...
Но и в однообразии виноградников летний ветер легко
заменяет
Домашнюю повседневную тревогу легчайшим чувством пути.
март 2013

СОСТАВИТЕЛИ («ВЫБОРЩИКИ»)

Марина Айнбиндер

Бульвар Сен- Мишель в жёлтых тонах

Взгляд на нечто

Истоки («Пейзаж, опять пейзаж? А что мне остаётся?»)

Мокрый триптих («Необычное всё начинается с повседневности»)

Нелирическое отступление от очевидности («Летом лето нам кажется вечным»)

Осенняя венгерка

Послание Александру Кушнеру

Сонет для Дилана Томаса

Стоп-кадры («Ту простую истину, что разные жизни на разных движутся скоростях»)

Только сад («Там где нет суеты городской»)

Шекспир и компания

«Вернуться в прежнего себя...»

«Всюду, куда б меня ни занесло»

«Есть причастность в срыванье»

«И дождик. И жёлтые фары горят»

«Как сохранить кусок рассвета»

«Когда туман к воде сползает постепенно»

«Не знаю, откуда берутся...»

«Ощущение повседневной тревоги...»

«Расцвели невовремя цветы»

«Чёрно-белую гравюру зимы»

Александр Бирштейн

Бретонский натюрморт

Бульвар Сен-Мишель в жёлтых тонах

В лесах
Вариации
Витражи
Два стихотворения о погоде
Заметки к биографии Абрама Терца
Замыкание времени
Изборск
Калейдоскоп
Канцона
Кто мы?
Мельканье за окном
Мой вальс
Осень в Новой Англии
Памяти Чехословакии
Провансальская баллада
Рыбный рынок в Венеции
Сказание о древнем бретонском городе Ис, о нечестивом
короле Граллоне и его морском коне, о принцессе Дахуте,
и о ресторанчике в порту Дуарнонэ
Снег в Париже
Сонет о детстве
Стансы из Флоренции в Пизу и обратно
Тень Ренессанса
Тиволи
Три оды югу
Тяжёлый юг
У маяка
Фуга
Эхо Рима
Cœur de lion («На узком флаге огненного цвета»)

«Бунтует парк»
«В небе летнем, старинном...»
«Вдоль по улице — холодные дожди»
«Вызывает безумную жалость»
«Захлопнуть дверь и оказаться...»
«И всё сидят, дымят в кафе студенты»
«Из варяг в греки — звоните...»
«Как старый клошар от машин и зеркал...»
«Когда без дождя влажной земли запах»
«Когда двадцатый век расхвастался богатством»
«Когда случается всерьёз»
«Когда туман к воде сползает постепенно»
«Крикливы птицы бретонских скал»
«Между пеной и небом»
«Мы дошли до края света»
«На охоту за словом»
«Наступает на тени дворцов топот сумерек серых»
«Ну вот, мы и дома...»
«От всхлипов старинного джаза»
«Пёстрые на горизонте»
«Под пальмами не было ни души»
«Продаются лукавые маски...»
«Пьёт король в лиловой шляпе»
«Там, где гулки узкие кварталы...»
«То, что делаешь — делай скорей!»
«...Только латынь колокольного голоса»
«Шуршанье ящерок по солнечным камням»
«Эдип, ну при чём тут трагедия?»
«...Это — о лете?»

Владимир Богомяков

Просто так («Чертить что-то архимедное палочкой на песке»)

Рифмованный гекзаметр («Тут кругом ежевика росла, а сейчас и малина»)

Фотография («Дерево корявое и сухое»)

Этюд («Утром птицы орали о прилетающем дне»)

«В окна мне глядят Юпитер и Париж»

«Звёзды в складках воздуха скрываются незаметно»

«Ощущение повседневной тревоги»

«Признаки того, что мир сжимается всё быстрее»

«Прошлое — это как-то случайно прочтённая книга»

«Реки приносят в город что-то не городское»

«У музея Орсэ чугунные звери»

Татьяна Будорагина

Провансальская баллада

«Смесь окон, статуй, лиц и улиц, и картин...»

«...Я читал рассказик краем глаза...»

Борис Великсон

2003 год

Аппиева дорога

Вариации

Взгляд на нечто

Возвращение осени

Калейдоскоп

Мелочи жизни («Перебирать как бусины минуты»)

Мимоходом («Глициния над калиткой...»)

Нелирическое отступление от очевидности («Летом лето
нам кажется вечным»)
Отражения («Дул оркестрик из семи бродяг»)
Пейзажи («Есть картины, которых никто никогда не
писал...»)
Рифмованный гекзаметр («Тут кругом ежевика росла, а
сейчас и малина»)
Рыбный рынок в Венеции
Сонет в окне
Степь в 1950 году («Забытое лето цыганского быта»)
Стоп-кадры («Ту простую истину, что разные жизни на
разных движутся скоростях»)
«Тяжёлый юг»
Фотография («Дерево корявое и сухое»)
Хаос
«А музыкант играет»
«Вдоль по улице — холодные дожди»
«Вызывает безумную жалость»
«Дубы уходят. Листья остаются»
«...Ещё три запаха я знаю у растений»
«И дождик. И жёлтые фары горят»
«Когда без дождя влажной земли запах»
«Не на краю света»
«Ощущение повседневной тревоги»
«Поперёк автострады — тени тополей, изображая
шпалы...»
«Прошлое — это как-то случайно прочтённая книга»
«Синее-белое-жёлтое»
«Утром люди по набережной идут»
«Этот север...»

«Я громоздил в голове города»

«Ямб связан с осенью»

Артур Вернер

Букинист

Канцона

Кафе на окраине

Создатель

Фуга

«Когда туман к воде сползает постепенно»

«Шарманщик стоит на углу у Мадлен»

Наталья Веселова

Чайки в городе

«На площади Вогез»

«Тут вливается Сена в очень мелкое море»

Ирина Голяева

«Дождь за окном и нагие каштаны»

«Оливковые туманы»

Александра Григорьева

Возвращение осени

Утро средних веков

«Опять над островом Ситэ шпиль топят серые туманы»

Гали-Дана Зингер

Бульвар Сен-Мишель в жёлтых тонах

Взгляд на нечто

Возвращение осени

Замыкание времени

Канцонетта

Круги по воде

Медленный зимний сонет
Нетерпенье («И всё же мартовское солнце»)
О стульях, фонтанчиках, лошадках и...
Пиренейские размышления
Следы
Сонет в окне
Стоп-кадры («Ту простую истину, что разные жизни на
разных движутся скоростях»)
Только сад («Там где нет суеты городской»)
Цветомузыкальное («Ветры с цепи сорвались»)
«В эту осень небо привыкло»
«Вдоль по улице — холодные дожди»
«Дождь за окном и нагие каштаны»
«Дубы уходят. Листья остаются»
«И остались лишь ямы да дым»
«Мы дошли до края света»
«Небо снизилось. Небо — немо»
«Рассвет, набитый под завязку птичьими голосами»
«То, что делаешь — делай скорей!»
«...Только латынь колокольного голоса»
«Чёрно-белую гравюру зимы»
«...Это — о лете?»

Некод Зингер

Ода Пёструму Петуху
О стихах, географии, собаках и т.д.
Петушина соната

Елена Калитеевская

2003 год

Баллада южного леса («Где зелень заменила стены»)

Голоса трёх базаров

Два стихотворения о погоде

Канцона

На тему «Илиады» («Я сжигал корабли не затем, чтоб
никто не вернулся»)

Флоренция («Развалясь, задыхаясь, старея»)

«В городских садах с цветниками»

«За окном вагона»

«...И вот затворяются деревянные решётки»

«На площади Вогез...»

«На развалинах Вавилона»

«Опять над островом Ситэ шпиль топят серые туманы»

«Пора кончать петербургскую повесть...»

«Правда, не нужны мне снег да камни»

«Тяжёлый юг»

Вадим Каплуновский

Канцона

Памяти Чехословакии

Сказание о древнем бретонском городе Ис, о нечестивом
короле Граллоне и его морском коне, о принцессе Дахуте,
и о ресторанчике в порту Дуарнонэ

Только сад («Там где нет суеты городской»)

«Когда всплывает Атлантида...»

«На месте Нотр-Дам»

«Наступает на тени дворцов топот сумерек серых...»

«Пора кончать петербургскую повесть...»

«Тяжёлый юг»

Мария Кассель

Бакинская бухта

Блинный сонет

Великое зелёное море

Грибной дождь («Дождик вялый, не забубённый»)

Ёлка на пляже

Истинно новогодняя баллада

Колхида

Кукушка («Мокрые подснежники в тумане»)

Мимоходом («Глициния над калиткой...»)

Мокрый триптих («Необычное всё начинается с повседневности»)

Моховая 41

На площади Контрэскарп («Давно — ноябрь»)

Осенняя венгерка

Осколок («Вот лежит под кустом коринки»)

Песенка шута

Сегодня («Ненужные книги толпятся»)

Стихи на 80 лет («Я, наверно, потомок охотников и скальдов»)

Фоторепортаж с медонского базара

Химеры («Играют синие огни на лапах ёлок»)

Через сорок лет («Сова над лодкой снизилась и взмыла»)

Эльсинор

«Впереди — бесконечная зима»

«Живёт только тот, кто ждёт»

«Запахом свежего хлеба и кофе»

«И дождик. И жёлтые фары горят»

«Идти вдвоём по набережной тёмной»

«Наступает на тени дворцов топот сумерек серых»

«Ну, окно в городской квартире»
«Осенний лес... Вот он опять осенний»
«Ощущение повседневной тревоги»
«По Питеру бродить, и в аппарат»
«Под влажным солнцем осени желтеет Летний Сад»
«...Правда, не нужны мне снег да камни»
«Привычно, даже уютно, что лето переоденется в зиму»
«Пьёт король в лиловой шляпе»
«Собака нюхает солнце...»
«Собака приносит на лапах лесную грязь»
«У Нотр-Дам над рекой»
«Утром люди по набережной идут»
«Я зимой купил в Венеции»
«Ямб связан с осенью»

Татьяна Китанина

200 лет спустя

Снег в Париже

Термы Каракаллы

Часы

Через 40 лет («Сова над лодкой снизилась и взмыла»)

«Как мы боимся неузнавания»

«На площади Вогез»

«Позарастили стёжки-дорожки»

«Урбино пахнет резедой»

Юлия Колоскова

Стихи на 80 лет («Я, наверно, потомок охотников и скальдов»)

«Опять над островом Ситэ шпиль топят серые туманы»

Через 40 лет («Сова над лодкой снизилась и взмыла»)

Марина Кордон
Замыкание времени
Зимняя дорога вдоль леса
«Бунтует парк»
«Стеклянный вечер на снегу»

Александр Кушнер
Ёлка на пляже
Моховая 41
Там (Коктебель 1938)
Через сорок лет («Сова над лодкой снизилась и взмыла»)
«А когда пятипалый разлапистый лист платана...»
«Как мы боимся неузнавания»
«Смесь окон, статуй, лиц, и улиц, и картин...»

Галина Макагонова
«Август был самодержавен и ленив»
«Скачет рыцарь из Ламанчи»

Екатерина Нечаева
1944-ый
Аппиева дорога
Баллада южного леса («Где зелень заменила стены»)
В мимозах и соснах
Витражи
Возвращение осени
Двести лет спустя
Истинно новогодняя баллада
Калейдоскоп
Канцонетта

О стихах, географии, собаках и т.д.
Отражения («Дул оркестрик из семи бродяг»)
Памяти Чехословакии
Провансальская баллада
Рождественские чудеса
Рыбный рынок в Венеции
Снег в Париже
Стихи на 80 лет («Я, наверно, потомок охотников и скальдов»)
Флоренция («Развалясь, задыхаясь, старея»)
МЕА!

«А в Риме — февральские маки»
«Века нанизаны на время»
«Вновь приснились лыжи в Сосновке»
«Всюду, куда б меня ни занесло»
«Живём на грани того, чего не знаем»
«Замок ангела стал музеем»
«И сам изменяешься лишь от того»
«Когда всплывает Атлантида»
«Лиловый камень вместо тучи»
«Между пеной и небом»
«Мы как-то заночевали»
«Небо снизилось. Небо — немо»
«Никого ни о чем не спросив»
«Только снег сбежал, и ещё нет»
«Тяжёлый юг»

Александр Папин

Следы

Галина Полонская

Барабанная («Царь един и Господь един»)
Только сад («Там где нет суеты городской»)
«У музея Орсэ чугунные звери»

Вера Романова

Бретонский натюрморт
Геометрия туманов
Сонет о детстве
«В лилово-белом ртутном свете»
«Когда случается всерьёз»

Владимир Рубцов

1944-ый
200 лет спустя
Барабанная («Царь один и Господь един...»)
Букинист
Летний Сад («Эти головы горгон двуликих...»)
Мазурка
Памяти Антокольского («Не рыцарь — карлик из
Прованса»)
Рим («Ночная ярмарка в Трастевере»)
Стансы из Флоренции в Пизу и обратно
Sœur de lion («На узком флаге огненного цвета»)
«А меня никто не провожает»
«В бирюзовых осоках Азова...»

Влад Смолич

Баллада южного леса («Где зелень заменила стены»)

Банальности («Только существование недвижимого
чего-то...»)
Вариации
Из цикла «Китеж»
Калейдоскоп
Маленькое ехидное танго
Просто так («Чертить что-то архимедное палочкой на
песке»)
Снег в Париже
Стихи на 80 лет («Я, наверно, потомок охотников и
скальдов»)
Стоп-кадры («Ту простую истину, что разные жизни на
разных движутся скоростях»)
Тень времени («Рывком отражённый от леса ветер»)
«В безоблачности, над гранитной крепостью»
«В окна мне глядят Юпитер и Париж»
«Вечерами в переполненном трамвае»
«Когда всплывает Атлантида»
«Мы как-то заночевали
«От Китежа до Петербурга»
«Снег пытается перечеркнуть среди белого дня фонари»
«Я вижу музыку порой »

lucas_v_leyden

Весенние терцины («Не зря вчерашний предзакатный
свет...»)
«Поперёк автострады — тени тополей, изображая
шпалы...»
«Смесь окон, статуй, лиц и улиц, и картин...»

sherlock

Снег в Париже

tatale

«Ещё три запаха я знаю у растений»

vitum

Возвращение осени

Калейдоскоп

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

- 1 Ещё греческие авторы помещали один из входов в царство Гадеса на территории Крыма (напр. Еврипид).
- 2 Двумосая донская лодка.
- 3 «Я хочу забраться в горы,
Свысока смеясь над вами»
- 4 Слова Христа на Тайной вечере, обращённые к Иуде
- 5 «Лев св. Марка» в Венеции.
- 6 *Belle époque* («прекрасная эпоха») – она же *art nouveau* («новое искусство»)- так называют период и стиль в архитектуре и искусстве примерно с 1890 по 1915 В России этот стиль назывался модерн, а в Германии и Австрии – *Jugendstil*.
- 7 Верхняя вспомогательная декорация, скрывающая от зрителя механизм верхней части сцены.
- 8 В исходном тексте В. Бетаки в качестве сноски стоял перевод на русский: “Иди искать Грааль, рыцарь. (В. фон Эшенбах, «Парсифаль»)”. На самом деле, по-видимому, такой фразы нет – её безусловно нет в оригинальном старонемецком тексте, и ей не удалось найти ни в одном переводе на современный немецкий, да и трудно было бы ожидать, учитывая, что на современном немецком она грамматически неправильна. Скорее всего, Бетаки здесь «перевёл» на немецкий ту фразу, которую неточно запомнил по-русски. Название произведения фон Эшенбаха обычно пишется «*Parzival*», но изредка и «*Parzifal*». – *Примечание Б. Великсона при выверке текста*
- 9 Эта катастрофа действительно имела место: паровоз повис, вылетев через полукруглое окно второго этажа вокзала, но, правда, другого – Монпарнасского.
- 10 Лицо апостола Фомы на шпиле Нотр-Дам – это портрет архитектора Вьоле Лё Дюка. (Эта фамилия пишется сейчас по-разному – *Viollet Le Duc* или *Viollet-le-Duc*).
- 11 На балюстраде Нотр-Дам в компании химер есть статуя алхимика
- 12 *Oie* – гусь, *pois* – орех (фр.)
- 13 В гроте Ласко в Дордони сохранилась настенная живопись, которой 17 тысяч лет...
- 14 Никогда Европа не была ни раньше, ни поздней так противоречива, так парадоксальна, как в четырнадцатом – шестнадцатом столетиях. Жанна д'Арк и

Лукреция Борджиа – вот два женских лика времени, словно бы исключающие друг друга.

...А Вийон? Воплотив в себе одном всю несовместимость разнообразных до бесконечности граней эпохи, Франсуа Вийон такое же воплощение Ренессанса как, хотя бы, Леонардо да Винчи. Парадоксальность его стихов – частица парадоксальности не только жизни поэта и вора, пьяницы и вечно влюблённого идеалиста. Это зеркало парадоксальности самого Ренессанса, который сгустил в себе величайший взлёт гуманистических идей – и бесчеловечность казней, неповторимые вершины почти всех европейских литератур – и низменную корысть интриганов или отравителей, великую архитектуру, живопись – и беспредел площадной вульгарности быта...

(Из книги В. Бетаки «В поисках деревянного слона»)

15 Дуарнонэ – Douarnenez, городок в Бретани. Буква «о» плохо передает французское звучание, но русское «ё» (Дуарнёнэ?!) было бы еще хуже.

16 Девушки в причёсках – demoiselles coiffées – так называются плучившиеся в результате эрозии колонны, состоящие из относительно мягких пород, увенчанные “шапкой” из более твёрдого камня. Они встречаются во многих местах мира, в частности, в Высоких Альпах во Франции, около озера Серпансон.гибе

17 Гёте, «Поэзия и правда», 1827

18 Местная порода – белые и низкорослые, вроде полупони, но стройные

19 Символ бензоколонок компании AGIP – шестиногая собака с пламенем изо рта.

20 Один из скалистых мысов Бретани, выходящих в Атлантику.

21 На этой дороге, кроме писания стихов, и верно, делать нечего: самое скучное место во всей Италии! – как только скрываются за горизонтом холмы Флоренции, начинается семидесятикилометровый путь к морю по монотонной камышовой болотистой равнине...При скорости тогдашнего дилижанса можно не то что стансы, а и поэму за это время сочинить небольшую... (В.Б.)

22 См. мою поэму «Мазурка»

23 Гвельфы и гибеллины – политические течения в Италии, враждовавшие в XII–XIII веках. Гвельфы были сторонниками власти папы, гибеллины – императора Священной римской империи. В течение XIIIвека происходила борьба гвельфов и гибеллинов во Флоренции, закончившаяся торжеством гвельфов в конце века. В конце XIII - начале XIV века началась вражда между “чёрными” и “белыми”

гвельфами, в которой “чёрные гвельфы” представляли аристократию и папу, а “белые” были скорее связаны с торговыми слоями и были склонны к примирению с гибеллинами. Победа чёрных гвельфов привела, в частности, к изгнанию из Флоренции Данте Алигьери в 1302 г.

24 В предыдущих сборниках это стихотворение называлось «Noventimi Romani», со сноской “по-итальянски это значит «Римские девяностишья»”. (Нет, не значит. Термина “девяностишья” по-итальянски, по-видимому, нет; девяностишья были введены в поэзию Спенсером, и называются по-итальянски strofa (или stanza) spenseriana. Откуда В.Бетаки взял слово «noventimi», уже не узнать.

25 Анатолий Шагинян – известный питерский актёр, с 1975 года живёт во Франции

26 Построена в Париже в начале XIII столетия (архитектор Пьер де Монтрёй) по приказу Людовика IX (Святого) после возвращения этого короля из Крестовых походов.

27 Композиция Эразмуса Грассера «Мавританский танец» (деревянные скульптуры), Мюнхен

28 Везлэ (Vézelay) – романский собор и аббатство в Бургундии. Здесь прозвучал призыв Петра-Отшельника к первому крестовому походу (1096).

29 Здесь римский полководец Юлиан был провозглашён императором. Позднее его прозвали Отступником за то, что он отказался от христианства, уже основательно тогда утвердившегося в Риме, и на период своего правления вернул Империи всех античных богов.

30 Пхенц – инопланетянин, герой и «alter ego» автора из одноимённого рассказа Абрама Терца.

31 См. рисунок М. Шемякина на обложке книги А. Синявского «Прогулки с Пушкиным».

32 Роман А. Синявского (Терца).

Оглавление

Предисловие	4
Вариации	8
Калейдоскоп	9
Сонет о детстве	10
Там	11
Коктебель	11
Под грохот желудей	12
1944-ый	13
Отрывок	14
Цыганский бубен земли	16
Приморские строфы	17
Скачет рыцарь из Ламанчи	19
Жалейте мокрые заборы,	20
Барабанная	21
Мазурка	22
Памяти Чехословакии	25
В небе летнем, старинном	26
Кафе на окраине	27
Вечерами в переполненном трамвае	29
Опять сведённых жаждой губ	30
Идти вдвоём по набережной тёмной,	30
Осенняя венгерка	31
Когда случается всерьёз —	32
Замыкание времени	33
Под влажным солнцем осени желтеет Летний Сад.	34
Старый артист	35
В безоблачности, над гранитной крепостью,	37
Бунтует парк!	37
Летний сад	38
Геометрия туманов	39
Из варяг в греки — звоните:	40
Бакинская бухта	42
Из цикла «Беломорье»	43

Следы на снегу	44
Изборск	45
А меня никто не провожает.....	46
В этом торчащем и многоэтажном	47
Кто мы?	47
В граде Китеже, в граде Китеже.....	50
От Китежа до Петербурга.....	53
Уходит женщина во мрак.....	54
В лесах	55
«То, что делаешь — делай скорей!» ⁴	57
В бесконечной семисвечной тоске	57
За окном вагона —	58
Канцона.....	59
Когда всплывает Атлантида —	60
Никого ни о чём не спросив,.....	62
Позарасти стёжки-дорожки.....	63
Наступает на тени дворцов топот сумерек серых,.....	65
Вызывает безумную жалость.....	66
Вновь приснились лыжи в Сосновке,	67
И остались лишь ямы да дым	68
Сонет январских сумерек	69
Моховая 41	70
Под скрип уключин.....	72
Мимоходом.....	73
Этот север.....	74
Как мы боимся неузнаванья.....	76
А ты представь себе, что вот вчера,	79
...На Эспланаде —	80
И всё сидят, дымят в кафе студенты.....	81
Бедные рифмы.....	82
Посвящается Киплингу	83
Весенние терцины.....	85
Кукушка.....	85
Собака нюхает солнце... ..	86
Букинист	87

«Шекспир и компания»	88
Чёрно-белую гравюру зимы.....	90
Утром люди по набережной идут,	90
Следы	92
Нетерпенье.....	93
Когда без дождя влажной земли запах	94
Истоки	95
«А музыкант играет»	96
Грибной дождь	98
Предрассветные наблюдения водяного.....	99
Гноманистические стишки.....	100
Инерция тревоги	102
В лилово-белом ртутном свете,	105
Сонет в окне	106
Реки приносят в город что-то не городское,.....	106
Вернуться в прежнего себя	107
Признаки того, что мир сжимается всё быстрее —.....	108
Не знаю, откуда берутся	109
Прошлое — это как-то.....	110
Из метро выходишь —.....	111
О стульях, фонтанчиках, лошадаках и.....	112
Стихи на 80 лет	115
Есть причастность в срыванье.....	116
Осенний лес... Вот он опять осенний.....	118
Поперёк автострaды — тени тополей, изображая шпaлы,	119
Ноябрьский хаос	120
На площади Контрэскарп.....	121
Осколок	123
Обрывая меж листьвы кизил,	124
Ну, окно в городской квартире —.....	124
Тень времени	125
Рывком отражённый от леса ветер —	125
Заметь,— от Шекспира и до Конан-Дойля —	126
А когда пятипaлый разлапистый лист платана	127
Отражения	128

Два стихотворения о погоде.....	129
Возвращение осени.....	130
Ад вороний	132
Огни всё глубже тонут в лужах,.....	133
В эту осень небо привыкло	133
Туман на крышах, туман в ушах,.....	134
Год 2003.....	135
На охоту за словом,	135
Бульвар Сен-Мишель в жёлтых тонах	137
Дубы уходят. Листья остаются.	137
От всхлипов старинного джаза.....	138
Из галльских пейзажей.....	139
«Спи, спи — дождик идёт...»	142
Захлопнуть дверь и оказаться	143
Ты сегодня не увидишь ничего,	144
Когда туман к воде сползает постепенно.....	145
Вдоль по улице — холодные дожди.	146
Снег в Париже	147
Мокрый триптих	150
Шарманщик стоит на углу у Мадлен,	151
Медная мелочь акаций.....	152
Собака приносит на лапах лесную грязь,	153
Ночной сонет сумасшедшей зимы.....	154
Запахом свежего хлеба и кофе	155
Фуга	155
Круги по воде	158
Химеры.....	159
Тут жил когда-то Эрнст Хемингуэй... ..	161
Расцвели невовремя цветы.....	163
Опять над островом Ситэ шпиль топят серые туманы,	164
Утро тёмных веков.....	165
Медленный зимний сонет	166
У Нотр Дам над рекой, на растресканном парапете,	167
Этюд	168
Чайки в городе.....	169

Птичьи строчки	170
Живёт только тот, кто ждёт.....	171
Снег пытается перечеркнуть среди белого дня фонари.	171
Может, он ошибся? И пожалуй.....	173
...Правда, не нужны мне снег да камни.....	174
Голоса трёх базаров	176
Фоторепортаж с медонского базара	178
Кустов задумчивые морды	180
...Я читал рассказик краем глаза.....	182
Метаморфозы	182
Я громоздил в голове города,.....	185
Пёстрые на горизонте	187
Перед-рассветный поезд.....	188
Озеро в лесу. Два островка. На один можно — вброд.....	189
Двести лет спустя.....	191
Осень в Новой Англии.....	193
Песенка	194
Ода пёструму петуху	195
Пешком по лесу — на скорости хоть до нашей эры,.....	198
С другого берега.....	199
Зелёные стихи.....	201
В глуши	202
Мишурные брызги —	204
Начало	205
Река времён.....	209
Ёлка на пляже	211
Синее-белое-жёлтое,.....	212
Локронан	213
Бретань, залив Дуарнонэ	214
Не мыс, а скорей полуостров,.....	215
Петушинная соната... ..	216
Не страшно выглядеть старым,.....	218
Здесь и сейчас.....	220
Три оды югу	222

Утреннее удивление —	226
Стоять и смотреть над морем —	227
Провансальская баллада.....	228
Создатель	230
Тяжёлый юг. Тяжёлое вино.	231
Август был самодержавен и ленив,.....	232
Сорок лет спустя	233
Бегают по лесу листья	235
Какое множество зелёных склонов,	235
Пиренейские размышления.....	236
Между пеной и небом,.....	238
Реалистичное.....	240
Через сорок лет.....	240
Облезлая скамейка. Рейки.....	242
Как старый клошар от машин и зеркал —	242
По радуге бледного моста	243
И расплзались от самолётов по небу шрамы,.....	244
...Это — о лете?	245
У маяка.....	247
Это колокола там звонят. И молчит телефон.....	248
Глядишь в передней по углам,	249
Итог романтизма	250
Ещё даже не остыли следы заката на лунном	252
Туман скользнул незаметно, глухо,	253
Сен-Геноле	254
Церковь у моря	255
На краю.....	256
Небо снизилось. Небо — немо.	256
Ветер.....	258
Ода-баллада	259
Блинный сонет.....	261
На берег выйти можно:.....	261
Крикливы птицы бретонских скал.	263
На сером краю промокшего мира,.....	264
Приморский сонет Дилану Томасу.....	265

Бретонский натюрморт.....	266
Сказание.....	267
Мы как-то заночевали.....	271
Мы дошли до края света.	273
Как сохранить кусок рассвета?.....	275
Нелирическое отступление от очевидности.....	276
Контрастность более всего присуща лету,.....	277
Колхида	279
Великое зелёное море	280
Вечернее размышление у моря.....	281
В мимозах и соснах.....	282
Сонет брегансонского пляжа	284
Баллада южного леса.....	284
...И вот затворяются деревянные решётки.....	285
Моя «переписка» с лордом Байроном.....	287
Урбинó пахнет резедой. Точней —.....	290
Канцонетта.....	291
Под пальмами не было ни души.....	292
Шуршанье ящерок по солнечным камням,.....	293
Флоренция.....	293
Не на краю света,	295
Анакреонтический диптих	296
На развалинах Вавилона	297
Пора кончать петербургскую повесть —.....	299
Что там на музейных стенах?	304
Мелькание за окном.....	305
А в Риме — февральские маки	307
Века нанизаны на время	309
Аппиева дорога,	310
Замок Ангела стал музеем.....	311
Тиволи	311
Термы Каракаллы.....	313
Июнь.....	314
Эхо Рима	316
Римские девятистишия.....	318

Авентино	319
Егого готало	323
Рождественские чудеса	324
Мыс Ра	326
Меа!	326
Лиловый камень вместо тучи,	327
Из цикла «Венеция»	329
Ну вот, мы и дома —	329
Там, где гулки узкие кварталы,	329
Продаются лукавые маски.	331
Рыбный рынок в Венеции	331
Жалоба кота	333
Я зимой купил в Венеции	333
Ветра не слышно. Не воздух, а холод.	334
Песенка шута	335
... И был дождей фальшивый лак,	336
Конец Фауста — это как Симеон:	337
Ямб связан с осенью. Но не	338
Эти камни болтливы, а те — бессловесны,	339
Привычно, даже уютно,	340
Заключение	342
...Ещё три запаха я знаю у растений:	343
Стихи о прозе	343
Послание Александру Кушнеру	345
Незавешенное окно	347
Тем, кто в чашах готических не был,	348
Сегодня	350
Рифмованный гекзаметр	351
Взгляд на нечто	353
Мелочи жизни	357
Всюду, куда б меня ни занесло,	358
Просто так	358
О стихах, географии, собаках и т.д.	360
Перед новым годом	361
Ёлочный сонет	362

Бронзовые музы	363
Живём на грани того, чего не знаем,.....	364
У музея Орсэ чугунные звери.....	365
Разрушается прочное:.....	366
Читать актёры не умеют:.....	369
Терцины ни о чём.....	370
В ритме хлопающих крыльев	373
Тройная ода к времени	373
Стоп-кадры	376
Три обезьяньих божества	378
Я вижу музыку порой	379
Цветомузыкальное	380
Маленькое ехидное танго.....	381
Из цикла «Художники»	383
Пьёт король в лиловой шляпе,.....	383
Пейзажи	385
Смесь окон, статуй, лиц и улиц, и картин.....	386
Эклога Силену.....	387
Витражи	389
Собор.....	390
Cœur de Lion	391
Часы.....	392
На месте Нотр-Дам... ..	393
Заметки к биографии Абрама Терца	394
Памяти Станислава Лема	395
На тему «Илиады»	396
Хаос	397
... Только латынь колокольного голоса	399
Эльсинор	400
... И сам изменяешься лишь от того,	401
Эдип, ну при чём тут трагедия?.....	402
Мозаика одной недели	404
Ни от кого никому	407
Когда двадцатый век расхвастался богатством,	409

Тень ренессанса.....	411
Банальности.....	412
Истинно новогодняя баллада	414
Мой вальс.....	416
И дождик. И жёлтые фары горят,	421
Дождь за окном и нагие каштаны —.....	422
Оливковые туманы.....	423
Стеклянный вечер на снегу.....	424
Зимняя дорога вдоль леса.....	425
Там где нет суеты городской,.....	427
После смерти.....	430
Дерево корявое и сухое,.....	430
Только снег сбежал, и ещё нет.....	431
Памяти шестидесятых	433
Ощущение повседневной тревоги.....	434
Составители («выборщики»).....	436
Примечания автора.....	451

Литературно-художественное издание

Василий Павлович Бетаки
ПОЗДНИЙ КУЗНЕЧИК

Редакторы-составители Е. Кассель, А. Бириштейн
Технический редактор Б. Великсон
Верстальщик М. Кордонский

Подписано в печать 15.11.2013

Формат 60×70/16

Усл. печ. листов 22,6

Гарнитура Charter. Бумага офсетная

Заказ № 6600

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «ВМВ»

Украина, 65053, Одесса, пр-т Добровольского, 82-а,

Тел. 751-14-87

И пускай себе подмокшая листва
Жаркой сыростью шуршит над головами —
Говорю одними главными словами
(Если есть на свете главные слова!)

